СОЧИНЕНІЯ

Кн. Д. П.

ГОРЧАКОВА

П. Е.

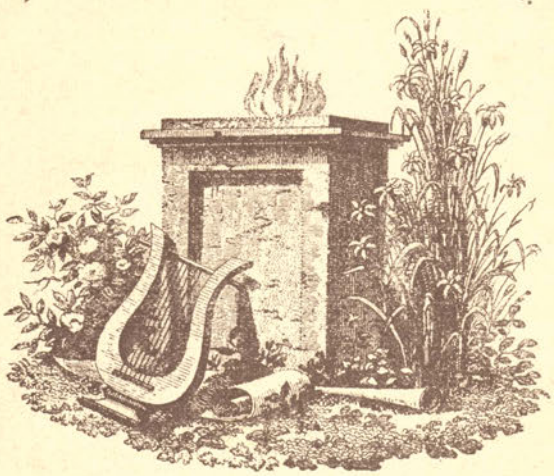
ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ ШК. ПОЛ.

Библ. Пушк. Дома
5 ч/12
Инв. №

БИБЛІОТЕКА ПУШКИНСКАГО ДОМА.

Изъ книгъ П. А. Ефремова.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ

Д. П. ГОРЧАКОВА.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1890.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ

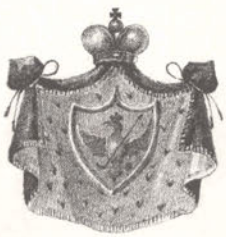
Д. П. ГОРЧАКОВА.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1890.

16600

Ин-т Русск. Лит-ры
Библиотека
АН СССР

А. Сухобъ

Отъ издательницы.

Выпуская въ свѣтъ собраніе произведеній моего дѣда, князя Дмитрія Петровича Горчакова, считаю не лишнимъ предпослать имъ краткій очеркъ его жизни, свѣдѣнія для котораго мной взяты частію изъ личныхъ воспоминаній моего отца, князя Сергія Дмитріевича Горчакова, частію изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Некрологія, помѣщенная въ № 12 „Сѣверной Пчелы“—1825 г.

б) Опытъ краткой исторіи литературы Н. Греча—1822 г.

в) Историческая Христоматія Галахова т. II, стр. 175, С.-Пб.—1864 г.

г) Русскіе писатели XVIII вѣка М. Лонгинова въ „Русской Старинѣ“ въ декабрьской книжкѣ 1871 г.: Князь Д. П. Горчаковъ.

д) Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, Григорія Геннади—1876 г. Берлинъ.

Княжна **Елена Горчакова.**

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ, единственный сынъ небогатаго дворянина Костромской губерніи, князя Петра Ивановича Горчакова, родился 1-го января 1758 года, былъ потомокъ четвертаго сына князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго *), Мстислава Карачевскаго, и велъ свой родъ отъ князя Ивана Ѳедоровича Перемышльскаго, по прозванію *Горчакъ*. Князь Дмитрій Петровичъ получилъ домашнее образованіе и въ молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ военную службу. Сначала онъ былъ адъютантомъ князя П. С. Гагарина, потомъ служилъ капитаномъ въ корпусѣ войскъ на Кубани, гдѣ обратилъ на себя особое вниманіе и благоволеніе великаго Суворова. Въ 1780 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора и занялся въ своемъ имѣніи, Тульской губерніи, сельскимъ хозяйствомъ. Для сбыта заготовленнаго въ его деревняхъ фламандскаго полотна, онъ отправился къ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ. Прежній начальникъ его Суворовъ, увидавъ его вновь въ воинскомъ станѣ, взялъ его съ собой на штурмъ Измаила (1790), гдѣ князь Дмитрій Петровичъ получилъ въ руку тяжелую рану, отъ которой страдалъ до конца своей жизни. Въ царствованіе императора Александра I онъ занималъ должности таврическаго губернскаго прокурора и правителя дѣлъ въ молдавской арміи, при главнокомандующемъ князѣ М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ, съ которымъ возвратился въ Петербургъ въ 1812 году. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Кострому, а въ 1816 уже вышелъ въ отставку и съ того времени, до самой своей кончины, жилъ въ Москвѣ частнымъ человѣкомъ *). Одаренный свѣтлымъ и необыкновенно-острымъ умомъ, онъ отличался своимъ образованіемъ, хорошо зналъ французскій и нѣмецкій языки, восхищался Вольтеромъ, какъ первымъ въ свѣтѣ трагикомъ, и въ молодости даже слылъ ярымъ вольтеріанцемъ, хотя

*) Замученный татарами въ Ордѣ въ 1246 году и святою православною церковью причисленный къ лику святыхъ. Мощи его покоятся въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

*) Некрологія, „Сѣверная Пчела“ 1825 года, № 12.

въ душѣ не переставалъ быть христіаниномъ и вѣрнымъ сыномъ Россіи, что и доказалъ впослѣдствіи своимъ сближеніемъ съ литераторами совершенно другаго направленія.

Какъ сторонникъ Державина и Шишкова, онъ участвовалъ въ учрежденіи и трудахъ Бесѣды Любителей русскаго слова, былъ однимъ изъ ея членовъ и писалъ для чтенія въ ея собраніяхъ стихи подъ названіемъ „Бесѣдъ“ и „Посланій“ къ разнымъ лицамъ въ поучительномъ и сатирическомъ тонѣ. Эти *посланія* или *сатиры* князя Горчакова были въ большомъ почетѣ у членовъ Бесѣды Любителей русскаго слова и дѣйствительно принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей сатирической поэзіи по рѣзкости обличенія и по силѣ негодующаго тона *). Стихомъ онъ владѣлъ отлично, но мало трудился надъ его обработкой и, часто увлекаясь мыслью, пренебрегалъ внѣшней формой своихъ стихотвореній. Этотъ недостатокъ присущъ характеру автора и повліялъ на весь строй его жизни; онъ не обладалъ ни терпѣніемъ, ни выносливостью, увлекался то военной службой, то сельскимъ хозяйствомъ, два раза выходилъ въ отставку и, несмотря на личную храбрость и несомнѣнныя достоинства, кончилъ свое служебное поприще въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Литературой онъ также занимался урывками, отъ оперъ переходилъ къ сатирамъ, писалъ повѣсти, поэмы *), но весьма мало заботился о распространеніи своихъ произведеній, большая часть которыхъ и осталась неизданною, отчасти по его безпечности и равнодушію къ литературной славѣ, отчасти потому, что въ его стихахъ было много прямыхъ и косвенныхъ личностей *). Особенно былъ извѣстенъ въ свое время одинъ его „Noël“, гдѣ выведенъ былъ фонъ-Визинъ; онъ нигдѣ не былъ напечатанъ, но въ Москвѣ и Петербургѣ читался многими въ рукописи. Послѣ смерти князя Дмитрія Петровича стихи его нерѣдко стали появляться въ альманахахъ и журналахъ того времени и многіе изъ нихъ, какъ впослѣдствіи стихи Грибоѣдова, обратились въ пословицы. Замѣчательно также, что всѣ его сочиненія, вышедшія отдѣльно, были напечатаны въ минувшемъ вѣкѣ; а въ эпоху, когда онъ пользовался наибольшимъ почетомъ, какъ авторъ, то-есть уже послѣ кончины Екатерины II, въ книжныхъ каталогахъ имя его уже не встрѣчается *). Такъ и игранная въ 1801 году на сценѣ

*) Историческая Хроника Галахова т. II, стр. 175.

*) Рукописи оставались въ деревнѣ, гдѣ сгорѣли.

*) „Русская Старина“, декабрь 1871 г. Русскіе писатели XVIII вѣка М. Лонгинова. Кн. Д. П. Горчаковъ.

*) Тамъ же.

его комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, „Безпечный“, не была напечатана и мы находимъ только отрывки изъ нея въ „Памятникѣ Отечественныхъ Музъ“ за 1827 г. Той же участи подверглись многія изъ его сатиръ, въ томъ числѣ стихотвореніе, писанное передъ 1812 годомъ: „Русскій у подножія Чатырдага“; оно сохранилось въ рукописи у А. И. Казначеева и было имъ сообщено редактору „Русскаго Архива“ для напечатанія только въ 1871 году. Объ этомъ стихотвореніи разсказываютъ, что министръ юстиціи Балашевъ прочелъ его императору Александру Павловичу и выразилъ мысль о невозможности эти стихи допустить въ печать.

— Отчего же, — сказалъ государь, — qui se sent morveux se mouche *).

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ скончался 29-го ноября 1824 года и похороненъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Ѳеодоровнѣ Боборыкиной и оставилъ отъ брака съ ней трехъ сыновей *) и двухъ дочерей. Единственная его сестра княжна Анна Петровна Горчакова, скончавшаяся въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ преклонныхъ лѣтахъ въ московскомъ дѣвичьемъ Зачатіевскомъ монастырѣ, въ тайномъ постриженіи, обладала также поэтическимъ талантомъ и писала стихи духовнаго содержанія, которые, къ сожалѣнію, не сохранились.

*) На ворѣ шапка горитъ.

*) Князей Петра, Михаила и Сергія.

КАЛИФЪ НА ЧАСЪ.

Комическая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

КАЛИФЪ НА ЧАСЪ.

Комическая опера въ четырехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Калифъ Гарунъ-Аль-Рашидъ, г. Лапинъ.
Зобѣида, главная султанша, г-жа Носкова.
Гіафаръ, верьховный визирь, г. Азерскій.
Мезруръ, начальникъ евнуховъ, г. Угрюмовъ.
Абдалла, чеботарь, г. Ожогинъ.
Фатьма, жена ево, г-жа Соколовская.
Роксана, дочь ево, г-жа Виноградова.
Гассанъ, женихъ Роксаны, г. Колесниковъ.
Работникъ Абдаллы, г. Бакшеевъ.
Абульфидаръ, лѣкарь, г. Залышкинъ.
Невольницы Калифовы.
Невольники, пѣвчіе.
Гвардія Калифова.
Чиновники Калифовы.

Дѣйствіе въ Багдадѣ. Музыка Пашкевича.

Написана въ 1786 году. (Помѣщена въ Россійскомъ Ѳеатрѣ Часть 26-я 1788 г.).

ДѢЙСТВІЕ I-е.

Театръ представляетъ Багдадскую улицу; съ одной стороны у одного дома навѣсъ; на Театрѣ ночь. Фатьма и Роксана, сидя въ окнѣ, поютъ. Калифъ и Гіафаръ вдали переодѣтые.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фатьма (*поетъ*).

Мой мужъ не возвращался,
Конечно онъ ужъ пьянъ.

Роксана (*поетъ*)

Любезный мой Гассанъ
Со мною ты доселѣ не видался.

Фатьма.

Прошелъ ужъ день,
Покрыла землю тѣнь.
А я его напрасно ожидала.
Эй мужъ погубишъ ты себя.
Зачемъ бы Кади звать тебя:
Ахъ-ти, моя съ тобой головушка пропала!

Роксана.

Прошелъ ужъ день,
Покрыла землю тѣнь.
А я тебя еще не обнимала.
Спѣши, дай видѣть мнѣ себя.
Или забылъ ты, что тебя
Роксана цѣлой дѣнь сегодня не видала.

Вместе.

Фатьма.

Чортъ его возми: не стану ждать. Пойдемъ Роксана, одѣнемся, да навѣстимъ Расиму. (*Затворяютъ окно.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Калифъ и Гіафаръ.

Калифъ.

Какіе прекрасные голоса! Гіафаръ, хотя севоднишняя прогулка была мнѣ не удачна, и мы, обойдя всѣ улицы, ничего не нашли; однакожъ я надѣюсь, что труды мои заплачены будутъ; постоимъ здѣсь.

Гіафаръ.

Повелитель правовѣрныхъ! да будетъ воля твоя: но я ничего путнаго не надѣюсь. Въ этомъ домѣ живетъ ремесленикъ, который обыкновенно большую часть выработанныхъ имъ денегъ пропиваетъ.

Калифъ.

Что нужды. Естьли мы не увидимъ важнова; то можетъ быть увидимъ смѣшное. Сверьхъ того еще рано: ночь едва наступаетъ, такъ лучше подождать.

Гіафаръ.

Посторонимся, государь! Я слышу стукъ.

Калифъ.

Тише, тише: спрячемся за этотъ уголъ, и дадимъ волю. Я слышу отворяются двери. Пойдемъ скоряй. (*Уходятъ, и становятся за уголъ такъ, что ихъ не видно.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Фатьма и Роксана (*выходятъ изъ дому, у котораго навѣсъ. Они въ покрывалахъ: но поднявши оныя.*)

Роксана.

По этому, матушка, Гассанова мать очень больна. Ну, какъ это помѣшаетъ нашей свадьбѣ!

Фатьма.

Небось Роксана! Она не такъ опасно больна, какъ ты себѣ воображаешъ, она только немного простудилась, и ты съ лишкомъ пугаешься.

Роксана.

Ахъ матушка! когда любишь, то всего боишься. Малѣйшее любовнику огорченіе чувствительно для любовницы; а Гассанъ, Гассанъ, такъ мнѣ милъ! (*поетъ.*)

Все сердце устрашаетъ,
Все душу сокрушаетъ.
Когда начнешъ любить,
И кажется во страсти,
Что всѣ спѣшатъ напасти
Драгова погубитъ.

Не зрѣти мнѣ Гассана
Несносна сердцу рана,
И смерти зляй сто разъ.
Я день тотъ ненавижу,
Когда его не вижу,
И вѣкомъ чту тотъ часъ.

А я ево цѣлый день севодни не видала.

Фатьма.

Велика бѣда, что цѣлой день не видала! еще наглядишься на него, какъ выдешь за него за мужъ.

Роксана.

Мнѣ кажется, что наше счастіе никогда не совершится. Положили было свадьбѣ быть на нынѣшней недѣлѣ, да и отложили.

Фатьма.

Для того, что мать Гассанова занемогла.

Роксана.

Всегда препятствія! стало она очень больна, коли свадьбу за тѣмъ отложили.

Фатьма.

Нѣтъ! это не остановка: однако же надобно ей повыздоровѣть да пойдемъ къ ней, пора.

Роксана.

А естьли батюшка насъ спроситъ?

Фатьма.

Я велѣла сказать ему, что мы пошли навѣстить Расиму, Гассанову мать.

Роксана.

А естьли онъ разсердится, что мы поздо пошли?

Фатьма.

Не разсердится, говорятъ.

Роксана.

Ну, хорошо матушка: я этова всей душею желаю.

Фатьма.

Такъ пойдемъ.

Роксана.

Матушка.

Фатьма.

Что?

Роксана.

Ну, какъ Гассанъ къ намъ пошелъ: не разойтится бы съ нимъ?

Фатьма.

Охъ! Ты ужъ скучна! естьли ты слово скажешь, то я не пойду.

Роксана.

Нѣтъ, нѣтъ, я ни слова не скажу, пойдемте. Ахъ! да вотъ и батюшка! (*хотятъ итти, въ самое то время выходитъ изъ переулка Абдалла.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣжъ и Абдалла.

Абдалла (*съ сердцемъ*).

Посыпь пескомъ: да положи два бревна, вотъ тебѣ и все тутъ: Надобно признаться, что Кади нашъ великой плутъ.

Фатьма,

Абдалла, Расима Гассанова мать занемогла и присылала насъ звать?

Роксана.

Прикажетель намъ итти?

Абдалла (*не слушая ихъ.*)

А сперьва такъ велѣлъ взять меня подъ караулъ.

Роксана.

Батюшка!

Абдалла.

Бездѣльникъ!

Фатьма.

Абдалла?

Абдалла.

А за что, у тебя-де мостовая не починена.

Роксана.

Батюшка сударь?

Абдалла.

И то что я догадался.

Фатьма.

Да послушай.

Абдалла.

Отнесъ индѣйку, анъ тотъ часъ и выпустили; да и говоритъ: положи де два бревна, да посыпь пескомъ, такъ у тебя мостовая и во все лѣто пролежитъ, будто чинится. Ай да Кади! (*поетъ.*)

О судьи, судьи плутяги,
Раззоряете вы насъ.
Васъ просители бѣдняги
Тщетно молятъ всякой разъ.
Ваши души будто крюки,
Попадися къ Вамъ лишь въ руки
Ради кожу вы содрать.
Васъ не тронутъ токи слезны,
И у Васъ сердца желѣзны
Любятъ только взятки брать.

Подлинно, что у нашего Кади лапки цапки, онъ не пропуститъ случая, и послѣднюю рубашку стянуть. (*Найдя на нихъ*). Ба, да вы куда?

Роксана.

Позвольте намъ итти къ Расимѣ?

Абдалла.

Этотъ бездѣльникъ Кади съ ума мнѣ нейдетъ.

Фатьма.

Да плюнь на него.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣжъ и Гассанъ.

Абдалла.

Добрый вечеръ Гассанъ, все ли у Васъ здорово?

Гассанъ.

Матушка не....

Абдалла (*перервавъ.*)

Послушайка; я тебѣ разскажу.

Роксана.

Ахъ Гассанъ! какъ долго я тебя не видала.

Гассанъ.

Мнѣ не....

Абдалла.

Послушай....

Гассанъ.

Слушаю сударь.... (*Роксанѣ.*) Мнѣ не возможно было тебя видѣть, любезная моя Роксана. Матушка очень было занемогла.

Роксана.

Естьли ей полегче?

Фатьма.

Какова она?

Вмѣстѣ.

Гассанъ.

Слава Богу теперь.

Абдалла.

Плюнь на матушку. Послушай, что со мной случилось.

Гассанъ.

Я сударь слушаю.... (*Фатьмѣ.*) Матушка....

Абдалла.

Мошенникъ Кади....

Гассанъ.

Приказала....

Абдалла.

Приказалъ

Гассанъ.

Просить Васъ къ себѣ.

Абдалла.

Взять меня подъ караулъ.

Гассанъ.

Естьли вы будете; то я васъ подожду?

Абдалла.

Однако благодаря Пророка и индѣйку....

Гассанъ.

Я провожу до двора.

Абдалла.

Онъ меня выпустилъ.

Гассанъ (*хочетъ взять Роксану за руку.*)

Пойдемтежъ.

Абдалла (*ударя его по плечу.*)

Не плутъ ли онъ? (*увидя, что онъ беретъ Роксану за руку.*) Постой, чтожъ ты меня не слушаешъ? ба! да и нареченнаго тестя.

Гассанъ (*опустя руку Роксаны.*)

Я сударь васъ слушаю.

Абдалла.

Чтожъ я говорилъ?

Гассанъ.

Вы говорили...

Абдалла.

Да...

Гассанъ.

Вы говорили... Что Кади... похожъ на индѣйку.

Абдалла.

Ха! ха! ха! ха! какая чепуха! совсѣмъ не то! Я говорилъ, что Кади взялъ съ меня индѣйку за мостовую.

Гассанъ.

Такъ точно, я немного не вслушался.

Абдалла.

Эдакой онъ крючекъ.

Гассанъ.

Позвольте, сударь, съ матушкою и Роксанѣ къ намъ итти.

Абдалла.

Да зачѣмъ такъ поздо: вишь ужъ ночь.

Фатьма.

Я тебѣ сказывала, что Расима занемогла.

16600

Пушкинский Дом Библиотека Академии Наук СССР

Роксана.

Гассанъ, сударь, насъ проводитъ.

Абдалла (*ее голосомъ.*)

Гассанъ, сударь, насъ проводитъ. Рада съ своимъ Гассаномъ обнявшись сидѣть.

Роксана.

Я не таюсь, сударь, что я ево люблю, и думаю, что и онъ меня такъ же.

Гассанъ.

Ахъ Роксана! это признаніе мнѣ всево на свѣтѣ дороже: такъ я тебя люблю: я тебя боготворю, и предъ цѣлымъ свѣтомъ въ томъ признаюсь.

Фатьма (*ставъ промежъ ихъ.*)

Любитеся вы дѣти:
Питайте нѣжну страсть:
Когда въ любовны сѣти
Вамъ рокъ судилъ упасть.
Утѣхи въ ней безмѣрны,
Вкушайте ихъ всегда.
Не будьте лишь невѣрны
Другъ другу никогда.

Абдалла.

Такъ, любезные дѣтки: любите другъ друга, любите и будьте счастливы. Съ Богомъ Роксана, лутче тебѣ жениха и не надобно.

Роксана.

Я и не желаю, батюшка.

Роксана и Гассанъ (*поютъ.*)

Пресчастливы мы будемъ оба,
Коль насъ судьба соединитъ:
Мы вѣрность сохранимъ до гроба,
И насъ ничто не разлучитъ.

Фатьма (*поетъ.*)

Счастливы будете вы оба,
Коль васъ судьба соединитъ:
Храните вѣрность вы до гроба,
И васъ ничто не разлучитъ.

Абдалла.

Ай да дѣти! ну какъ не пара! на нихъ глядя и объ индѣйкѣ забудешь, хотя она и очень на сердцѣ лежитъ. Ну, подите те-

перь къ Расимѣ, а я пойду, да чоботы дотачаю. (*Гассанъ взявъ подъ руки Фатьму и Роксану, уходятъ, Фатьма и Роксана опускаютъ покрывала.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Абдалла и Работникъ.

Абдалла.

Куды какая ночь! жалко въ горницѣ сидѣть (*хлопаетъ руками, на стукъ входитъ работникъ*) Дотачалъ ли ты?

Работникъ.

Каблукъ подшиваю.

Абдалла.

Поскорѣе, поскорѣе, ты знаешь, что чоботы-та къ завтрему надобно дошить. Ага, которой мнѣ ихъ заказалъ, рано ѣдетъ въ Дамаскъ.

Работникъ.

Какъ разъ поспѣютъ.

Абдалла.

Вынеси-жъ сюда и мой, такъ мы здѣсь ихъ и дошьемъ (*Работникъ уходитъ.*) Авось будутъ готовы, хоть бы за индѣйку-та выработать, такъ бы и то душѣ отрада. (*Работникъ приноситъ сапоги и свѣчу.*) Подай-ка. (*Смотритъ.*) О! о! мой-та чоботъ почти готовъ. (*Садятся, поставя промежъ себя свѣчу.*) Проворь, проворь.

Оба (*шьютъ и поютъ.*)

Одна у насъ забота,
Чтобъ чоботы тачать.
Которой день работа,
Тотъ есть что поглодать.

Абдалла (*одинъ.*)

А естьли полѣнишься
Тачать которой день,
Такъ завтра насидишься
Не кушавши за лѣнь.

Оба.

Одна у насъ забота, (*и проч.*)

Абдалла.

Работая всечасно,
За дѣломъ я корплю,
И много—занапрасно
Отъ Кади я терплю.

Оба.

Одна у насъ забота: (*и проч.*)

Абдалла.

Тачавши хоть взбѣсися,
Ходи хоть нагишомъ
А съ Кади подѣлися
Послѣднимъ барышомъ.

Оба (*и проч.*)

Одна у насъ забота.

Абдалла.

Хоть жить такъ несподручно,
Чтобъ цѣлой вѣкъ тужить,
Однако какъ ни скучно,
А хочется пожить.

Оба.

Одна у насъ забота (*и проч.*)

Работникъ (*вставши:*)

Насилу дошилъ.

Абдалла.

Покажитка (*смотритъ*). Хоть куда, чоботы! и мой поспѣлъ, пойдемъ же, да свернемъ хорошенько, а ты завтра поранѣе отнеси (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Калифъ и Гіафаръ.

Калифъ.

Ну! что ты скажешь Гіафаръ? не правда ли, что есть ли бы мы давича ушли, то бы ничего не видали, и я бы не зналъ о новыхъ плутняхъ Кади?

Гіафаръ.

Что же Ваше Величество намѣрены дѣлать?

Калифъ.

Я хочу, чтобъ Абдалла самъ наказалъ Кади по своей волѣ.

Гіафаръ.

Какъ, государь! неужто вы захотите обесчестить толь важной чинъ? Я не спорю, что Кади помилованія не достоинъ, но чинъ ево требуетъ уваженія, и не можетъ быть подверженъ волѣ простаго мѣщанина.

Калифъ.

Небось Гіафаръ! чинъ тутъ ничего не потерпитъ. Мнѣ пришло

въ голову очень смѣшное намѣреніе, удобное доставить мщеніе Абдаллѣ и увеселить меня. Слушай, поди ты къ этому мѣщанину, скажись купцомъ, заведи съ нимъ рѣчь, и подъ видомъ, что хочешь ево поподчивать, старайся ево напоить. Когда же онъ будетъ попьянѣе, то положи въ его рюмку того соннаго порошку, которой ты для эдакихъ случаевъ всегда съ собой имѣешъ, а какъ скоро онъ заснетъ, то я тебѣ скажу, что надобно дѣлать. Ступай: а я здѣсь буду дожидаться (*Становится за прежней уголъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гіафаръ и Абдалла.

Гіафаръ (*подойдя къ дому Абдаллы стучитъ въ двери.*)

Абдалла.

Кто стучитъ?

Гіафаръ.

Дома ли хозяинъ?

Абдалла.

Дома, на что тебѣ?

Гіафаръ.

Пожалуй отопри.

Абдалла (*отворя двери выглядываетъ.*)

Да кто ты таковъ!

Гіафаръ.

Я пріѣзжей купецъ изъ Бальзоры, не можно ли пустить меня переночевать?

Абдалла.

Добро пожаловать: имя вашей чести?

Гіафаръ.

Я называюсь Нурадинъ, мнѣ еще и Усимъ, покойной твой родитель, былъ друженъ; тото былъ честной чеботарь, прямой былъ страннопріемникъ, а я по дружбѣ ево думалъ, что тебя обижу, естьли займу ночлегъ въ иномъ мѣстѣ.

Абдалла.

И конечно, о! я прямой сынъ моего отца, радъ гостямъ, а особливо старымъ ево знакомымъ, радъ какъ душѣ своей. Милости прошу войти, да отужинать, что Богъ послалъ.

Гіафаръ.

Благодарствую, я ужиналъ въ караванъ-Сералѣ, и право ѣсть не хочу, а рюмку вина такъ бы выпилъ.

Абдалла.

И то дѣло, у меня есть бутылка прекраснаго Ширасскаго вина, войдемъ.

Гіафаръ.

Теперь время хорошо, ночь теплая такъ не лутче ли здѣсь подъ навѣсомъ посидѣть?

Абдалла.

Не увидѣлъ бы кто.

Гіафаръ.

Кому увидѣть! дѣло ночное, а бутылку-та мы поставимъ за дверь.

Абдалла.

Инъ какъ изволишь *(хлопаетъ руками, на стукъ входитъ работникъ.)* Принеси бутылку вина, что въ поставцѣ, и стаканъ. *(Работникъ уходитъ.)* Да какая тебя нужда сюда привела?

Гіафаръ.

Старые долги кое на комъ, такъ надобно пособрать, за тѣмъ сюда и пріѣхалъ.

Абдалла.

На долго ли?

Гіафаръ.

Дни на три, не болѣе. *(Тутъ работникъ приноситъ бутылку и стаканъ. Абдалла ставитъ бутылку за дверь, а стаканъ кладетъ за пазуху.)*

Абдалла *(садясь.)*

Прошу садиться.

Гіафаръ *(садится.)*

Абдалла *(наливъ рюмку.)*

Пожалуй выкушай.

Гіафаръ.

Изволь-ка самъ прежде.

Абдалла *(пьетъ.)*

Поздравляю съ пріѣздомъ.

Гіафаръ *(пьетъ.)*

Ваше здоровье.

Абдалла *(пьетъ.)*

Покорно благодарствую.

Гіафаръ.

Какъ поживаешь, любезный другъ?

Абдалла.

Какое житье, дѣло наше не богатое!

Гіафаръ.

Чѣмъ больше промышляешъ?

Абдалла.

Чоботы шью.

Гіафаръ.

И то не худо!

Абдалла.

Оно бы изрядно: да Кади, провалъ бы ево взялъ, нападаетъ почасту.

Гіафаръ.

За что бы, кажется!

Абдалла.

Человѣкъ то-есть, на всякій часъ не упасешся, и севодни было взялъ подъ караулъ за мостовую, да пожалуй выкушай.

Гіафаръ.

Доволенъ.

Абдалла.

Хоть на меня глядя... (*пьетъ.*)

Гіафаръ.

Да чѣмъ же ты отдѣлался?

Абдалла.

Индѣйку снесъ, такъ и выпустилъ.

Гіафаръ.

Бездѣльникъ! видно, этова не знаетъ Калифъ?

Абдалла.

Какъ можно все узнать? вишь онъ человѣкъ.

Гіафаръ.

Калифъ плутамъ не потатчикъ!

Абдалла.

Я знаю.

Гіафаръ.

Выпьемъ-ка за ево здоровье.

Абдалла.

Съ охотою.

Гіафаръ (*взявъ у него стаканъ*).

Пожалуйте бутылку. (*Покуда Абдалла отвертывается за бутылкой, онъ кладетъ порошекъ въ стаканъ, и потомъ, наливъ, подноситъ ему, говоря*) Милости прошу.

Абдалла (*взявъ стаканъ, поетъ*).

Да здраствуетъ Калифъ нашъ вѣчно.
Хоть Кади у нево и плутъ,
Не знаетъ онъ тово конечно.
Ему о томъ не донесутъ.

А естьлибъ онъ узналъ,
Тотъ часъ бы наказалъ
Грабительство такое.
Караетъ онъ порокъ:
Пошли ему, Пророкъ,
Ты всякое благое. (*Пьетъ.*)

Гіафаръ.

Какой же у тебя голосъ, не по лѣтамъ!

Абдалла.

Га! Я еще молодецъ.

Гіафаръ.

А какихъ бы ты лѣтъ?

Абдалла.

Сорокъ два года.

Гіафаръ.

Въ эти лѣта и покойной твой батюшка еще здоровехонекъ былъ: однако оставимъ это. Скажи правду Абдалла, естьли бы ты имѣлъ власть, отмстилъ ли бы ты Кадію?

Абдалла (*зачинаетъ отъ порошку мышатся въ словахъ*).

Я! я клянусь бородою нашего Пророка, что влепилъ бы ему пять сотъ ударовъ по пятамъ. Плутъ! не знаетъ того, что у меня еще дочь на рукахъ, да дѣлаетъ эдакія прижимки.

Гіафаръ.

А! у тебя и дѣти есть?

Абдалла.

Дочь невѣста.

Гіафаръ (*наливъ пьетъ*).

Желаю ей хорошаго жениха.

Абдалла.

Покорно благодарствую, я ужъ ее и такъ просваталъ.

Гіафаръ.

А за кого?

Абдалла.

Вотъ тутъ въ сосѣдствѣ за мѣдника Гассана.

Гіафаръ.

Инъ пожалуй, выпей, желая ей счастливаго совершенія брака.

Абдалла.

Съ охотой. (*Пьетъ.*) Дай тебѣ Богъ Роксана жить счастливо, да и наживать дѣтокъ. Дѣти при старости утѣха. Тьфу какъ сонъ клонитъ! (*Засыпаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Калифъ, Гіафаръ и Абдалла (*спящій*).

Калифъ.

Теперь желаніе мое исполнилось, Гіафаръ! поди, и кликни сюда четырехъ моихъ невольниковъ, которыхъ я оставилъ на той улицѣ. (*Гіафаръ уходитъ.*) И такъ я буду имѣть удовольствіе наказать Кади. Министры безсовѣстные! сколь часто вы употребляете во зло данную вамъ власть! и отъ вашихъ злодѣйствъ нерѣдко и самый добродѣтельный государь почитается мучителемъ. (*Гіафаръ возвращается съ невольниками.*) Гіафаръ! какъ скоро я уйду, вели его отнести во дворецъ. Тамъ положи ево въ лутчую комнату на софу: одѣвши въ богатое платье, вели всѣмъ чиновнымъ стать около ево, и когда онъ проснется, явись къ нему. Увѣрь ево, что онъ Калифъ Гарунъ Аль-Рашидъ. Исполняй все, что бы онъ ни повелѣлъ: а особливо, что онъ прикажетъ о Кади. Да естьли онъ позоветъ и Зобѣиду, я ей скажу, чтобъ она ему повиновалась. Естьлижъ онъ власть свою простирать будетъ съ лишкомъ далеко, то дайте ему опять того же порошку. Смотри-же, а все изъ тайника примѣчать буду, чтобы повелѣніе мое исполнено было въ самой точности. Пойдемъ.

Гіафаръ (*невольникамъ*).

Отнесите ево. (*Въ самое то время, когда невольники берутъ его занавѣсъ опускается.*)

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Занавѣсъ подымается, и театръ представляетъ великолѣпные чертоги Калифовы. Въ одномъ боку театра видима пребогатая софа, на коей лежитъ Абдалла спящій въ богатомъ полукафтанѣ безъ чалмы, въ одной красной скуфейкѣ. По правую руку у него стоитъ секретарь съ чернилицою и бумагою, а по лѣвую оруженосецъ, держащій его саблю, а по обѣимъ сторонамъ чиновники. Одинъ держитъ рукомойникъ и лоханъ, другой полотенцо, третій чалму, четвертый туфли, пятой трубку, шестой богатую верхнюю шубу. Противъ софы стоятъ невольники, пѣвчіе, внутри театра стоитъ тронъ. Тронъ долженъ стоять сколько можно ближе, дабы зрители могли ясно слышать, что говорятъ Актеры. Въ оркестрѣ играютъ протяжную штуку съ сурдиною. На театрѣ день.

ЯВЛЕНІЕ I.

Абдалла и Чиновники.

Абдалла *(потягивается и музыка перестаетъ, проснувшись садится на софу, протираетъ глаза).*

Что такое!... (*Потомъ вставъ бѣжитъ къ окружающимъ ево: но охватя ихъ отскакиваетъ, и бросясь на софу.*) Гдѣ я!...

Хоръ.

Правовѣрныхъ повелитель,
Обладатель всей земли,
Вдовъ и сирыхъ покровитель,
Поздравленіе внемли.
Мы всѣхъ благъ тебѣ желаемъ,
Кончившу пріятный сонъ!
Повели, мы ожидаемъ,
Здѣсь слова твои законъ.

Абдалла.

Что я слышу!

Хоръ.

Повели, мы ожидаемъ,
Здѣсь слова твои законъ.

Абдалла (*протирая глаза*).

Не сплю ли я!

Хоръ.

Повели, мы ожидаемъ,
Здѣсь слова твои законъ.

Чиновникъ (*подавая ему рукомойникъ и лаханъ*).

Не прикажете ли умыться?

Абдалла (*отсторонясь отъ него*).

Государи мои! что со мною сдѣлалось, и кто вы таковы?

Чиновникъ 2-й (*упадая на колѣни*).

Ваше Величество! вы конечно издѣваться изволите! вы Калифъ, а мы ваши вѣрные подданные.

Абдалла.

Я Калифъ! вы шутите. Я Абдалла чеботарь.

Чиновникъ 3-й.

Повелитель правовѣрныхъ конечно хочетъ испытать насъ, и для того притворяется: но мы никогда не выдемъ изъ должнаго ему почтенія.

Абдалла.

Какое почтеніе! какое притворство! вы съ ума сошли, я чеботарь.

Чиновникъ 4-й (*подавая ему трубку*).

Конечно, государь, какое сонное мечтаніе вамъ представило, что вы чеботарь! извольте выкурить трубку, это все пройдетъ, и вы разгуляетесь.

Абдалла.

Я не сплю, говорю я вамъ, слышите ли? я не сплю: я чеботарь, и ничего вѣрнѣе этого Богъ не сотворилъ.

Чиновникъ 5-й (*надѣвая на него чалму*).

Государь! вамъ время одѣваться.

Чиновникъ 6-й (*надѣвая на него шубу, а другой туфли*).

Скоро Визирь придетъ съ докладомъ.

Чиновники (*взявъ его подъ руки ведутъ на тронъ, а онъ упирается*).

Хоръ.

Взойди на тронъ
Вселенной обладатель
Вѣщай законъ,
Будь счастья намъ податель.
Твои уста
Намъ благо изъявляютъ,
И всѣ мѣста
Щедротой оживляютъ.

Абдалла.

Куда вы меня ведете! что вы хотите! (*Чиновники подводятъ его насильно къ трону.*)

Чиновникъ.

Вотъ ваше обыкновенное мѣсто, съ котораго вы возвѣщаете ежедневно народу мудрыя ваши узаконенія.

Абдалла *(барахтаясь).*

(*Въ сторону.*) Мудрыя узаконенія! Я съ нуждой и читать умѣю. Все мое знаніе въ томъ, чтобъ умѣть тачать чоботы. (*Тутъ вступаютъ двенадцать человѣкъ гвардіи съ обнаженными саблями, чего Абдалла испужавшись бѣжитъ на тронъ, говоря*) Иду, иду! (*Прижимается на тронѣ къ стѣнѣ: а гвардія становится по сторонамъ трона.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Входитъ визирь Гіафаръ, за нимъ нѣсколько невольниковъ, Секретаръ и четыре человѣка несущихъ бунчуки).

Гіафаръ *(сдѣлавъ колѣнопреклоненіе).*

Да ниспошлетъ великій Пророкъ на главу твою, повелитель правовѣрныхъ, всѣ блага, услаждающія избранныхъ въ объятіяхъ прелестныхъ Гурій, и да принесетъ начинающійся день новую тебѣ славу.

Абдалла *(въ изумленіи).*

Подойдитка сюда господинъ визирь. (*Гіафаръ подходитъ.*) Такъ и ты думаешъ что я Калифъ?

Гіафаръ.

Кто сей дерзновенный, которой осмѣлится въ томъ усумниться!

Абдалла.

Безумной, безумной! ну, посмотри на мою рожу, похожъ ли я на Калифа?

Гіафаръ.

Ваше Величество! напрасно изволите называть вѣрнаго вашего раба безумнымъ, я знаю моего Государя.

Абдалла.

Такъ, я чай, право я Калифъ?

Гіафаръ.

Всеконечно государь! и я не понимаю, къ чему вы мнѣ дѣласте такіе вопросы!

Абдалла.

А! видно и ты съ ними согласился: только я тебѣ сказываю одинъ разъ навсегда, что я не Калифъ, а чеботарь Абдалла: а какъ я сюда зашелъ, не вѣдаю.

Гіафаръ.

Повелитель правовѣрныхъ...

Абдалла.

Опять... Я тебѣ говорю, что я чеботарь, и живу на середней улицѣ.

Гіафаръ.

Естьли, повелитель правовѣрныхъ, мнѣ не вѣрите, то въ доказательство противнаго, вотъ вамъ перепись всѣмъ домамъ въ Багдадѣ, вы увидите, что въ середней улицѣ никто кромѣ слесарей не живетъ.

Абдалла (*смотря перепись съ удивленіемъ*).

Дѣйствительно такъ.

Гіафаръ.

Я бы не осмѣлился лгать Вашему Величеству: да и во всемъ городѣ нѣтъ чеботаря этого имени.

Абдалла.

Да чтожъ я?

Гіафаръ.

Повелитель правовѣрныхъ, а мы твои рабы.

Абдалла.

По чемужъ?

Гіафаръ.

По тому, что ты нашъ Государь, и всѣ тебѣ повинуются.

Хоръ.

Повели, мы ожидаемъ,
Здѣсь слова твои законъ.

Абдалла (*про себя и ощупываясь*).

Неушто и впрямь я Калифъ! (*Гіафару.*) Да скажи мнѣ пожалуй: ежели я Калифъ, по чемужъ мнѣ кажется, что я чеботарь Абдалла.

Гіафаръ.

Вы безъ сомнѣнія это видѣли во снѣ, государь! и воображеніе ваше столь сильно было поражено этою странною перемѣною состоянія, что и по пробужденіи съ трудомъ въ порядокъ притти можете.

Абдалла (*въ сторону*).

Коль трое говорятъ пьянъ: такъ ложись спать. Видно мнѣ хоть противъ воли, да быть Калифомъ, и вѣрить, что я былъ чеботаремъ во снѣ.

Гіафаръ.

Послѣ вчерашней аудіенціи осталось Вашему Величеству прослушать и подписать нѣсколько бумагъ.

Абдалла (*пріосанясь*).

Читай.

Гіафаръ (*беретъ у своего секретаря бумаги и читаетъ*).

Предварительныя статьи заключающагося мира между Калифомъ Гарунъ Аль Рашидомъ и Ханомъ Татарскимъ.

Абдалла.

А что это такія за статьи?

Гіафаръ.

Это предварительныя статьи того мира, о которомъ вы вчера по утру говорили съ Татарскими посланниками, когда ихъ принимать изволили.

Абдалла.

Я хочу быть проклятъ, ежели я вчера цѣлое утро не тачалъ чоботы.

Гіафаръ (*читаетъ*).

Божіею милостію мы Калифъ Гарунъ Аль-Рашидъ...

Абдалла (*перервавъ*).

Вотъ это правда, что я божіею милостію Калифъ, потому что я самъ не знаю, какъ я имъ здѣлался.

Гіафаръ (*продолжаетъ*).

Повелитель и обладатель...

Абдалла.

Нѣтъ; это послѣ прочтемъ. Читай другое.

Гіафаръ (*перемѣня бумагу*).

Рѣшительное опредѣленіе объ отдачѣ наслѣдственнаго имѣнія Абдулъ Ресулу Агѣ войскъ нашихъ.

Абдалла.

Я объ немъ и не слыхивалъ. Читай другое.

Гіафаръ (*перемѣня бумагу читаетъ*).

Учрежденіе о починкѣ мостовыхъ въ Багдадѣ.

Абдалла.

Что, что?

Гіафаръ.

Учрежденіе о починкѣ мостовыхъ.

Абдалла *(въ сторону).*

Благо вспомнилъ: къ статѣ; вотъ теперь случай отмстить Кадію. (*Гіафару*) Постой же на часъ. Вы меня увѣрили, что я Калифъ, и что мнѣ всѣ повинуются.

Гіафаръ.

Кто объ этомъ сумнѣвается, Государь!

Абдалла.

Такъ я тотъ часъ это узнаю. (*Секретарю*) Пиши (*Секретарь, сѣвъ на одно колѣно, приготовляется писать*) рѣшительное опредѣленіе.

Секретарь.

Опредѣленіе.

Абдалла.

Калифа... а какъ бишь меня зовутъ... ну, да ты знаешь титулъ.

Секретарь.

Написалъ.

Абдалла.

Усмотрѣлъ я, что Кади мой великой плутъ.

Секретарь.

Плутъ.

Абдалла.

И для того по извѣстнымъ мнѣ причинамъ приказалъ дать ему пять сотъ...

Секретарь.

Пять сотъ.

Абдалла.

Ну, ударовъ палкою по пятамъ.

Секретарь.

По пятамъ.

Абдалла.

И изъ Кадіевъ ево смѣнить.

Секретарь.

Смѣнить.

Абдалла.

Подай сюда (*Списываетъ съ верхняго титула, говоря*) Калифъ-Га-рунъ-Алъ-Рашидъ. (*Визирю*) Поди, и вели сей часъ по этому исполнить.

Хоръ.

Повели, мы исполняемъ,
Здѣсь слова твои законъ.

(Визирь уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣжъ, кромѣ визиря.

Абдалла.

Теперь ужъ я кажется вѣрю, что я Калифъ: (*подумавъ*) но есть-ли я Калифъ, то за что же велѣлъ бить Кадія! стало онъ индѣйку-то взялъ съ меня во снѣ. Что нужды! ежели не съ меня, то вѣрно съ другихъ онъ бралъ взятки, и такъ я по дѣломъ велѣлъ ево побить и смѣнить: а ежели какимъ нибудь волшебствомъ, какъ то я и думаю, сдѣлался я Калифомъ изъ чеботаря, то и подавно за дѣло ево откатаютъ. (*Поетъ*)

Давно ужъ мнѣ добраться
Хотѣлось до судей,
Имъ полно наживаться,
И грабити людей.
Какъ Кади я за взятки
Севодня проучу;
Такъ тѣмъ отъ сей повадки
И протчихъ излѣчу.
Грабительства ихъ явны,
Щечить они исправны:
А истинны въ судѣ
Найти нельзя нигдѣ.

Давно ужъ мнѣ добраться (*и проч.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣжъ и Гіафаръ.

Гіафаръ.

Повелитель правовѣрныхъ! я исполнилъ ваше приказаніе, и Кади, лишась своего мѣста, получилъ пять сотъ ударовъ: вотъ ево жалованная грамота, а онъ скованъ и посаженъ въ тюрьму.

Абдалла (*принимая грамоту*).

Вели ево отпустить, и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять: а я произведу другаго Кади, только чтобъ... ни цыпленочка...

Гіафаръ.

Что такое, государь?

Абдалла.

Ну, ужъ я знаю, это не твое дѣло.

Гіафаръ.

Не изволите ли теперь дослушать начатыя дѣла?...

Абдалла.

Нѣтъ, нѣтъ! Коли ужъ я сдѣлался Калифомъ; то я буду имъ не даромъ: я хочу веселиться.

Гіафаръ.

Какъ угодно Вашему Величеству.

Абдалла (*Визирю*).

Ну, коли я Калифъ, такъ стало у меня и жены есть?

Гіафаръ.

Кто объ этомъ сумнѣвается, государь!

Абдалла.

Кликнижъ ихъ сюда, я хочу ихъ видѣть.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣжъ, кромѣ Визиря.

Абдалла.

Теперь я совершенно увѣрюсь, точно ли я Калифъ. Мнѣ все еще не вѣрится, и я и на тронѣ сижу, какъ будто съ шиломъ за чоботами; однако же естьли увижу моихъ женъ; то не о чемъ сумнѣваться. Когда бъ я не былъ Калифъ, то гдѣ бы мнѣ ихъ взять?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣжъ Гіафаръ, Зобѣида

(и прочія невольницы въ покрывалахъ).

Зобѣида.

Повелитель правовѣрныхъ, тебѣ угодно было, чтобъ я предстала предъ свѣтозарнымъ лицемъ твоимъ. Что повелишь твоей невольницѣ?

Абдалла.

Чиновники и Воины подите отселѣ! (*Они уходятъ: подойдя къ Зобьидѣ, и снявъ съ нее покрывало.*) Что вижу я! какая красавица! (*Упадая къ ее ногамъ*) Красотка небесная! позволь мнѣ облобызать прахъ ногъ твоихъ?

Зобѣида *(поднимая его).*

Повелитель правовѣрныхъ! вамъ ли быть у ногъ вашей невольницы? мнѣ должно быть поверженной предъ вашими стопами.

Абдалла.

Ты моя невольница! Ахъ! нѣтъ, ты божественная Гурія! и я безъ сомнѣнія перенесенъ великимъ нашимъ Пророкомъ за какія нибудь неизвѣстныя мои добрыя дѣла въ то пресладкое жилище, которое онъ обѣщаетъ добрымъ музульманамъ.

Зобѣида (*въ сторону*).

Онъ изъ ума выходитъ! (*Ему*) Нѣтъ государь! вы еще наслаждаетесь жизнію, и она процвѣтать будетъ подобно благоуханной розѣ, растущей въ райскихъ селеніяхъ для умноженія вашей славы и нашего счастія. Вы видите вашу вѣрную Зобѣиду.

Абдалла.

Не въ прямъ ли ты моя жена! Ай во снѣ! (*Щупая*) Нѣтъ! на яву, на яву. Ну право! У кого эдака жена, тотъ и поневолѣ повѣритъ, что онъ Царь. Ахъ, моя милая Зобѣида! ты такъ хороша, что я тебѣ радъ и престолъ мой уступить.

Зобѣида.

Я не достойна такихъ милостей, государь! и я не инымъ чемъ могу заплатить ихъ, какъ стараясь пріобрѣсти вашу любовь.

Абдалла.

Ты уже ее пріобрѣла, моя красавица, въ сію минуту. Полюби только ты меня, а я ничего больше не желаю.

Зобѣида.

Когда такъ, государь, то любовь насъ совершенно счастливыми дѣлаетъ. (*Поетъ*)

Любовь, владычица сердецъ,
Душа пространной всей вселенной:
Счастливыхъ нашихъ дней творецъ,
Тебя чтитъ всякъ одушевленной.
Гдѣ видитъ онъ въ тебѣ успѣхи;
Тамъ игры, радости и смѣхи
Присудствуютъ всегда.
Печаль оттуда улетаетъ,
И скука тамъ не обитаетъ,
Ни горесть никогда.
Любовь, владычица сердецъ (*и пр.*).

Абдалла.

Какой Ангельской голосъ! (*обнимая ее*) О! моя безцѣнная!... пожалуй, спой что нибудь еще, и я тебѣ подтяну.

Зобѣида.

Нѣтъ счастья безъ любви:
Сей пламень во крови
У смертныхъ всѣхъ пылаетъ.
Кто въ свѣтѣ только жилъ
Тотъ будетъ, или былъ,
Иль быть влюбленъ желаетъ,

*

Вельможа, рабъ и Царь,
И всяка въ свѣтѣ тварь
Любви равно подвластны.

Абдалла.

Ужасной отъ любви
Пожаръ въ моей крови
Съ жестокостью пылаетъ.
Онъ умъ мой помутилъ:
На сердцѣ закутилъ,
И душу разжигаетъ.

*

Теперь ужъ я не царь:
Но бѣдна въ свѣтѣ тварь.
Тобой всѣ чувства страстны.

Зобѣида.

Ея пріятный ядъ
Всѣ съ жадностью хотятъ
Вкусить и быти страстны.

Абдалла.

Глаза твои вертятъ
Сердчишко, какъ хотятъ:
И мысли имъ подвластны.

В м ѣ с т ѣ.

В м ѣ с т ѣ.

(*Обнявъ ее*) Ахъ моя красавица! Я отъ радости самъ себя не помню. Подите всѣ отсюда. Мнѣ кромѣ ее никого не надобно. (*Всѣ хотятъ итти, но Зобѣида ихъ останавливаетъ.*)

Зобѣида (*невольницамъ*).

Постойте. (*Абдалла.*) Государь, неушто вы не захотите видѣть этихъ невольницъ! Ахъ! сколь это будетъ имъ огорчительно!

Абдалла.

Куда мнѣ съ ними дѣваться? Я кромѣ тебя моя красавица никого видѣть не хочу.

Зобѣида.

Но можетъ быть изъ нихъ которая нибудь вамъ понравится. Пожалуйте посмотрите ихъ.

Абдалла.

Я для тебя это здѣлаю, моя дражайшая. (*По знаку отъ него спадываютъ со всѣхъ покрывала; говоритъ:*) Ну какъ могутъ они равняться съ тобой, моя любезная Зобѣида? (*Поетъ*)

Твой взоръ, какъ будто шиломъ,
Мнѣ сердце уязвилъ:
Въ лицѣ твоемъ я миломъ
Тьму прелестей открылъ.
Какъ звѣзды среди ночи,
Твои сверкаютъ очи:
Какъ розовой сафьянъ,
Цвѣтъ губъ твоихъ румянъ.
Твой взоръ, какъ будто шиломъ (*и проч.*).
Бѣла ты черноброва,
Пріятна, не сурова,
Казиста; и полна
Какъ ясная луна.
Твой взоръ, (*и проч.*).

Зобѣида.

Государь, время требуетъ теперь, чтобъ вы окончили дѣла Государственныя.

Абдалла.

Нѣтъ, нѣтъ! дражайшая Зобѣида! мнѣ присудствіе твое всево дороже, останься со мной. Я хочу сдѣлать тебя главной Султаншей.

Зобѣида.

Невольницѣ вашей остается только повиноваться: но вамъ развѣ не извѣстно, что обрядъ требуетъ?

Абдалла.

А что такое? я, кажется, все знаю, что мнѣ надобно дѣлать.

Зобѣида.

Онъ повелѣваетъ, чтобъ Калифъ выпилъ кубокъ шарбету изъ рукъ той, которую онъ возводитъ въ сей великой санъ? Не ушто вы меня захотите лишить этой чести?

Абдалла.

Только! О! я исполню съ удовольствіемъ этотъ обрядъ. Мнѣ изъ рукъ твоихъ и ядъ выпить пріятно.

Зобѣида (*невольницъ которая держитъ кубокъ.*)

Заида! подай кубокъ (*та подаетъ: и она подноситъ Абдаллу*)

Абдалла.

Да сохранитъ Пророкъ вѣчно несравненныя твои прелести, дражайшая Зобѣида (*выпиваетъ*).

Хоръ (*невольницъ.*)

Когда любовь соединитъ
Два сердца, страстью распаленны;
Ничто имъ въ вѣкъ не воспретитъ
Вкушать утѣхи вожделѣнны,
Любьви связуяся цѣпями,
Будь счастливъ вѣчно Государь:
Владѣй ты подданныхъ сердцами,
И буди Милосердый Царь.

Абдалла (*во время пѣнія хора Зобѣида ведетъ на софу Абдаллу, которой уже шатается*).

Сколь я счастливъ, моя несравненная! обладая тобой, ты утѣшеніе моей души, (*цѣлуя*) и эти руки!... да руки.... прекрасныя. (*Засыпаетъ.*)

Зобѣида (*хлопаетъ руками: четыре невольника входятъ.*)

Отнесите этого человѣка домой. (*Когда невольники уносятъ Абдаллу занавѣсъ опускается.*)

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Театръ представляетъ работную избу: въ ней видны разныя принадлежности къ сапожному мастерству. Въ задней стѣнѣ въ одномъ углу стоитъ кровать съ простымъ тюфякомъ на ней Абдалла, спящій.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фатьма, Роксана, работникъ и Абдалла (*спящій.*)

Фатьма.

Вишь я тебѣ сказала, Роксана! что онъ запился.

Роксана.

Долго ли ему такъ пить!

Фатьма (*смотря на него*).

Эдакая пьяная рожа! чемъ было ему работать, да готовить дочери приданое.

Абдалла (*протягивая руки во снѣ*).

Обойми меня, дражайшая Зобѣида.

Роксана.

Матушка, онъ бредитъ.

Абдалла (*пробужаясь третъ глаза, и зѣвая говоритъ*).

Велите позвать Визиря. Пусть онъ принесетъ тѣ бумаги, съ которыми онъ мнѣ давича такъ надоѣлъ; я ихъ подпишу.

Фатьма.

Какихъ онъ тамъ съ пьяна Визирей прибираетъ?

Абдалла (*потягиваясь*).

Да, да, Визиря Гіафара! да скорѣй же.

Роксана.

Гіафара!

Абдалла.

Тебя-де Калифъ спрашиваетъ.

Фатьма.

Онъ изъ ума выпилъ!

Абдалла (*зѣвая садится и смотритъ*).

Что за чортъ! въ какую я мурью зашелъ.

Фатьма.

Ты такъ запился, что и жены не узнаешъ.

Абдалла (*съ удивленіемъ*).

Жены! ты Зобѣида?

Фатьма.

Какую ты Зобѣиду путаешъ? я жена твоя.

Абдалла *(съ сердцемъ).*

Что это за безумная!

Фатьма.

Нѣтъ пьяница, я не безумная: а ты съ ума спился.

Абдалла.

Мнѣ смѣютъ такъ говорить!

Фатьма.

А чтожъ бы ты за баринъ?

Роксана.

Батюшка?

Абдалла *(вскоча).*

Вотъ тебѣ на! одна жена, другая дочь! *(кричитъ)* кликнете сюда караульныхъ!

Роксана.

Какихъ батюшка караульныхъ!

Абдалла.

Какіе у Калифа караульные, Енычаръ!

Фатьма.

Ужъ ли ты думаешъ, что ты Калифъ?

Абдалла *(поетъ).*

Да конечно я Калифъ.

Фатьма *(поетъ).*

Онъ такъ пьянъ, что чуть, чуть живъ.

Абдалла.

Ты еще здѣсь быть дерзаешъ?

Фатьма.

Иль себя ты забываешъ.
Образумся Абдалла.

Абдалла.

Да откуда ты пришла?..

Фатьма.

Ахъ ты пьяница прескверной,
И жены ужъ не узналъ!

Абдалла.

Съ повелителемъ вселенной
Такъ браниться кто видалъ?

Фатьма.

Екъ онъ поретъ дичь какую!

Абдалла *(сердясь).*

Слышишь ли? тебѣ толкую
Я Калифъ.

Фатьма.

Ты чеботарь.

Абдалла.

Дерзновенная, я Царь.

Роксана.

Онъ конечно помѣшался.

Фатьма.

Тыбъ узналъ, когдабъ проспался,
Что ты пьяной Абдалла.

Абдалла.

Нѣтъ я Царь, ты соврала (*идучи къ сторонѣ*)
Чтожъ никто сюда не входитъ?

Фатьма.

И дверей онъ не находитъ,
Образумься.

Абдалла *(обернясь къ ней).*

Нѣтъ, я Царь.

Фатьма.

Анъ лишь пьяная ты тварь.

Абдалла *(бѣжитъ къ ней съ сердцемъ).*

Нѣтъ, я Царь, соврала.

Фатьма.

Ты мой мужъ Абдалла.

Абдалла.

Нѣтъ я Царь.

Фатьма.

Чеботарь.

Абдалла.

Соврала.

Фатьма.

Абдалла.

Абдалла.

Соврала.

Фатьма.

Абдалла.

Вмѣстѣ.

(*Между тѣмъ дочь и работникъ схватываютъ ево за руки съ зади, и кладутъ на кровать*).

Абдалла (*держимый дочерью и работникомъ кричитъ*).

Гіафаръ! гвардія! сюда, сюда! повелитель вашъ погибъ, Татара ево полонила.

Роксана.

Матушка не послать ли за лѣкаремъ?

Абдалла.

Вижу, что я попался къ нимъ въ руки, подписать было поскорѣе миръ....

Фатьма.

Не связать ли ево?

Абдалла (*осматриваясь*).

Въ какую же тюрьму они меня заперли?

Фатьма (*работнику*).

Подай веревку!

Абдалла.

Вотъ и тюремщица вязать меня хочетъ.

Работникъ (*подаетъ веревку, и они связавъ Абдаллу, кладутъ его на кровать*).

Фатьма (*работнику*).

Сходи за лѣкаремъ (*работникъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣжъ и Гассанъ.

Гассанъ.

Что у васъ за шумъ? я идучи мимо услышалъ, и зашелъ къ вамъ на помочь.

Абдалла.

Ахти! конечно это самъ Ханъ казнить меня пришелъ.

Гассанъ.

Вы всѣ въ смятеніи! дражайшая моя Роксана плачетъ, Абдалла связанъ: что это значитъ?

Фатьма.

Это значитъ то, что твой нареченный тесть изъ ума вышелъ, и думаетъ, что онъ Калифъ.

Гассанъ.

Батюшка!

Абдалла (*важно*).

Не приближайся ко мнѣ Ханъ, и не выходи изъ должнаго по-

чтенія. Хотя я и несчастливъ: хотя меня судьба и предала въ твои руки, но вѣдай, что тажъ судьба можетъ и тебя свергнуть съ высоты твоего счастія. Почитай во мнѣ Калифа.

Гассанъ *(въ сторону).*

Какую онъ ахинею несетъ! (*ему*) или вы не узнали нареченнаго своего зятя?

Абдалла.

Чтобъ я отдалъ дочь мою за хищника моего престола. Нѣтъ я никогда этаго не сдѣлаю. Хотя я теперь и заключенъ въ тюрьму, но я прежде умру, нежели соглашусь на мое безчестіе, казни меня немилосердый Ханъ.

Фатьма.

Да за что тебя казнить? ты не Калифъ: ты чеботарь Абдалла: или ты насъ не знаешь?

Абдалла.

А! а! я вижу вашъ умыселъ. Вы узнали, что мнѣ во снѣ приснилось будто я чеботарь; будто у меня жена Фатьма и дочь Роксана, такъ вы и назвались ихъ именами. Видишь какъ они умничаютъ. Вы хотите, чтобъ я отказался отъ моего сана, и уступилъ ему мой престолъ; но я жилъ, и умру Калифомъ.

Всѣ.

Да какой ты Калифъ? ты Абдалла.

Абдалла.

Не такъ легко меня увѣрить. Правда: Я и самъ вчерась думалъ, что я чеботарь, однакожъ я узналъ, что это мнѣ во снѣ приснилось, а что я Калифъ, о томъ знаютъ всѣ мои вѣрноподданные.

Роксана.

Что теперь съ нимъ дѣлать?

Фатьма.

Какъ бы поскорѣе лѣкаря.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣжъ и Лѣкарь Абульфидаръ.

Гассанъ.

Не вы ли господинъ Лѣкарь?

Абульфидаръ.

Къ вашимъ услугамъ.

Фатьма.

Подойдите сюда.

Роксана.

Вотъ у насъ больной.

Абульфидаръ.

Чѣмъ онъ боленъ?

Гассанъ.

Онъ съ ума сошелъ.

Фатьма.

Не можете ли ему помочь?

Абульфидаръ.

Для чего нѣтъ! (*Поетъ*)
Я врачъ Абульфидаръ,
Въ лѣченіи мой даръ
Всему извѣстенъ граду.
Лишь я вступлю на дворъ,
Гдѣ немощей соборъ;
То всѣмъ подамъ отраду.
Горячка, ломота,
Чахотка, икота,
Насморкъ, водяная,
Простуда грудная,
Колотье, подагра,
Нарывъ и хиагра,
И жаръ и чума,
Иль сшолъ кто съ ума,
Я все излѣчаю
И всѣхъ облегчаю.
Я врачъ Абульфидаръ
Въ лѣченіи мой даръ
По всей вселенной блещетъ.
Я здравіе даю
Недугъ чтитъ власть мою,
И смерть меня трепещетъ.

(*Подошелъ къ Абдаллѣ и пощупавъ пульсъ*)

Что онъ ѣлъ?

Фатьма.

Больше хлѣбъ да мясо.

Абульфидаръ.

А пилъ?

Фатьма.

Ничего кромѣ вина.

Абульфидаръ.

И такъ не дивно, что винные пары, поднявшись въ голову, заглушили ево понятіе. Галіенъ говоритъ, что закисаніе острыхъ напитковъ въ желудкѣ производитъ пары, которые, поднявшись въ мозговыя жилы, легко могутъ повредить покрывающую ихъ перепонку.

Фатьма.

Что же вы прикажете?

Абульфидаръ.

Совѣтую ему кровь пустить.

(**Всѣ** *подходятъ къ Абдалле. Лѣкарь беретъ ево руку и вынимаетъ ланцетъ.*)

Абдалла (*увидя ланцетъ, вырываетъ руку*).

Чего вы хотите? (*Поетъ*)

Всѣ.

Молчите, молчите.

Абдалла.

Меня вы морите!

Всѣ.

Молчите, молчите.

Абдалла.

За что меня морить?

Всѣ.

Мы васъ хотимъ лѣчить.

Абульфидаръ.

Я кровь хочу пустить:
Пожалуй не страшися

Всѣ.

На насъ въ томъ положися.

Абдалла.

Да я совсемъ здоровъ.

Фатьма.

Не трать напрасно словъ:
Ты боленъ, онъ ужъ знаетъ.

Абдалла.

Меня онъ убиваетъ.
Я кровь пустить не дамъ.

Роксана.

Вить будетъ легче вамъ.

Абдалла.

Нѣтъ, нѣтъ! я вижу ето ясно.
Что Ханъ меня теперь намѣренъ уморить;
Однако же ево стараніе напрасно:
Я кровь не дамъ себѣ пустить.

Всѣ.

Пожалуйте молчите.

Абдалла (*барахтаясь*).

Подите прочь, подите.

Всѣ.

Пожалуйте молчите.

Абдалла.

Подите прочь, подите.
Подите прочь, подите.

Всѣ.

Пожалуйте молчите.
Пожалуйте молчите.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣжъ и Мезруръ съ караульными.

Мезруръ.

Что здѣсь за шумъ?

Фатьма.

Ахъ милосердый господинъ! Вотъ мой мужъ Абдалла съ ума сошелъ: мы хотимъ ему кровь пустить, а онъ противится.

Абдалла.

Нѣтъ! я не схо...

Фатьма (*зажавъ ему ротъ*).

Молчи пьяница.

Мезруръ.

Это ли тотъ человѣкъ, которой называетъ себя Калифомъ?

Фатьма.

Да вишь онъ это въ безумствѣ вралъ, государь.

Абдалла.

Никакъ, нѣтъ! я не-бе....

Фатьма (*зажавъ ему ротъ*).

Опять, да молчи проклятой.

Мезруръ.

Даромъ, развяжите ево. Я имѣю повелѣніе представить всѣхъ васъ предъ Государя.

Гассанъ, **Роксана**, **Фатьма**, **Абульфидаръ**, **Работникъ** — Ахъ пропали мы!

Абдалла.

А! а! такъ видно еще только теперь поведутъ меня къ Хану-то: можетъ онъ меня и помилуетъ.

Мезруръ (*караульнымъ*).

Ну поворачивайтесь. (*Караульные приступаютъ.*)

Фатьма (*ставъ на колѣни*).

Сдѣлай милость.

Мезруръ.

Что такое?

Гассанъ, **Фатьма**, **Роксана**, **Абульфидаръ** и **Работникъ** (*ставъ на колѣни*).

Всѣ (*поютъ*).

Предъ царя насъ не водите.

Мезруръ.

Мнѣ не льзя ослушнымъ быть.

Абдалла.

Для чего насъ неводить?

Фатьма, **Роксана** и **Гассанъ.**

Что хотите, то возмите,
Лишь оставте только насъ.

Мезруръ.

Вы напрасно лишь кричите:
Мнѣ пустить не можно васъ.

Абдалла.

Нѣтъ предъ Хана поведите,
Я готовъ итти сей часъ.

Гассанъ, **Фатьма**, **Роксана**, **Абульфидаръ** и **Работникъ.**

Зжальтесь, зжальтеся надъ нами.

Фатьма и **Роксана.**

Все имѣнье передъ вами.

Гассанъ, Абульфидаръ и **работникъ.**

Зжалься, слыша бѣдныхъ стонъ.

Абдалла.

Не беретъ индѣекъ онъ.

Мезруръ.

Ябъ помочь вамъ радъ душею.
Но строжайшій данъ приказъ.

Абдалла.

Нѣтъ ему лишь сломятъ шею,
Вить за это вотъ какъ разъ.

Мезруръ (*караульнымъ*).

Ну ведите. (*Караульные приступаютъ.*)

Фатьма, Роксана, Гассанъ, Абульфидаръ и **Работникъ** (*караульнымъ*).

Погодите. (*Караульные останавливаются.*)

Мезруръ.

Долго ли еще васъ ждать? (*Караульнымъ*)
Ну ведите.

Фатьма, Роксана, Гассанъ, Абульфидаръ и **Работникъ.** (*Караульнымъ*).

Погодите. (*Мезруру*).
Не страшися жизнь намъ дать.

Мезруръ.

Мнѣ своей не потерять
Я покоренъ вышней волѣ.
Ну веди.

Фатьма, Роксана, Гассанъ, Абульфидаръ и **Работникъ.**

Ахъ! погоди.

Мезруръ.

Нѣтъ не слушаю васъ болѣ
Я подвластной человѣкъ.
(*Караульные ихъ уводятъ, а между тѣмъ*)

Фатьма
Роксана
Гассанъ
Абульфидаръ
Работникъ

Ахъ, погибли мы на вѣкъ.

Абдалла.

Рокъ бѣды мои пресѣкъ. (*Всѣ уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Театръ представляетъ чертоги Калифовы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Калифъ и **Гіафаръ.**

Калифъ.

Мезруръ еще не бывалъ: а я нетерпѣливо хочу видѣть, что произведетъ мое присутствіе надъ всей семьею Абдаллы.

Гіафаръ.

Онъ долженъ скоро быть.

Калифъ.

Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и **Мезруръ.**

Мезруръ.

Повелитель правовѣрныхъ, я привелъ тѣхъ людей, которыхъ повелѣлъ представить предъ лице твое.

Калифъ.

Введи ихъ. (*По знаку они входятъ и упадаютъ на колѣни предъ Калифомъ.*) Что у васъ здѣлалось?

Фатьма (*поетъ*).

Великій Государь!
Ахъ! зжалься надъ своей рабою!
Невѣдомой судьбою
Взбѣсился мужъ мой чеботарь:
Невинны мы передъ тобою.

Тронься нашими слезами,
Отмѣни ужасну казнь,
Насъ смятенье и боязнь
Предъ твоими рвутъ глазами.

Ты невинныхъ избавляя,
Отгони нашъ ужасъ прочь,
И отца за зло карая,
Пощади жену и дочь.

Абдалла (*ставъ на колѣни предъ Калифомъ*).

Кто бы ты ни былъ, ты, которому всѣ здѣсь повинуются, зжаль-

ся надъ моимъ состояніемъ. Я Калифъ: а меня увѣряютъ, что я чеботарь Абдалла; и (*указывая на лькаря*) вотъ этотъ живодеръ хочетъ, какъ безумному, пускать кровь. Правда, что я и самъ долго думалъ, будто я чеботарь, но вчера увѣрили меня точно, что я Калифъ; я былъ на престолѣ. Всѣ мнѣ повиновались, даже и сама Зобѣида. Какъ же мнѣ было не вѣрить? и такъ я узналъ, что чеботаремъ я былъ во снѣ. А теперь думаю, что ты Ханъ, а всѣ эти люди Татара, съ которыми я полѣнился подписать миръ, и что они, напавъ нечаянно, всю мою гвардію побили, а меня взяли въ полонъ. Естьли ты можешь, то избавь меня изъ ихъ рукъ, и возврати похищенной мой престолъ.

Фатьма.

Видите Государь! какъ онъ бредитъ, онъ и при васъ дерзаетъ вашимъ именемъ называться.

Калифъ (*смѣется.*)

Встаньте, я вамъ рѣшу эту загадку. (*Сходитъ съ трона, и вышедъ напередъ театра, а за нимъ всѣ, говоритъ Абдаллѣ.*) Ты Калифъ, но ты отъ этаго не меньше чеботарь Абдалла.

Абдалла.

Какъ это можетъ быть?

Калифъ.

Я тотъ часъ скажу. (*Гіафару.*) Подойди сюда. (*Абдаллѣ.*) Узнаешь ли ты ево?

Абдалла.

Кажется мнѣ лице ево знакомо.

Калифъ.

Онъ былъ у тебя подъ именемъ Бальзорскаго купца, когда ты былъ чеботаремъ.

Абдалла. (*съ удивленіемъ*).

Такъ! я это помню; да вить это было во снѣ?

Калифъ.

Нѣтъ на яву.

Абдалла.

Такъ по этому я во снѣ былъ Калифомъ?

Калифъ.

Нѣтъ на яву.

Абдалла.

Да какимъ же волшебствомъ все это сдѣлалось. Калифъ на яву: чеботарь на яву. Я не могу въ одинъ разъ быть и чеботаремъ и Калифомъ, развѣ тутъ есть какая дьявольщина.

Калифъ.

Я всему этому причина. Я подслушалъ твое неудовольствіе на Кади, велѣлъ Гіафару, подъ именемъ купца, напоить тебя соннымъ порошкомъ, и отнести сюда во дворецъ.

Абдалла (*прервавъ.*)

Такъ! такъ, вотъ тутъ то я сидѣлъ на софѣ съ Зобѣидой: да полно все горе: напади на меня проклятый сонъ.

Калифъ.

Выслушай меня: и такъ я велѣлъ отнести тебя во Дворецъ, а когда ты проснешся, увѣрить тебя, что ты Калифъ. Потомъ когда тебя отнесли домой; я прислалъ за тобой Мезрура, которой всѣхъ васъ и привелъ сюда. Узнай во мнѣ твоего Государя, въ кущѣ моего визиря, а въ мнимыхъ Татарахъ жену, дочь и зятя.

Абдалла (*бросаясь къ его ногамъ.*)

Повелитель правовѣрныхъ! я достоинъ смерти! я не узналъ моего Государя! я дерзалъ называться его именемъ. Но прости моему безумству, я самъ себя не помнилъ.

Калифъ (*поднимая ево.*)

Не пугайся Абдалла, я не сержусь: воображеніе твое, утвержденное въ томъ, что ты Калифъ, препятствовало тебѣ узнать меня. Я только хотѣлъ веселиться твоимъ замѣшательствомъ, и въ награжденіе, за сыгранную съ тобою шутку, даю тебѣ пять тысячь цѣкиновъ; сверьхъ того отдаю дочь твою за Гассана: они другъ друга достойны. (*Роксанѣ и Гассану.*) Подойдите сюда. (*они подходятъ.*) Я васъ соединяю: дарю вамъ на свадьбу такъ же пять тысячь цѣкиновъ и хочу, чтобы свадьба была совершена здѣсь, и составила для меня праздникъ. Вели приготовить Балетъ. Живите благополучны и помните, что и самыя забавы вашего Государя полезны ево подданнымъ. (*Уходитъ, за нимъ Гіафаръ и Чиновники*).

Абдалла.

Какое нечаянное благополучіе!

Гассанъ.

Я насилу опомнился отъ удивленія!

Роксана.

Наконецъ я получила тебя Гассанъ!

Абдалла (*Фатьмѣ*).

Вотъ ты мнѣ не вѣрила, что я Калифъ.

Фатьма.

Ну! что прошло, такъ тому и быть.

Абдалла.

Нѣтъ! а мнѣ такъ жаль, что я не остался Калифомъ! мнѣ ужъ Зобѣиды и во снѣ не видать.

Фатьма.

И! пьяная рожа! ужъ тебѣ Зобѣида....! Да ты бы и то за счастіе почиталъ, что я тебѣ жена.

Абдалла.

Вить нѣчево, коли лутче нѣтъ! на безрыбьѣ, и ракъ рыба.

Фатьма.

Великой ты баринъ.

Абульфидаръ.

А кому же мнѣ кровь пустить?

Абдалла.

Не шуми же! вить здѣсь не у меня, тотъ часъ самому изъ шѣи кровь пустятъ.

Абульфидаръ.

Инъ быть молчать.

Всѣ (*поютъ.*)

Да здравствуетъ Калифъ на вѣки:
Умножи дни его Творецъ.
Щедротъ онъ проливаетъ рѣки:
Онъ подданныхъ отецъ.

Абдалла.

Нерѣдко можетъ намъ Добро изъ зла рождаться,
И часто счастіе является изъ бѣдъ.
Съ индѣйкой было мнѣ хотя и жаль разстаться;
Но я черезъ нее открылъ ко счастью слѣдъ.

Всѣ.

Да здравствуетъ Калифъ на вѣки (и проч.)

Вмѣстѣ.

Роксана.

Я счастіе не чту въ великолѣпномъ санѣ:
Съ богатствомъ не всегда покоенъ человѣкъ.
Все счастіе мое въ возлюбленномъ Гассанѣ.
И съ нимъ я проведу счастливо весь мой вѣкъ.

Гассанъ.

Я счастія не чту въ великолѣпномъ санѣ:
Съ богатствомъ не всегда покоенъ человѣкъ.
Все счастіе мое въ возлюбленной Роксанѣ:
И съ ней я проведу счастливо весь мой вѣкъ.

Всѣ.

Да здраствуетъ: (и проч.)

Фатьма и Работникъ.

Не будемъ бѣдности мы чувствовати болѣ:
Щедротой удалилъ отъ насъ ее Калифъ.
Мы кончимъ дни свои въ благополучной долѣ,
И всякой сталъ изъ насъ покоенъ и счастливъ.

Всѣ.

Да здраствуетъ (и проч.)

Абульфидаръ.

Хотя препятство мнѣ въ лѣченіи предстало,
И долженъ спрятать я безъ дѣла мой ланцетъ;
Но не о чемъ тужить: осталось жертвъ не мало,
Мнѣ рѣзать есть кого, наполненъ ими свѣтъ.

Всѣ.

Да здравствуетъ Калифъ на вѣки:
Умножи дни ево Творецъ.
Щедротъ онъ проливаетъ рѣки:
Онъ подданнымъ прямой отецъ.

(*Входятъ танцовщики, приносятъ данныя деньги и дары на свадьбу.*)

Конецъ оперы.

ЩАСТЛИВАЯ ТОНЯ.

Комическая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ЩАСТЛИВАЯ ТОНЯ.

Комическая опера.

Съ указнаго дозволенія. Въ Москвѣ.

Печатано въ театральной типографіи у Хр. Клаудій, 1786 года.

Музыка Стабингера.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Незрадъ, духъ, г. Колесниковъ.
Скопидомъ, заживной мѣщанинъ, г. Залышкинъ.
Плѣнира, дочь его, Г-жа Соколовская.
Миловзоръ, рыбакъ, Г. Волковъ.
Старолѣтъ, женихъ Плѣниры, Г. Ожогинъ.
Бѣсъ, Г. Бакшѣевъ.
Судья, Г. Федотовъ.
Петиметръ, Г. Украсовъ.
Старая женщина, Г-жа Померанцева.
Чертополохъ, лирическій стихотворецъ Г. Колесниковъ } Пришедшія загадывать.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ берегъ рѣки, на одной сторонѣ театра деревня: за рѣкой въ дали городъ.

Миловзоръ (*одинъ*).

Кажется и рыбы согласились досаждать мнѣ! вчера цѣлой день не поймалъ ни малявочки. Надобно чтобъ я былъ очень несчастливъ! отецъ мой былъ человѣкъ заживной. Я готовъ былъ жениться на той, ково я люблю болѣе всего на свѣтѣ, я лишился отца! разными бѣдами доведенъ до того, что принужденъ питаться промысломъ рыбака: и къ пущему моему несчастію отецъ моей Плѣниры отказываетъ ее за меня выдать за то, что я бѣденъ. Ахъ! Плѣ-

нира, Плѣнира! въ какой несчастной часъ я тебя увидѣлъ! къ чему я въ тебя влюбился! и на что я сталъ тебѣ милъ; когда скупость отца твоего насъ разлучаетъ. (*Поетъ*)

Плѣнира!
Я всѣ утѣхи мира
Нашелъ въ тебѣ одной.
Тобой
На вѣки мой покой
Отъ сердца удалился.
Къ тебѣ
Я въ горестной судьбѣ
Душей и сердцемъ прилѣпился.

*

Ахъ естьли бы взаимною любовью
Сплетенныхъ нашихъ двухъ сердецъ
Не разлучалъ жестокой твой отецъ;
Я это счастіе своей купилъ бы кровью.

*

Такъ! Я не счастливъ отъ того, что я бѣденъ и что нѣжное имѣю сердце! О! естьлибъ я былъ въ прежнемъ состояніи; Скопидомъ обѣими руками Плѣниру бы за меня отдалъ. Ахъ! Плѣнира! ты одна только заставляешь меня желать богатства, оно мнѣ нужно только на то, чтобъ получить тебя; а тамъ пусть бы ево чортъ побралъ, я съ тобою и въ бѣдности былъ бы всѣхъ на свѣтѣ счастливѣе. (*Смотритъ въ ту сторону, гдѣ деревня*) чтожъ она пейдетъ? она дала мнѣ слово вытти на берегъ, подожду еще: а между тѣмъ вытащу сеть: авось въ ней что нибудь есть, (*подойдя къ рѣкѣ тащитъ сеть*). Кой чортъ такъ тяжело! видно, рыбы то за всѣ дни попалось, (*упираясь тащитъ*) ужъ даровое ли? Экой тягости съ роду не видывалъ! (*увидя нѣчто*) ну! вотъ те прибыль! эдакой камень! ево и не вытащишъ! спасибо что сети не изорвалъ! (*вытаща на берегъ и смотря съ удивленіемъ*) ба! да это не камень! какая то чаша, кой ли чортъ!... и впрямь чаша. Ну, кабы въ ней были деньги; завтряжъ бы женился на Плѣнирѣ... какаяжъ печать приляпана, видно не пуста! отволочомка её домой: да тамъ и раскроемъ (*таща ее*) нѣтъ легка больно! видно пустая! не бросить ли. (*Чаша посреди театра останавливается*) тю, тю, тю, что за пропасть, ни съ мѣста! (*деретъ*) ни крошечки, видно задѣла, (*осматриваетъ*) нѣтъ, (*деретъ*) да что за чортъ! ну, коли ты нейдешъ! такъ мы и здѣсь отопремъ. (*Срезываетъ печать; крышка откры-*

вается, а изъ чаши выходитъ дымъ.) Ай! ай! ай! батюшки, что это такое! пропалъ я! (*дымъ проходитъ: а на мѣсто ево показывается духъ чрезмѣрной величины*) ухъ! (*падаетъ и зажимаетъ глаза*) господинъ Богъ знаетъ что! помилуй, не съѣшъ меня.

ЯВЛЕНІЕ II.

Духъ Незрадъ и Миловзоръ.

Дуэтъ:

Незрадъ.

Встань опомнись, Миловзоръ,
Духъ повелѣваетъ.

Миловзоръ.

Ахъ! ужасенъ мнѣ твой взоръ!
Сердце замираетъ (*закрываетъ глаза руками*).

Незрадъ.

Нестрашись,
Ободрись.

Миловзоръ.

Можноль ободриться.

Незрадъ.

Этотъ духъ,
Сталъ твой другъ.

Миловзоръ.

Какъ съ тобой дружиться?
Естьли ты захочешъ встать;
Такъ легко тебѣ достать
Небо головою.
Съ башню твой ужасный ростъ,
У тебяжъ я чаю хвостъ:
Нѣтъ! глазъ не раскрою.

Незрадъ.

Естьли ты такъ меня боишься, то я приму видъ не столько для тебя ужасной (*пропадаетъ въ чашу, изъ коей опять выходитъ дымъ*).

Миловзоръ.

Что то теперь будетъ? Ну! счастливъ я буду, коли живъ останусь. Вотъ те добрая тоня, боюсь взглянуть (*приподнимается; но увидя дымъ опять падаетъ.*) Нѣтъ, легче (*тутъ духъ показывается*

человѣкомъ обыкновеннаго роста, но въ странномъ великолѣпномъ одѣяніи; а чаша пропадаетъ)

Незрадъ.

Смотри теперь.

Миловзоръ (*вставъ на колѣни, но зажмурясь*).

Господинъ духъ! Нельзяли меня уволить.

Незрадъ.

Никакъ нельзя, счастіе твое отъ того зависитъ.

Миловзоръ.

Пропадай это счастіе.

Незрадъ.

Развѣ не трогаетъ тебя честь бесѣдовать съ духомъ? иной бы за это радъ отдать все свое имѣніе.

Миловзоръ.

Благодаренъ, я бесѣдовать съ духами не люблю, эта честь съ лишкомъ дорого стоитъ, много и безъ меня охотниковъ.

Незрадъ.

А когда ты не хочешь добровольно, то я употреблю мою власть, и...

Миловзоръ (*перервавъ*).

А! помилуй! помилуй! я лучше, какъ ни страшно, а самъ взгляну: (*въ сторону*) Вотъ попался. (*Помаленьку раскрывъ глаза и поглядѣвъ сквозь пальцы*) Уфъ! отдохнулъ теперь. Вотъ господинъ духъ! это на стать, теперь ты хорошій духъ; умный духъ, людей не пугаешь? а то чортъ это не духъ съ Ивана Великова, (*вставъ осматриваетъ ево*). Да скажитка мнѣ, что ты за духъ? что ты такое?

Незрадъ.

Этово я право и самъ не вѣдаю, а есть люди которые говорятъ; будто объ этомъ знаютъ, но я сомнѣваюсь. Естьли хочешь, спроси у нихъ: только на это надобны деньги.

Миловзоръ.

Пропадай они? скажутъ ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ: да можетъ и впрямь они и сами не знаютъ: намелютъ пустоши: а деньги то, я чаю дай въ передъ. Не хочу, не хочу. Да покрайнѣй мѣрѣ скажи мнѣ какъ тебя умудрило залесть въ эту чашу? она тебѣ и по колено не достанетъ.

Незрадъ.

Я былъ въ ней во образѣ дыма.

Миловзоръ.

За чемъ?

Незрадъ.

Я былъ посаженъ по неволѣ.

Миловзоръ.

Какъ это?

Незрадъ.

А вотъ какъ (*Поетъ*)

Небесами
Надъ духами
Соломонъ поставленъ князь,
Соломона
Свергнуть съ трона
Я предпринялъ, возгордясь.
Имъ сраженный,
Побѣжденный,
Былъ я въ чашу заключенъ,
Скрытъ водою;
Но тобою
Сталъ изъ оной извлеченъ.

Я въ ней сидѣлъ три тысячи лѣтъ въ заперти.

Миловзоръ.

Три тысячи лѣтъ! Легко то молвить, экъ онъ тебя запряталъ какъ курицу въ горшокъ! да неушто эта чаша такъ крѣпка, что ты разломить ее не могъ?

Незрадъ.

Печать, которую ты сорвалъ, въ томъ мнѣ препятствовала.

Миловзоръ.

Развѣ она такъ тяжела?

Незрадъ.

Нѣтъ! но на ней вырѣзаны волшебныя слова, которымъ я не смѣлъ противиться. Я могъ съ чашей ходить куда хочу, быть легокъ, и тяжелъ по моей волѣ; но вытти изъ оной печать Соломонова меня не допускала. Я былъ брошенъ на срединѣ Окіяна: но надѣясь получить свободу, перешелъ я въ эту рѣку. Попавшись тебѣ въ сеть, я здѣлался тяжелъ, дабы возбудить твое любопытство. Будучи вытащенъ тобою, я здѣлался легокъ, чтобъ дать тебѣ способъ унесть чашу домой и раскрыть: но видя, что ты хочешъ за легкостію меня бросить; я здѣлался не движимъ, дабы принудить тебя дать мнѣ свободу.

Миловзоръ.

Благодаренъ, господинъ духъ; я надорвался, таская тебя. Ты бы могъ меня отъ этого труда избавить: а естьли тебѣ такъ на волю хотѣлось, (*въ сторону*) чему я и не дивлюсь (*ему*) такъ бы ты хоть пропищалъ что нибудь.

Незрадъ.

Мнѣ запрещено было говорить: но оставимъ это. Не тужи о своемъ трудѣ, а требуй какого ты хочешь награжденія.

Миловзоръ.

Какого я хочу награжденія? Ахъ! господинъ духъ! Скопидомъ не отдаетъ за меня дочери своей Плѣниры за то, что я не богатъ, а отдастъ ее вотъ въ этотъ городъ за школьнаго мастера, Старолѣта, здѣлай меня богатымъ; я ничего не хочу больше.

Незрадъ.

Это невозможно.

Миловзоръ.

Ахъ, помилуй! ты мнѣ далъ слово все здѣлать.

Незрадъ.

Такое опредѣленіе судьбы, что бы ты преждѣ женился на Плѣнирѣ: а потомъ найдешъ кладъ.

Миловзоръ.

Здѣлай милость! нельзяли это опредѣленіе выворотить: а безъ того мнѣ никакъ женится не возможно.

Незрадъ.

Употребляй все свое стараніе: а я тебѣ буду помогать.

Миловзоръ.

Да тутъ никакая помочъ не дѣйствительна, кромѣ денегъ.

Незрадъ.

А когда ты столько упрямъ, и думаешъ, что я тебя обманываю, такъ прощай.

Миловзоръ.

Помилуй (*въ сторону*) что дѣлать! (*ему*) Ахъ! не оставь меня. Научи, что мнѣ дѣлать?

Незрадъ.

Я тебѣ дамъ способъ превращатся во всѣ виды; съ сею помощію можешъ ты достигнуть до своего желанія.

Миловзоръ.

Да не умру ли я!

Незрадъ.

Не бось. (*Поетъ*)
Демонъ лжи
Покажи
Мнѣ свое покорство
Въ смертныхъ ты
Шлешъ мечты,
Хитрость и притворство.
Адъ оставь
И исправь
Важную услугу.
Я тебя
Отъ себя
Дамъ на время другу.

(По окончаніи аріи является изъ того мѣста, куды пропалъ нашъ бѣсъ, которой сдѣлавъ прыжокъ предстаетъ предъ духа, за котораго прячется Миловзоръ.)

Незрадъ (*вытаща Миловзора за руку*).

Покуда сей человѣкъ будетъ имѣть мой жезлъ; повинуйся ему, и превращай ево во всѣ, желаемыя имъ, виды. (*Бѣсъ показываетъ знакъ повиновенія, и сдѣлавъ прыжокъ, пропадаетъ въ туже яму, изъ коей до тѣхъ поръ выходитъ дымъ.*)

Незрадъ.

Миловзоръ, возми жезлъ сей...

Миловзоръ.

Сохрани меня Богъ, я умру отъ страха!

Незрадъ.

Возми, говорю я, и ничего не бойся или я тебя оставлю. Есть ли же ты пожелаешъ меня видѣть; то укуси ево, и я тотчасъ явлюсь. Прощай (*взлетаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Миловзоръ.

Что со мною будетъ, и что мнѣ дѣлать съ этой палочкой. Какая же пестринькая! не переломить бы (*сгибаетъ ее кольцомъ, и тотчасъ бѣсъ показывается*).

Миловзоръ.

Ухъ! ай, ай, ай, не съѣшъ меня!

Бѣсъ.

Что прикажешъ!

Миловзоръ.

Ничево, ничево.

Бѣсъ.

Зачемъ же ты меня звалъ? я не отойду, покуда ты мнѣ чего не прикажешъ.

Миловзоръ.

Вотъ те на! Эдакой слуга! что и насильно служить хочешъ Гдѣ это видано!

Бѣсъ.

Что жъ!

Миловзоръ.

Постой, постой (*всторону*). Что мнѣ ему приказать? (*ему*) Ну... ну... дѣлай, что тебѣ вздумается.

Бѣсъ.

Я безъ твоего приказу дѣлать ничего не смѣю.

Миловзоръ.

Экая притчина! да чему ты гораздъ?

Бѣсъ.

Я превращу тебя, во что изволишъ?

Миловзоръ.

Во что изволю.

Бѣсъ.

Да. (*Поетъ чрезвычайно скоро*)

Въ великана,
Въ барана,
Въ быка,
Въ дурака,
Въ старика,
Въ мужика,
Въ дѣвицу,
Въ осла,
Въ кабылицу,
Въ козла,
Въ молодицу,
Въ купца,
И опять въ молодца.

Миловзоръ *(дразня ево на тотъ же тонъ голоса, да начинаетъ арію).*

Тарара,
Тарара,

Убирайся пора:
Убирайся пора.

Чтожъ ты сталъ? (*Бѣсъ молчитъ*) Да научи меня, какъ отъ тебя отвезатся?

Бѣсъ.

Естьли ты разогнешъ жезлъ; я пропаду; а естли согнешъ, я явлюсъ.

Миловзоръ.

Не въ прямъ ли? семъ ка попробуемъ (*разгибаетъ жезлъ, бѣсъ пропадаетъ*). Ха, ха, ха! вотъ право хорошо! Ну ка еще (*згибаетъ, а бѣсъ является*). Вѣрной слуга! люблю за то, что послушливъ. Ну! убирайся жъ къ чорту, (*разгибаетъ, а бѣсъ пропадаетъ*). Вотъ теперь я сталъ великой человѣкъ. Чтожъ мнѣ дѣлать?.... Пойдемъ, закинемъ сеть: а между тѣмъ подумаемъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ тоже, что и въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Плѣнира, потомъ **Миловзоръ.**

Плѣнира (*выходя поетъ*)

Романсъ.

Естьли сердце въ насъ безстрастно;
Должноль сердце принуждать?
Наше сердце не подвластно:
Силой страсть нельзя рождать.

*

Нѣжно чувствіе въ неволѣ
Не родится никогда
И въ свободной только долѣ
Сердце любитъ за всегда.

*

Кто жъ страдаетъ безполезно,
Долженъ пламень истребить:
Что не можетъ быть любезно;
Намъ нельзя того любить.

*

Анамедни мнѣ Анюта
Вотъ успѣла что шепнуть:
„Милому одна минута
„Въ сердце къ намъ откроетъ путь.

„Въ немъ покажется все мило,
„Видъ, улыбка, разговоръ.
Мнѣ то сердце подтвердило
И любезной Миловзоръ.

Миловзоръ *(прибѣжавъ)*.

Ахъ! любезная Плѣнира, я насилу тебя дождался, со мной безъ тебя великое чудо здѣлалось.

Плѣнира.

Я насилу могла вырваться, проклятой Старолѣтъ меня замучилъ.....

Миловзоръ.

И такъ отецъ твой непремѣнно хочетъ тебя за этова старова чорта выдать.

Плѣнира.

Непремѣнно.

Миловзоръ.

Есть ли кто на свѣте меня несчастливѣе!

Плѣнира.

Ахъ, Миловзоръ! не мучь меня своей горестью.

Миловзоръ.

Да можноль быть покойну, когда тебя у меня отнимаютъ.

Плѣнира.

Нѣтъ любезной Миловзоръ! я скорѣе умру; нежели тебя забуду. (*Поетъ*) *Дуетъ*:

Плѣнира.

Коль наши страстію сердца
На вѣки стали съ единены;
Не мни, чтобъ были разлучены
Жестокой властью мы отца.

Миловзоръ.

Что твой ко мнѣ не ложенъ жаръ,
Плѣнира, я давно то знаю:
Но способовъ не обрѣтаю
Жестокой отвратить ударъ.

Плѣнира.

Любовь къ тому покажетъ срѣдство.

Миловзоръ.

Ахъ! чемъ скончать жестоко бѣдство,
Къ кому прибѣгну я стеня.

Плѣнира.

Будь вѣренъ и люби меня.

Оба.

Любовь мы на тебя надѣжду возлагаемъ
Въ тебѣ мы обрѣтаемъ
Блаженны дни,
Ты насъ соедини.

Плѣнира.

Такъ Миловзоръ! ни что меня съ тобой разлучить не можетъ, (*увидя жезлъ*) да что это за палочка?

Миловзоръ.

Я было еще давича хотѣлъ объ этомъ тебѣ сказать и съ тобой посовѣтовать: я поймалъ духа.

Плѣнира.

Духа!

Миловзоръ.

Да, духа!

Плѣнира.

А что это такое духъ?

Миловзоръ.

Духъ!... это... это.... ну вотъ! какъ бы тебѣ сказать... это духъ! о! безъ денегъ этова не узнаешъ.

Плѣнира.

Экой! да на что онъ похожъ?

Миловзоръ.

И этого сказать нельзя, такъ страшно.

Плѣнира.

Ой ли!

Миловзоръ.

Право, сперва онъ былъ, какъ дымъ, а тамъ какъ великанъ: а тамъ... коли хочешь; я ево кликну.

Плѣнира.

Нѣтъ! нѣтъ, не хочу, онъ еще меня съѣстъ.

Миловзоръ.

Я и самъ такъ думалъ; однако онъ не кусается: а еще обѣщалъ мнѣ всякую помощь за то, что я ево изъ чаши выпустилъ.

Плѣнира.

Изъ чаши! ха, ха, ха, ха! это проказникъ духъ! да какъ онъ туда залесъ?

Миловзоръ.

Я это тебѣ послѣ разскажу: а теперь посовѣтуемъ; вотъ онъ мнѣ далъ эту палочку, чрезъ которую я могу оборачиваться во всѣ виды.

Плѣнира.

Какъ это?

Миловзоръ.

Въ этой палочкѣ сидитъ бѣсъ, которой меня слушается; и такъ теперь остается намъ подумать, какъ бы мнѣ на тебѣ женится: а духъ сказалъ, что я какъ скоро на тебѣ женюсь; то найду кладъ.

Плѣнира.

Да лутчебы онъ кладотъ теперь далъ; такъ бы ты тотчасъ и женился

Миловзоръ.

То то, видишь ты, будто нельзя: какая то судьба не велѣла... О! съ нимъ не очень спорь!

Плѣнира.

Какъ же ты думаешь?

Миловзоръ.

Я было ужъ и вздумалъ; да не знаю, понравитсяли тебѣ моя выдумка.

Плѣнира.

Скажика, что такое?

Миловзоръ.

А вотъ что, я хочу оборотится въ колдуна, и естьли придетъ ко мнѣ загадывать Старолѣтъ; то я ему столько дурнова наскажу, что у него пропадетъ охота женится.

Плѣнира.

Ну чтожъ! это хорошо: а я берусь здѣлать, что онъ пойдетъ загадывать.

Миловзоръ.

Только и надо. Я пойду, и за этой горой велю Бѣсу построить мнѣ пещеру и здѣлать волшебное зеркало, которое будетъ показывать, что кому надобно. Прощай, любезная Плѣнира. Ахъ! есть ли бы этимъ способомъ могъ я получить тебя.

Скопидомъ (*за кулисами*).

Она сюда пошла.

Плѣнира.

Ахъ! поди, поди скорѣе. Я слышу батюшкинъ голосъ.

Миловзоръ (*бѣжавъ*).

Прощай, и старайся уговорить Старолѣта; а я пошлю всѣхъ своихъ знакомыхъ разгласить обо мнѣ въ городѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Скопидомъ, Старолѣтъ, Плѣнира.

Скопидомъ.

Тебѣ не сидится дома. Я тебя цѣлой часъ съ женихомъ ищу. Чтожъ ты стала? ну, кланяйся жениху.

Старолѣтъ.

И такъ моя куколка! ты скоро будешь за мною. Ахъ! какъ же мнѣ будетъ весело. Какъ же счастливъ будетъ Старолѣтъ!

Плѣнира.

Батюшка!

Скопидомъ.

Что такое.

Тріо.

Плѣнира.

Ахъ! сжальтесь надо мною:
Какою я виною
Могла прогнѣвать васъ.

Скопидомъ.

Никакъ на этотъ часъ
Ты память потеряла,
Что здѣлалъ я съ тобой?

Плѣнира.

Коль мужъ онъ будетъ мой
На вѣки я пропала.

Старолѣтъ.

Вить ты мнѣ Скопидомъ
Далъ слово.

Скопидомъ (*ему*).

Признаюся.

(*къ дочери*).

Къ чему такой содомъ,
Къ чему.

Старолѣтъ. (*ей*)

Не надивлюся.
Какъ куклу я тебя мой свѣтикъ наряжу,

На креслы посажу.
И буду я тобою любоваться,
Прельщаться,
Утѣшаться:
А ты меня за это лишь цѣлуй.

Плѣнира.

Скорѣй умру.

Старолѣтъ (*Скопидому*).

Ты дочкѣ растолкуй
О всемъ моемъ пріятствѣ,
О всемъ моемъ богатствѣ
Такъ склонится она.

Плѣнира.

Не буду въ вѣкъ твоя жена. (*Хочетъ уйти; а Скопидомъ останавливаетъ ее*).

Скопидомъ.

Анъ лихъ будетъ. Эдакъ у ней Миловзоръ то лежитъ на сердце. Да вить я ужъ сказалъ, что тебѣ за нимъ не бывать. Отдамъ ли я дочь за рыбака, у котораго нѣтъ ни алтына.

Плѣнира.

Вы дали ему слово меня за нево отдать, развѣ онъ виноватъ, что сталъ бѣденъ? бѣдность не порокъ.

Скопидомъ.

Порокъ! да и превеликой: (*Старольту*) такъ ли сосѣдъ? (*дочери*) а когда я далъ ему слово; тогда онъ былъ богатъ, кто ему велѣлъ обнищать?

Плѣнира.

Онъ не нищій.

Скопидомъ.

Полно, полно! съ тобой вѣкъ не переговоришь. Останься съ женихомъ, да естьли онъ на тебя пожалуется; то на меня не пиняй. Сосѣдушка! ты самъ лучше ей растолкуешъ, и уговоришъ; прощайте. (*Дочери*) А ты не забывай, что у нево мѣшки то туго набиты...

ЯВЛЕНІЕ III.

Плѣнира, Старолѣтъ.

Старолѣтъ.

Нещичко мое! о своемъ ли ты умѣ, нейдешъ за меня за мужъ. Да знаешъ ли ты, сколько у меня денегъ.

Плѣнира.

Я и знать не хочу.

Старолѣтъ.

Что ты это!

Плѣнира.

Безъ шутокъ, я тебѣ на отрѣзъ сказываю, что за тобой не буду, и имѣю на то довольно причинъ.

Старолѣтъ.

Какихъ?

Плѣнира.

Первое: Что я тебя терпѣть не могу: а люблю другова; и я не понимаю, какая тебѣ прибыль на сильно на мнѣ жениться; развѣ не боишься... второе: что и колдунъ мнѣ не велѣлъ.

Старолѣтъ.

Какой колдунъ?

Плѣнира.

Колдунъ, который живетъ здѣсь, вотъ за этою горою.

Старолѣтъ.

Нѣтъ! я этому не вѣрю: ты на колдуна всклепала.

Плѣнира.

Коли не вѣришъ; такъ самъ къ нему сходи.

Старолѣтъ.

Схожу, таки схожу: да для чегожъ онъ тебѣ не велѣлъ за меня итти?

Плѣнира.

Онъ мнѣ и тебѣ премножество бѣдъ насказалъ, естьли я за тебя выду: и притомъ пропѣлъ мнѣ вотъ что. (*Поетъ*)

Какъ нѣжна ласточка встрѣчая
Ужасна филина въ кустахъ
Отъ чучелы приходитъ въ страхъ,
И съ омерзѣніемъ взирая
На скаредной урода видъ,
Поспѣшно изъ лѣсу лѣтитъ.

*

Подобно дѣвушка, узная
Въ себя влюбленна старика,
Которому нужна клюка:
А не подруга молодая,
Старается себѣ помочь
И отъ него уходитъ прочь. (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Старолѣтъ (*одинъ, посмотря въ слѣдъ*).

Она мнѣ коротко и ясно сказала, и чуть ли это не правда, такъ!... такъ! да проклятыя буркалы Плѣниры не велятъ этому вѣрить, лишъ только я объ ней вздумаю, лишъ только вспомню ее остринькой носикъ, ее розовые губки, ее свѣтлые глазенки, ее!... ее!... ну, словомъ, лишь только ее воображу; то и покажется мнѣ, что я въ дватцать лѣтъ. Какъ же быть, самъ не знаю; и хочу жениться и боюсь. Быть такъ, пойду къ ворожеѣ; и естьли онъ присудитъ мнѣ женится, то женюсь: а естьли не велитъ, то даю себѣ честное слово, что тотчасъ откажу; да и нельзя не такъ. (*Поетъ*)

Зеленая трава желтѣетъ,
Послыша хладъ осеннихъ дней,
И роза алая бледнѣетъ,
Какъ дунетъ на нее борей.

*

Изъ рощи птички удалятся
При наступленіи зимы;
То для чего же такъ дивятся,
Что дѣвушкамъ противны мы.

*

Напрасно тотъ любить желаетъ,
Кто носитъ снѣгъ на волосахъ,
Всегда безъ пользы онъ вздыхаетъ
И страсть смѣшна въ его устахъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Театръ представляетъ пещеру, по срединѣ театра стоитъ завѣшенное зеркало, за коимъ въ нутръ пещеры ходъ, изъ онаго выходитъ Миловзоръ въ образѣ старова волшебника.

ЯВЛЕНІЕ I.

Миловзоръ.

И такъ я теперь по милости моего Бѣса сталъ колдуномъ. Правду сказать, давича увидя себя въ зеркалѣ эдакой чучелой, я испугался, и естьли бы не былъ увѣренъ, что отъ меня зависитъ быть опять Миловзоромъ, тобы и очень струсилъ. О! любовь, подай мнѣ помощь получить мою Плѣниру. (*Смотритъ за кулисы*)

да какоежъ множество идетъ ко мнѣ загадывать, видно мои друзья разгласили обо мнѣ изрядно въ городѣ. (*Смотря за кулисы*) Что я вижу, и Старолѣтъ съ ними! вотъ все, чего я желалъ. Постой... да чтожъ я имъ скажу... Не мое дѣло. Бѣсъ за все взялся, и внушитъ мнѣ, что отвѣчать. (*Смотря за кулисы*) Они уже входятъ, пойдемъ приготовимся. (*Уходитъ за зеркало*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Судья, Петиметръ, Чертополохъ, старуха, Старолѣтъ (*входя поетъ*).

Хоръ.

Пойдемъ, пойдемъ загадывать,
Вдаль нечего откладывать.
Пора намъ знать судьбу свою
Черезъ ворожею.

*

Съ духами онъ бесѣдуетъ
И нашу участь вѣдаетъ:
Теперь откроется она
И намъ отъ колдуна.

Миловзоръ (*за зеркаломъ*)

поетъ: (*на тотъ же голосъ*)

Спѣшите всѣ загадывать;
Въ даль нечево откладывать,
Пора вамъ знать судьбу свою.
Черезъ ворожею.

*

Съ духами я бесѣдую,
И вашу участь вѣдаю:
Теперь откроется она
И вамъ отъ колдуна.

Миловзоръ (*вышедъ*)

Что вамъ надобно, друзья мои?

Всѣ.

Мы пришли загадывать, что съ нами будетъ.

Миловзоръ.

Загадывать! хорошо, хорошо! все узнаете. Вонъ, видители вы это зеркало, въ немъ каждой изъ васъ увидить вещь, означающую участь! а я растолкую, что она значитъ. Подитежъ теперь всѣ отсюда, и входите по одиначкѣ, когда позваню. (*Они уходятъ*).

(Махаетъ крестообразно жезломъ, и тотчасъ является подлѣ зеркала треножникъ. Зеркало открывается и подвигается съ треножникомъ на передъ Театра.)

Вотъ волшебной мой престолъ. (*Садиться на треножникъ и звонитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Миловзоръ и Судья.

Миловзоръ.

Что ты хочешь узнать?

Судья (*поетъ*).

Я многихъ облупилъ,
И денегъ накопилъ,
Судьею бывши кралъ,
Съ живыхъ и съ мертвыхъ далъ,
И всячиною бралъ.
Ко мнѣ съ приносомъ плутъ
Безъ страха входитъ въ судъ:
А тѣ въ передней ждутъ,
Которые придутъ
Лишъ съ истинной одной.
Я смѣлою рукой
Фемидины вѣсы
Кривилъ во всѣ часы—
Теперь ворожея
Скажи мнѣ, будуль я,
Доставъ высокой чинъ,
Великой господинъ.

Миловзоръ.

Смотри:

(въ зеркалѣ является безчестной столбъ).

Судья. (*поетъ*)

Какъ! я буду у столба!

Миловзоръ. (*поетъ*)

Такъ назначила судьба!
Коей правый ты уставъ въ сердцѣ ненавидишь.
Ты корысть одну любя
Возвышеннаго себя
На амвонѣ у столба съ надписью увидишь.

Судья.

Я заслуженный человѣкъ, я буду у столба! нѣтъ! нѣтъ; за это въ силу уложенія имѣешъ ты заплатить мнѣ безчестіе.

Миловзоръ.

Другъ мой, за кражу не въ чины, а къ столбу взводятъ; не моя вина, что правительство справедливо.

Судья (*уходя*).

Безчестіе, безчестіе! не отдѣлаешся (*уходитъ, а Миловзоръ звонитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Миловзоръ и Старуха.

Миловзоръ.

Какая твоя нужда?

Старуха.

Красота моя плѣняетъ
Молодова молодца,
И на вѣки съ единяетъ
Скоро наши бракъ сердца;
Златомъ я ево снабжаю,
Господинъ ворожея;
Отъ тебяжъ узнать желаю,
Будуль имъ любима я.

Миловзоръ.

Смотри:

(*въ зеркалѣ является опрокинутой пустой сундукъ*).

Старуха (*поетъ*).

Опрокинутой сундукъ!

Миловзоръ (*поетъ*).

Только лишъ дойдутъ до рукъ
Къ дорогому твоему денешки любезны;
Онъ имъ здѣлаетъ разгромъ,
И съ порожнимъ ты ларцомъ,
Станешь выть: но плачъ и вой, будутъ безполезны.

Старуха.

Нѣтъ! этова быть не можетъ. Онъ мнѣ клянѣтся вѣчною любовью.

Миловзоръ.

Бабушка! изъ денегъ чево не дѣлаютъ.

Старуха.

Пустое, пустое! онъ человѣкъ честной: я еще не дурна: а ты вралъ, прощай. (*Уходитъ, а Миловзоръ звонитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Миловзоръ и Петиметръ.

Миловзоръ.

О чемъ пришолъ провѣдать?

Петиметръ *(поетъ).*

Мое стараніе по модѣ завиваться:
Со вкусомъ одѣваться,
Влюбленнымъ всѣмъ казаться;
На женщинъ страстно я гляжу:
Жену по модѣ презираю,
О сочиненіяхъ сужу,
Хоть во все ихъ не понимаю,
И въ лутчемъ свѣтѣ я имѣнье проживаю.
Скажи ворожея
Умно ли я
На свѣтѣ поступаю—
И получуль, чего желаю?

Миловзоръ.

Смотри:

(въ зеркалѣ является тюрьма).

Петиметръ *(поетъ).*

Мнѣ является тюрьма.

Миловзоръ *(поетъ).*

Ежели сойдя съ ума
Все имѣнье ты свое проживешъ по модѣ,
Вмѣсто всѣхъ тебѣ наградъ,
Знай, назначенъ магистратъ:
Гдѣ ты будешъ подвивать кудри на свободѣ.

Петиметръ.

Un élégant comme moi въ Магистратъ! фи, фи!

Миловзоръ.

Такъ Monsieur l'élégant, кто не платитъ своихъ долговъ, тѣхъ за дѣло въ магистратъ сажаютъ.

Петиметръ.

По крайней мѣрѣ не должно этого говорить en face, ты не умѣешь жить.

(Уходитъ, а Миловзоръ звонитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Миловзоръ, и Чертополохъ.

Миловзоръ.

Что тебѣ надобно?

Чертополохъ *(поетъ).*

Я есмь Чертополохъ
Всему извѣстный міру,
Парнасскій мудрый Богъ,
Вручилъ свою мнѣ Лиру,
И славнѣйшій Пиндаръ
Оставилъ мнѣ свой даръ
Ко утѣшенью Россовъ,
Я новой Ломоносовъ,
Скажи мнѣ чародѣй
Какова отъ людей
Я долженъ ждать почтенья!
За славой я спѣшу,
И для тово послушать васъ прошу
Моей прекрасной Оды чтенья.

Миловзоръ.

Смотри:

(въ зеркалѣ является свистокъ).

Ночь мрачной кровъ свой опустила:
Стадами облаки сгустила:
Стихіи тамъ готовятъ рать,
Запоры зрятъ себѣ отверсты,
Ни что не колетъ оныхъ персты,
Мнятъ бренность взвивъ къ верхамъ поднять.

(свистокъ свищетъ).

Чертополохъ *(оглянувшись поетъ).*

Вмѣсто славы мнѣ свистокъ.

Миловзоръ *(поетъ).*

Кто въ кастальской чистой токъ,
Не спросясь ни съ музами, ни съ Фебомъ залѣзитъ,
Рыломъ воду лишь взмутитъ,
И безъ смыслу завизжитъ,
Тотъ освистанъ долженъ быть, хоть о славѣ грезитъ.

Чертополохъ.

Я возстановитель россійскаго стихотворства, я долженъ быть освистанъ.

Миловзоръ.

Кто незнаетъ грамотѣ, тому именемъ здраваго разсудка стихи писать запрещается.

Чертополохъ.

Узнаешь меня, узнаешь. Я сочиню на тебя сто двадцать сатиръ, и сіе собраніе припишу Пегасу: а тебя, именемъ музъ и Аполлона предамъ проклятію и съ тѣмъ, кто тебѣ внушаетъ такія отвѣты. (*Уходитъ, а Миловзоръ звонитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Миловзоръ и Старолѣтъ.

Миловзоръ.

Тебѣ что отгадать?

Старолѣтъ *(поетъ).*

Хоть я и сѣдъ;
Но старость лѣтъ
Въ любовной страсти не препона,
Лишь будь богатъ;
Всякъ будетъ радъ.
Смягчаютъ златомъ Купидона,
Плѣниринъ зракъ
Велитъ мнѣ въ бракъ
Вступить, презря мои сѣдины.
А ты яви,
Какой въ любви
Я долженъ ждать себѣ судьбины?

Миловзоръ.

Смотри:

(въ зеркалѣ являются оленьи рога).

Старолѣтъ *(поетъ).*

Что я вижу! мнѣ рога?

Миловзоръ *(поетъ).*

Къ старикамъ судьба строга
Естьли вздумаютъ они въ красотку влюбиться;
Дватцать лѣтъ и шестьдесятъ
Вѣчно васъ не согласятъ.
Естьли ты боишься рогъ; лучше не жениться.

Старолѣтъ.

Благодарствую господинъ ворожея. Я и самъ долго думалъ, не попаду ли въ бѣду женитьбой, и рѣшился никакъ не жениться, естьли ты отсовѣтуешъ.

Миловзоръ.

Умно, умно старичокъ! въ твои лѣта женидьба удавка (*въ сторону*). Вотъ изъ всѣхъ только одинъ человѣкъ разсудительной.

Старолѣтъ.

Прощай, господинъ колдунъ. Сейчасъ иду отказать невѣстѣ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Миловзоръ одинъ.

А я, принявъ на себя прежней свой образъ, пойду къ Скопидому: авось онъ и согласится отдать за меня Плѣниру, услыша отказъ отъ Старолѣта.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Театръ представляетъ тоже, что и въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Скопидомъ, Миловзоръ, и Плѣнира.

Скопидомъ.

Мнѣ отъ васъ нигдѣ покою нѣтъ: вы меня изъ дому выжили.

Плѣнира.

Сжальтесь надъ нами!

Скопидомъ.

Я въ томъ стоялъ, стою, и стоять буду, что за Миловзора тебя не выдамъ.

Миловзоръ.

Вы мнѣ дали слово.

Скопидомъ.

Когда я давалъ слово; тогда я не зналъ, что за нее будетъ свататься Старолѣтъ. Онъ тебя богатѣе; такъ я беру слово свое назадъ, и Плѣниру отдаю за него.

Миловзоръ.

Честь не позволяетъ перемѣнять свое слово.
Я объ васъ лучше думаю.

Трio.

Скопидомъ.

Тебѣль молокососъ,
Тебѣ ли быть судьею
Надъ честностью моею.

Миловзоръ.

Я въ честности возросъ.
И разсуждать о ней умѣю,
Иль въ прямъ на стариковъ,
Хоть дѣлаютъ они и сумозбродъ,
Кто ходитъ безъ очковъ,
Должны смотрѣть разиня только ротъ.

Скопидомъ.

Ворчи себѣ, что хочешъ,
Все по пусту бормочешъ:
А не увидишъ ты Плѣниры и во снѣ.

Плѣнира.

Знать умереть приходитъ мнѣ.

Скопидомъ.

Отъ этово не умираютъ:
Не вѣрю этимъ пустякамъ.

Миловзоръ.

За что судьбы дѣтей ввѣряютъ
Такимъ безжалостнымъ отцамъ.

Вмѣстѣ.

Скопидомъ, Плѣнира, Миловзоръ.

Подите прочь
И отвяжитесь, 2
Вы слышали ужъ мой отказъ,
Спасите дочь!
Ахъ умягчитесь, 2
Къ ногамъ упадши молимъ васъ.

Скопидомъ.

Я ужъ вить вамъ сказалъ, что не я причина вашему нещастію Естьлибъ Старолѣтъ не вздумалъ женится; я бы право за тебя отдалъ. Ты самъ видишъ, виноватъ ли я?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣжъ и Старолѣтъ.

(Плѣнира и Миловзоръ, увидя Старолѣта встаютъ.)

Старолѣтъ.

Что такое? о чемъ это милое дитя плачетъ, стоя на колѣняхъ?

Скопидомъ.

Изволитъ упрямится за тебя итти: да не бось, я на своемъ поставлю.

Старолѣтъ.

А это что за молодецъ?

Скопидомъ.

Ето тотъ Миловзоръ, за котораго ей хочется замужъ. Онъ та причина, что она тебя такъ не любитъ.

Старолѣтъ.

Не плачь, не плачь, Плѣнира: ты скоро меня полюбишъ.

Плѣнира.

Нѣтъ! ты мнѣ противнѣе всево на свѣтѣ.

Старолѣтъ.

Повѣрь мнѣ, что это не надолго. Я заставлю себя любить.

Плѣнира.

Никакая власть.....

Миловзоръ.

Перестань ругаться нами: злодѣй! не умножай напасть нашу, которой ты притчина.

Старолѣтъ.

Я злодѣй? я притчина вашей напасти?

Миловзоръ.

Конечно! Скопидомъ далъ было мнѣ слово Плѣниру за меня выдать.

Плѣнира.

А теперь не отдаетъ за тѣмъ, что ты на мнѣ женится вздумалъ.

Скопидомъ.

Полно, полно сосѣдъ. Пора о свадьбѣ думать. Плюнь на нихъ.

Старолѣтъ.

Я и думаю о свадьбѣ, только не о моей.

Скопидомъ.

О чьей же?

Старолѣтъ.

Тотъ часъ скажу. Послушай: признаюсь тебѣ, что дочь твоя мнѣ полюбилась; я хотѣлъ на ней женится, для тово, что думалъ богатствомъ прельстить ее: однако видя свою ошибку, теперь тебѣ отказываю, и бѣру свое слово назадъ.

Плѣнира }
Миловзоръ } Что я слышу! Какое щастіе!

Скопидомъ.

Какъ! развѣ этакъ честные люди дѣлаютъ?

Старолѣтъ.

Не тебѣ объ этомъ судить. Вспомни, что ты здѣлалъ съ Миловзоромъ.

Скопидомъ.

Я имѣлъ притчину.

Старолѣтъ.

Никакая притчина не можетъ оправдать перемѣну даннаго слова: развѣ только щастіе тово, кому оно дано этого потребуетъ. Я теперь точно въ такихъ обстоятельствахъ, и совѣсть меня незазираетъ. Словомъ, я не женихъ: а сватъ.

Скопидомъ.

Что ты не съ умаль сошелъ?

Старолѣтъ.

Напротивъ, я еще никогда такъ уменъ не бывалъ (*беретъ за руку Плѣниру и Миловзора и подводитъ ихъ къ Скопидому*) вотъ твои дѣти, благослови-ка ихъ.

Плѣнира.

Батюшка.

Миловзоръ.

Согласитесь на наше щастіе.

Скопидомъ.

Я не могу опомниться.

Старолѣтъ.

Да и не для чего.

Плѣнира и **Миловзоръ** (*ставъ на колѣни*).

У ногъ вашихъ просимъ вашего соизволенія.

Старолѣтъ.

Коли хочешъ, такъ и я съ ними заплачу.

Скопидомъ.

Такъ ты ужъ вовсе отказалъ?

Старолѣтъ.

Все конечно.

Скопидомъ (*подумавъ*).

Ну! инъ быть такъ, встаньте. Я соглашаюсь.

Плѣнира.

Ахъ батюшка! вы мнѣ снова жизнь дали.

Миловзоръ.

Какъ же мы будемъ любить и почитать васъ.

Старолѣтъ.

Обойми своихъ дѣтей.

Скопидомъ *(обнимаетъ).*

Плѣнира и **Миловзоръ** *(обнявъ Старольта).*

Плѣнира | **Миловзоръ** } Избавитель нашъ Сколько мы тобой одолжены.

Старолѣтъ.

Вить я сказалъ, что ты скоро меня полюбишъ.

Плѣнира.

Ахъ! какъ тебя не любить.

Миловзоръ.

Ты насъ совершенно щастливыми здѣлалъ. (*Вынимаетъ жезлъ и кусаетъ ево, тутъ ударяетъ громъ, блещетъ молнія, и духъ Незрадъ нисходитъ съ неба; Скопидомъ, Плѣнира и Старольтъ показываютъ знаки величайшаго ужаса.*) Не бойтесь, не бойтесь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣжъ и духъ Незрадъ.

(Духъ подходитъ, и всѣ упадаютъ на колѣни кромѣ Миловзора.)

Незрадъ.

Встаньте.

Миловзоръ.

Это мой пріятель пріѣхалъ ко мнѣ на свадьбу.

Незрадъ.

Встаньте, говорю я, и не опасайтесь. Я духъ Незрадъ, покровитель Миловзора: а теперь и вашъ. (*всѣ встаютъ*) Миловзоръ, что тебѣ надобно.

Миловзоръ.

Ты обѣщалъ мнѣ кладъ, когда я женюсь на Плѣнирѣ: теперь ее за меня отдали, гдѣ жъ онъ?

Незрадъ *(взявъ у него жезлъ).*

Я не обманулъ тебя. Истинное сокровище, истинной кладъ ты находишъ въ ней. *(Поетъ.)*

Когда хотите вы вкусить
Супруги счастіе сердечно;

Взаимной страстью тайте вѣчно;
А я вамъ долженъ изъяснить
Что та семья сыскала кладъ,
Гдѣ у мужа съ женою ладъ.

*

Всѣ.

Гдѣ вмѣстѣ дружество съ любовью обитаютъ;
Тамъ люди истиннымъ блаженствомъ обладаютъ.

Скопидомъ.

Я дурно дѣлалъ, что мѣшалъ
Влюбленныхъ двухъ сердецъ желанью;
Простите моему незнанью,
Въ то время я не понималъ:
Что та семья сыскала кладъ,
Гдѣ у мужа съ женою ладъ.

Всѣ.

Гдѣ вмѣстѣ: *(и проч.)*

Старолѣтъ.

Сія щастливая чета
Блаженство истинно вкушаетъ:
Богатства же хоть всякъ желаетъ;
Но щастье съ нимъ одна мечта:
А тамъ прямой сыскали кладъ;
Гдѣ у мужа съ женою ладъ.

Всѣ.

Гдѣ вмѣстѣ: (*и проч.*)

Плѣнира и **Миловзоръ.**

Любя другъ друга всей душой
Нещастными намъ быть не можно,
И мы признаемся не ложно,
Извѣдавъ нынѣ то собой:
Что та семья сыскала кладъ,
Гдѣ у мужа съ женою ладъ.

Всѣ.

Гдѣ вмѣстѣ: (*и проч.*)

Незрадъ *(Партеру)*.

Партеру авторъ угодить
Всегда стараніе имѣетъ,
И естьли въ ономъ онъ успѣетъ;
То смѣло можетъ говорить:
Что тотъ сыскалъ писатель кладъ,
У коего съ партеромъ ладъ.

Всѣ.

Гдѣ вмѣстѣ: *(и проч.)*

КОНЕЦЪ ОПЕРЫ.

БАБА ЯГА.

Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ
съ балетомъ.

БАБА-ЯГА.

Комическая опера.

Въ Калугѣ 1788 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Власъ, Митрофанъ } братья мѣщане.
Маланья, жена Власова.
Улита, жена Митрофанова.
Любимъ, племянникъ Власа и Митрофана.
Взяткинъ, подъячій.
Баба-Яга.
Прелеста ея внучка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ избу.

ЯВЛЕНІЕ I.

Власъ и Митрофанъ.

Митрофанъ.

Ето и впрямь, братъ Власъ, ты дѣло вздумалъ. Не Любиму владѣть этими деньгами; двѣ тысячи рублей не шутка! Онъ же выросъ у покойнаго нашего воеводы и всему выученъ, такъ пусть себѣ умомъ и достаетъ хлѣбецъ; а то онъ и такъ рожи не уставитъ: дайка ему денежки, такъ онъ вовсе забудетъ, что онъ намъ племянникъ.

Власъ.

Ужъ я пустова не вздумаю: да то бѣда! подъячій нашъ Взяткинъ знаетъ объ этихъ деньгахъ; покойной воевода при немъ ихъ Любиму по смерти оставилъ. Духовную съ деньгами пускай Любимъ по глупости намъ повѣрилъ, такъ онѣ въ нашихъ рукахъ: да боюсь, чтобы Взяткинъ не заговорилъ.

Дуэтъ.

Митрофанъ.

Ты послушай-ка на часъ,
Иль забылъ ты ето, Власъ,
Что бездѣльничья душа
Рада сдѣлать все что хочешъ изъ гроша.

Власъ.

Ты навелъ меня на умъ,
И теперь безъ дальнихъ думъ,
Я Любимовымъ добромъ
Куму Взяткину низехонько челомъ.

Митрофанъ.

Деньгами зажми лишь ротъ,
Онъ избавитъ отъ хлопотъ.
Знаютъ всѣ, что етотъ плутъ
За пять сотъ рублей сей часъ готовъ подъ кнутъ.

Оба.

Дѣльно, дѣльно, мы смекнули,
Что къ себѣ попритянули
Всю Любимову казну.
Жить обманомъ въ свѣтѣ должно,
А безъ етова не можно
Набивать себѣ мошну.

Митрофанъ.

И такъ Взяткину пять сотъ, а достальное по себѣ?

Власъ.

О чемъ говоришь.

Митрофанъ.

Ладно, ладно. Теперь бы на радости выпить; съ виномъ ко всякому дѣлу приступать смѣлѣе.

Власъ.

Дѣло вздумалъ; я отъ вина никогда не прочь (*вынимаетъ изъ поставца склянку и стаканъ, и садятся.*)

Митрофанъ (*Власу, который наливаетъ вино*).

Ха, ха, ха, ха! Не жалѣй вина, лей полнѣе; Любимъ за попойку заплатитъ.

Дуэтъ.

Власъ (*держа стаканъ*) **и Митрофанъ.**

Оба.

Вино
Затѣи всѣ родитъ;
Оно
Въ насъ выдумки плодитъ.
Вино прогонитъ грусть и скуку,
Съ виномъ забудешь всяку муку.
Вино
Одно
Всегда пріятно мнѣ
И въ явѣ и во снѣ.

Власъ.

Лишъ жена со мной заспоритъ,
Я бѣгу тотчасъ къ вину,
Выпью чарку и засну,
И не слышу ничего, какъ она ни вздоритъ.

Оба.

Вино, и проч.

Митрофанъ.

Естьли мнѣ бѣда случится,
Также я бѣгу къ вину,
Выпью и тотчасъ засну.
И не знаю ничего, что въ мірѣ творится.

Оба.

Вино, и проч.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣжъ, Маланья и Улита. *(Власъ хочетъ пить; но увидя Маланью останавливается со стаканомъ въ рукѣ.)*

Маланья.

Пьяницы! долго ли вамъ бражничать? (*Мужу*) Пропала съ тобой моя головушка! Ты бы лучше смотрѣлъ, что въ домѣ дѣлается.

Улита (*Митрофану*).

Да, да! вонъ по двору собака кожу таскаетъ: невѣстка насилу отняла; а вы таки пропиваете послѣднее.

Маланья.

Хотя бы ты людей постыдился; ужъ и такъ третью недѣлю безъ просыпу пьянъ. Я не знаю, что мнѣ мѣшаетъ глаза ему выдрать.

Власъ.

Постой, постой, тотчасъ допью. (*Митрофану*) Будь здо...

Маланья (*выхватя стаканъ ударила о земь и разбила*).

Онъ же и смѣется.

КВАРТЕТЪ.

Власъ (*вскоча*).

Съ ума ты чтоль сошла Маланья.

Маланья.

Не миновать тебѣ тасканья;
Зажми, зажми, свой пьяной ротъ.

Улита.

И дѣльно.

Митрофанъ (*вставъ*).

Ты тудажъ, Улита!

Улита.

Молчи, уродъ,
Покуда рожа не разбита.

Власъ. Митроф. Чтобъ дьяволъ побралъ етихъ бабъ.

Улита. Маланья. (Каждая своему.) Когда къ вину ты столько слабъ,
Такъ наше дѣло...

Власъ. Митроф. ....Отвяжитесь.

Улита. Маланья. Унять отъ пьянства.

Власъ. Митроф. ....Провалитесь.

Власъ. Митроф. Отъ васъ все стало здѣсь верхъ дномъ.

Улита. Маланья. Отъ васъ протухло все виномъ.

вмѣстѣ.

Власъ и Митроф.

Отстанитель вы, бабы,
Отстанитель отъ насъ
Хотя на малый часъ?

Улита и Маланья.

Когда вы столько слабы;
Такъ наше дѣло васъ
Бранить по всякой часъ.

Маланья.

Нѣтъ, таки нѣтъ! я всякой часъ буду браниться, да еще и поколочу; вить ухватъ то не далеко.

Улита.

Мы съ невѣсткой какъ каторжныя работаемъ; ни день, ни ночь нѣтъ покою.

Маланья.

Да, а вы пропиваете.

Митрофанъ.

Безпутныя! да послушайте!

Улита.

Нечево, нечево! сказывай кому хочешь, на чьей избѣ сорòка.

Власъ.

Да мы дѣло хотимъ говорить.

Маланья.

Что тебѣ съ пьяну-то пригрѣзилось?

Митрофанъ.

Ну, да коли не дадите сказать, такъ и вѣкъ не узнаете!

Улита *(Маланьѣ).*

Послушаемъ!

Маланья.

Ну, ну!

Власъ.

Любимъ нашъ.

Маланья.

Любимъ нашъ, малой честной, непьяница; что тебѣ онъ надоѣлъ? Ты бы ему спасибо сказать долженъ; онъ одинъ всѣмъ намъ помогаетъ.

Улита.

Конечно такъ. Даромъ, что взрощенъ побарски, не спѣсивится; что ему ни скажешь, все дѣлаетъ.

Маланья.

Вамъ бы у него учиться надо. Кабы я за нимъ была, не ходила бы въ этакихъ лохмотьяхъ.

Улита.

Съ поклономъ бы своего урода на него промѣняла.

Митрофанъ.

Чортъ васъ побери, проклятыя кликуши! уши прожужжали, а пути дѣла нѣтъ.

Маланья.

Что, что! не любо, какъ правду сказали; и конечно Любимомъ то и домъ здѣсь держится... Любимъ не вамъ чета!

Власъ.

Да повѣсь ево себѣ на шею; только послушай!

Маланья.
Улита.

Нечево, нечево! *(Хотятъ уйттить.)*

Власъ (*Маланьѣ*).

Жонушка, матушка! наливное мое яблочко! да послушай!

Митрофанъ (*Улитѣ*).

Улитушка моя, душатушка!

Маланья (*Власу съ улыбкою*).

Ну, ну, что старой...

Улита (*Митрофану*).

Говори, говори!

Власъ.

Вишь мы на радостяхъ куликаемъ.

Маланья.

Опять про вино! Я тебѣ сказываю, что естьли ты помянишь про него еще, то я тебѣ голову размозжу!

Власъ.

Никакъ въ нее дьяволъ вселился.

Митрофанъ.

Послушай, право дѣло.

Улита.

Невѣстка! послушаемъ.

Маланья.

Ну!

Власъ.

Ты знаешь, что Любиму послѣ воеводы досталось двѣ тысячи.

Маланья.

Ну, чтожъ? Онъ етова и стоитъ, деньги въ добрыхъ рукахъ. Что тебѣ до чужова добра? Ему и за дѣло; не бось, тебѣ пьяницѣ никто и алтына не оставитъ.

Улита.

Да! рожна въ горло.

Митрофанъ.

Да помолчи.

Власъ.

Мы и сами достанемъ. Ети деньги вить у насъ и духовная, по которой онѣ Любиму оставлены; никто про нихъ не знаетъ, кромѣ кума Взяткина.

Маланья *(съ нетерпѣливою жадностью).*

Ну! ну!

Власъ.

Такъ мы ему челомъ пятью стами; а достальныя-то и прижмемъ къ ногтю, а Любима со двора долой.

Маланья.

Дѣльно ему! Ужъ и давно я хотѣла говорить, что онъ понапрасну хлѣбъ ѣстъ.

Улита.

Мы ево кормимъ, а онъ рожи не уставитъ.

Маланья.

Что намъ въ томъ, что онъ грамотей: намъ отъ его грамоты мало прибыли.

Улита.

Только что поджавъ руки сидитъ.

Маланья.

Да про невожъ говорятъ что тихонько и испиваетъ.

Улита.

И на руку нечистъ.

Маланья.

Да! да! третьяго дня захотѣлось ему поѣсть; такъ не спросясь пошелъ въ печь, да часть баранины и вынялъ.

Улита.

Да такой себѣ ломоть отрѣзалъ, что вотъ те на!

Митрофанъ.

Это тогда, какъ онъ съ нашими кожами цѣлой день на рынкѣ-то пробылъ, и пріѣхалъ домой ночью?

Маланья.

Да! да! и притаился будто не его дѣло: да ужъ какъ я стала спрашивать, такъ сказалъ: я цѣлый день не ѣлъ, такъ не бѣда, что взялъ.

Улита.

Видишь, онъ уже и правъ.

Маланья.

Да ну какъ Взяткинъ заговоритъ.

Власъ.

Не бось, не бось! мы тотчасъ за нимъ пошлемъ и уговоримъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣжъ и Любимъ.

Любимъ *(отдаетъ имъ деньги).*

Вотъ достальные полтора рубли за кожи.

Власъ *(взявъ).*

Нѣтъ, племянничекъ, этакъ не водится!

Митрофанъ.

Слыхано-ли такъ продешевить?

Улита.

Этакъ ты совсѣмъ домишко нашъ разоришь!

Маланья.

Спасибо за услугу! Люди поятъ да кормятъ сиротъ, такъ они имъ прибыль дѣлаютъ, а отъ тебя только убытокъ.

Любимъ.

Что вы? помилуйте! да можно-ли дороже продать? Я и то цѣлою гривною противъ обыкновеннаго дороже взялъ.

Маланья.

Велико дѣло гривна! изъ чегожъ мы тебя поимъ да кормимъ?

Власъ.

И обуваемъ и одѣваемъ?

Митрофанъ.

Вотъ благодарность за нашу хлѣбъ-соль!

Любимъ.

Да коли я вамъ въ такую тягость, я сейчасъ отъ васъ пойду; отдайте лишь мои деньги.

Всѣ.

Какія деньги?

Любимъ.

Деньги, которыя оставилъ мнѣ покойной крестной мой отецъ, воевода.

Вмѣстѣ.

Власъ.

Не съ ума ли ты сошелъ?

Митрофанъ.

Опомнись!

Маланья и Улита.

Чтобы намъ сквозь землю провалиться, есть-ли у насъ хоть полушка твоя есть.

Власъ.

Вотъ те на!

Митрофанъ.

Онъ и Богъ знаетъ, что на насъ всклеплетъ!

Маланья.

Съ нимъ бѣда!

Улита.

И вѣдомо!

Власъ.

Нѣтъ, братъ; коли ты таковъ, такъ съ двора долой.

Всѣ.

Сейчасъ съ двора долой, сейчасъ (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Любимъ (*одинъ*).

Я насилу опомнился отъ удивленія. Какъ можно быть столь безстыдну, корыстолюбиву!... Ахъ! что со мною будетъ? Гдѣ мнѣ искать помощи, и въ чемъ теперь моя надежда? Но бѣдность еще не главная моя напасть! Горести душевныя стократно больше меня мучатъ... Любовь!... Ахъ... мнѣ ли ее чувствовать?... я долженъ истребить ее!... Несчастному все бѣдственно, и любовь, эта сладкая пища сердецъ чувствительныхъ, въ ядъ ему обращается! Все умножаетъ мое отчаяніе... Тщетно я ищу третій день мою красавицу! Не зная ни имени, ни жилища ея, поиски мои были безуспѣшны. Я сто разъ обѣгалъ безъ пользы этотъ лѣсъ, въ которомъ она, кажется, только на то мнѣ явилась, чтобы, зажегши мое сердце, на вѣки отъ меня сокрыться. Я хотѣлъ ее остановить, упасть къ ногамъ ея; но она быстрѣе молніи отъ меня бросилась, и завистливый лѣсъ, сокрывъ ее отъ глазъ моихъ, лишилъ меня надежды опять ее видѣть. Я долженъ забыть ее!... забыть!... Нѣтъ! тысячу разъ умру.

Поетъ.

Хоть разсудокъ запрещаетъ
Мнѣ прекрасную любить;
Но ужъ поздно онъ вѣщаетъ,
Мнѣ нельзя ее забыть.
Сердце страстное стремится
Противъ воли вслѣдъ за ней;
И всечастно въ мысль твердится
Взоръ возлюбленной моей.

Такъ стану искать ее и не оставлю этаго пагубнаго мнѣ лѣсу, пока о ней не узнаю. Если же всѣ труды мои будутъ напрасны, то останусь въ немъ: пусть лютые звѣри, которыми онъ наполненъ, прекратятъ горестную мою жизнь.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ лѣсъ; внутри театра избушка на курьихъ ножкахъ; вдали источникъ; напереди лавка изъ дерну; съ одной стороны внутри театра гора.

ЯВЛЕНІЕ I.

Любимъ *(одинъ въ полевомъ платьѣ и съ охотничьимъ ножемъ).*

Тщетно рыканіе звѣрей поражаетъ слухъ мой! Кто влюбленъ безъ надежды, тому ничто страшно быть не можетъ... (*Осмотря лѣсъ*). Вотъ самое то мѣсто, гдѣ я увидѣлъ въ первой разъ незнакомую мою красавицу и на вѣки отдалъ ей мое сердце. Ахъ! если бы я могъ опять ее здѣсь встрѣтить!

Поетъ.

Мѣста, гдѣ мнѣ драгая
Предстала въ первой разъ,
Гдѣ страстію пылая,
Я рвусь въ сей лютой часъ.
Очамъ моимъ любезну
Спѣшите возвратить,
И тѣмъ минуту слезну
Въ сладчайшу премѣнить!

А ты, кѣмъ я пылаю,
Дай мнѣ себя узрѣть,
Сказать, какъ я страдаю,
И въ страсти умереть.

(*Увидя избу*). Что я вижу! Этой избы прежде не было! откуда она взялась? Войдемъ въ нее, можетъ быть въ ней можно узнать о моей прекрасной незнакомкѣ. (*Хочетъ итти, но вдругъ слышитъ жалостной крикъ. Любимъ оглядывается и видитъ вбѣгающую на театръ Прелесту, вооруженную лукомъ и съ колчаномъ за плечами, преслѣдуемую медвѣдемъ, которая упадаетъ отъ страха въ обморокъ на дерновую лавку*). Поспѣшимъ помочь ей. (*Бросается на медвѣдя, которой встрѣчаетъ его, ставъ на заднія ноги. Любимъ поражаетъ его, и медвѣдь, взревѣвъ, падаетъ въ кулисы. Подойдя къ Прелестѣ*). Ободритесь, сударыня! (*Узнавъ ее*). Что я вижу! это она! Такъ... такъ... это владычица моего сердца!... Я не ошибаюсь... О сладкая минута! благодарю тебя, судьба, когда несчастія мои дали мнѣ случай спасти жизнь той, кто мнѣ всего на свѣтѣ дороже! За эту цѣну, чтобы я претерпѣть не согласился!... но она меня не слышитъ!... Она безъ чувствъ!... Ахъ! если я ее лишился... Побѣжимъ поскорѣй къ ручью и подадимъ ей помощь! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Прелеста (*опомнясь*).

Что со мною сдѣлалось? какъ могла я избавиться отъ лютости этова звѣря? (*Увидя въ кулисахъ мертваго медвѣдя*). Онъ убитъ! какъ? кѣмъ? кто мой избавитель? я никого не вижу! Ахъ! для чего онъ скрылся отъ моей благодарности!... Увы! какъ мнѣ быть благодарной за спасеніе жизни, которая мнѣ несносна!

Арія.

Жестокій благодѣтель,
И что ты жизнь мнѣ спасъ;
Ты сталъ въ сей часъ
Лютѣйшихъ бѣдъ моихъ содѣтель.
Горя безплодной страстью,
Чту жизнь себѣ напастью.
И весь противенъ сталъ мнѣ свѣтъ,
Когда любезнаго узрѣть надежды нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Прелеста и Любимъ.

Любимъ *(прибѣгаетъ, неся въ шляпѣ воды, но увидя Прелесту, бросаетъ шляпу и повергается къ ногамъ ея).*

Богиня! или смертная! ты видишь у ногъ твоихъ несчастнаго, котораго жизнь и смерть отъ тебя зависитъ!

Прелеста *(въ сторону).*

О небо! это онъ! (*ему*). Встань великодушной незнакомецъ. По всему догадываюсь я, что ты спасъ жизнь мою отъ лютости медвѣдя. Скажи какова ты хочешь награжденія?

Любимъ.

Награжденія!... Какое награжденіе можетъ быть равно благополучію спасти жизнь той, кто мнѣ всего дороже.

Прелеста.

Долѣе быть тебѣ здѣсь опасно, говори скорѣй и удались.

Любимъ.

Мнѣ удалиться!... мнѣ опять потерять тебя! когда лишась всей надежды тебя видѣть, я тебя нахожу. Нѣтъ! ни самая смерть къ тому принудить меня не можетъ. Прости мнѣ, прости, что чрезмѣрная моя любовь говорить меня заставляетъ. Я люблю тебя, люблю больше всего на свѣтѣ, и у ногъ твоихъ повторяю клятву, вѣчно любить тебя. Наказывай меня за мою дерзость! мнѣ смерть пріятна будетъ изъ рукъ твоихъ; по крайней мѣрѣ умирая, буду имѣть то удовольствіе, видѣть тебя извѣстную о любви моей.

Прелеста.

Несчастной! опомнись, и узнай, чему ты себя подвергаешь. Я Прелеста, внука бабы Яги, славной волшебницы живущей не подалеку отсюда; ты погибъ если она насъ застанетъ вмѣстѣ и узнаетъ, что ты меня любишь!

Любимъ.

Она можетъ умертвить меня, но страсть мою никакая сила вырвать изъ сердца не въ состояніи.

Прелеста.

Ты меня въ трепетъ приводишь!

Арія.

Когда ты нѣжну страсть
Въ душѣ ко мнѣ питаешь,
Предупреди напасть,
Котору презираешь.
Взгляни въ сей страшный часъ,
Взгляни на токъ мой слезной.
И жизнь своей любезной
Спаси въ другой ты разъ.

Любимъ.

Жестокая! ты терзаешь меня!

Дуетъ.

Любимъ.

Ахъ! какъ мнѣ можно удалиться,
Не зная о своей судьбѣ!

Прелеста.

Ты долженъ здѣсь всего страшиться,
Все смертью здѣсь грозитъ тебѣ.
Бѣги сего ужасна мѣста!

Любимъ.

Нѣтъ, нѣтъ, дражайшая Прелеста!
Любимъ умретъ у ногъ твоихъ!

Прелеста.

Хоть ради горькихъ слезъ моихъ
Бѣги...

Любимъ.

Скончай мученья люты,
Я жить не буду ни минуты,
Когда Прелестѣ я постылъ.

Прелеста.

Когдабъ Любимъ мнѣ не былъ милъ,
Ябъ бѣдъ не ужасалась.

Любимъ.

Ты любишь?

Прелеста.

Такъ.... люблю... бѣги.
И мнѣ Любима сбереги,
Доколь жизнь во мнѣ осталась.

Оба.

Любимъ.

Тобою я любимъ;
Чего желать мнѣ болѣ,
Какъ только вѣкъ тобой
горѣть.

Прелеста.

Дрожайшій мой Любимъ!
Страшись въ ужасной долѣ,
Страшись обѣихъ насъ
узрѣть.

(Слышенъ шумъ).

Прелеста.

О небо! это моя бабушка! что съ нами будетъ? Погибли, мы дорогой Любимъ! войдемъ скорѣй; я постараюсь, если успѣю, тебя спрятать (*подходя къ избѣ*) избушка, избушка на курьихъ ножкахъ, стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ! (*Избушка перевертывается и представляетъ великолѣпной павильонъ*) Спрячься въ немъ. (*Любимъ входитъ въ него; а между тѣмъ баба Яга съѣзжаетъ съ горы въ ступѣ, имѣя въ одной рукѣ пѣстъ волшебный, и помьло, которымъ замѣтаетъ слѣдъ* *).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣжъ и баба Яга *(поетъ ѣдучи).*

Баба Яга
Костяная нога,
Въ ступѣ ѣдетъ,
Пѣстомъ погоняетъ
Слѣды помѣломъ замѣтаетъ.

(Между тѣмъ Прелеста оправляетъ лукъ).

Баба Яга *(пріѣхавъ къ павильону и вышедъ изъ ступы).*

Здоровали ты была безъ меня внучка?

Прелеста *(поцѣловавъ ея руку).*

Слава Богу, бабушка.

Баба Яга.

Что то русскимъ духомъ пахнетъ?

Прелеста.

И бабушка, ето вамъ такъ ужъ кажется отъ того, что вы по русской землѣ долго ѣздили.

---

*) Баба Яга должна быть одѣта въ черномъ полушубкѣ съ волшебнымъ поясомъ, и перевязью, на головѣ подкапокъ; ступа ея должна быть обыкновенная крестьянская, но столько широка, чтобы могла въ ней баба Яга усѣсться. Ступа должна катиться сама; пѣстъ обыкновенной крестьянскій, но съ волшебными знаками; помѣло обыкновенное).

Баба Яга.

Нѣтъ, нѣтъ, ето не даромъ!

Прелеста.

Право, бабушка, здѣсь никого не было.

Баба Яга *(увидя на землѣ Любимову шляпу).*

Ба, ба, ба! ето что за шляпа?

Прелеста.

Я... я... право не знаю.

Баба Яга.

Доселева рускаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано; а нынче руской духъ въ очахъ совершается... Ну! сказывай, негодница.

Прелеста.

Бабушка!

Баба Яга.

А!... ты запираешься! ты хочешь меня обманывать! нѣтъ! я узнаю правду. Етотъ человѣкъ вѣрно здѣсь спрятанъ, и естьли я его найду, то знай, что вамъ обѣимъ не быть живымъ.

(Уходитъ въ павильонъ).

Прелеста.

Бабушка! ахъ, Боже мой! что со мною будетъ?

Баба Яга *(выведши Любима).*

Ето кто, ето кто? Ахъ скверные! ужъ и они хотятъ меня обманывать! Сейчасъ духу вашего не будетъ.

Трio.

Баба Яга.

За едакую шалость
Обѣихъ должно наказать.

Когда попался
мнѣ онъ въ руки,
Ему спасенія
ужъ нѣтъ.

Прелеста.

Имѣйте съ нами
жалость,
Мы все готовы
вамъ сказать.

Ахъ зрите слезы вашей
внуки!

. . . . . .

Любимъ.

Имѣйте съ нами
жалость,
Мы все готовы
вамъ сказать.

(**Прелестѣ.**)

Я за тебя готовъ
на муки.

(**Бабѣ Ягѣ.**)

Простите ей, а
я сей свѣтъ, съ
охотою оставлю.

(Любиму).

Ты за меня погибнешь.
Умру или тебя избавлю.

Бабѣ Ягѣ.

Послушайте! я вамъ скажу.

Нѣтъ! нѣтъ! обѣихъ
накажу.

(Любиму).

Готовься ты
на муку люту!
Что слышу! какъ?

...За то, что жизнь,
мнѣ спасъ.
Въ лѣсу сейчасъ.

Я умереть сію минуту
готовъ.
Въ лѣсу сейчасъ.

Баба Яга.

Какъ? когда? Гдѣ?

Прелеста.

Вгляните сюда; етотъ медвѣдь готовъ былъ разстерзать меня когда онъ убивъ его избавилъ меня отъ неминуемой гибели. Ахъ естьли вамъ мила ваша внука, то можетель вы быть ему неблагодарны?

Баба Яга.

Такъ! я виновата передъ нимъ *(ему)* Любимъ! ты достоинъ награжденія! Не думай, что я тебя не знаю, мнѣ извѣстны всѣ твои обстоятельства и безсовѣстный поступокъ твоихъ дядьевъ: но вѣдай, что они не воспользуются своимъ бездѣльствомъ; сей же часъ я повелю повинующимся мнѣ духамъ лишить ихъ жизни, и тебѣ возвращу твое имѣніе.

Любимъ *(ставъ на колѣни).*

Ахъ, сударыня! естьли ты хотя мало уважаешь мою услугу, естьли почитаешь ты себя обязанной хотя малою мнѣ благодарностію, то у ногъ твоихъ прошу тебя оставить ужасное твое намѣреніе! Нѣтъ! Я никогда не соглашусь, чтобъ родственники мои малѣйшее за меня понесли оскорбленіе; я бы счелъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, естьли бы ето случилось.

Баба Яга.

Но знаешь ли ты безразсудной, что ты не можешь иначе возвратить твоего имѣнія?

Любимъ.

Пусть они имъ владѣютъ; пусть я буду въ бѣдности, лишь бы совѣсть моя меня не упрекала. Я еще молодъ, я могу трудами до-

стать пропитаніе но быть причиною чьей нибудь погибели! Нѣтъ! Я не могу ни изъ какихъ миліоновъ на ето согласиться.

Баба Яга.

Молодой человѣкъ! благородство души твоей, и честность твоя меня плѣняютъ; я хотѣла только испытать тебя. Теперь требуй отъ меня, чего ты хочешь; я употреблю власть мою на то, чтобъ сдѣлать тебя благополучнымъ.

Любимъ.

Ахъ! для етова нужно одно только ваше слово.

Баба Яга.

Что такое?

Любимъ.

Ахъ, сударыня!...

Баба Яга.

Ты робѣешь, Любимъ... Прелеста ты потупляешь глаза... Что ето значитъ? Тайна! Тайна ваша написана на вашихъ глазахъ...

Вмѣстѣ на колѣняхъ. { **Любимъ и Прелеста.** } Бабушка!

Любимъ.

Увы! я люблю ее, люблю больше всего на свѣтѣ, и не могу безъ нее быть счастливъ.

Баба Яга.

Встаньте, дѣти! Я согласна соединить васъ.

Поетъ.

Сердца къ добру расположенны
Коль нѣжной страстью зараженны,
Безъ страха могутъ ей пылать;
И гдѣ не развращенны нравы,
Тамъ честности уставы
Съ любовію умѣютъ соглашать.

Прелеста.

Ахъ, Любимъ! сколько-жъ мы будемъ счастливы!

Баба Яга.

Любимъ! знай, что добродѣтель всегда получаетъ свое награжденіе. Пойдемте въ мой замокъ; я приготовлю все къ вашему браку: но прежде хочу наказать твоихъ дядьевъ и ихъ сообщника.

Любимъ.

Вы мнѣ обѣщали.

Баба Яга.

Не бось! я ихъ только попугать намѣрена; но естьли они не раскаются, то несомнѣнно погибнутъ, и просьбы твои будутъ тщетны.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Власъ, Митрофанъ и Взяткинъ.

Оба.

Пойдемъ-ка куманекъ
Любимава-тъ мѣшокъ
Насъ ждетъ уже давненько;
Подумаемъ собща, какъ сдѣлать все умненько?

Взяткинъ.

Все придумано давно,
Все затѣяно умно;
А для лучшева совѣту,
Подавай сюда монету,

Оба.

Не устать
Деньги взять,
Только бы отъ этихъ взятковъ
Послѣ не было озадковъ.

Взяткинъ.

Тьфу пропасть! вить я вамъ побожился, что все сдѣлаю. Развѣ вы мнѣ не вѣрите. Кажется я присяжной человѣкъ: я и не екія дѣла дѣлывалъ.

Власъ.

Да какъ же ты вывертывался?

Митрофанъ.

Раскажи намъ все на все, куманекъ, какъ таки ты примишься за дѣло? Ну, какъ ты по праведному указу неправду здѣлаешь.

Власъ.

Да! да! Мы сами грѣшные люди: сдѣлаешь неправду, ну да она и есть неправда; а вы какъ-то кривду-то правдой дѣлаете?

Взяткинъ.

Екіе! сядемъ, сядемъ: подавайте вина, такъ обо всемъ и перекалякаемъ. (*Власъ подаетъ вино*). Будьте здоровы!

Власъ и Митрофанъ.

На здоровье, Естифѣичъ!

Взяткинъ.

Послушайте-жъ, отъ чево мы всѣ дѣла дѣлаемъ такъ, какъ намъ хочется!

Поетъ.

Ибо указъ мы туда пригибаемъ,
Гдѣ-бъ отъ него намъ покормка была;
Точію то мы одно наблюдаемъ,
Чтобы по формѣ текли всѣ дѣла.
Выписки, справки, екстракты по дѣлу
Мы сочиняемъ собравшись съ умомъ.
Должно въ приказныхъ обрядахъ быть смѣлу,
Дондеже хлѣбецъ добудешь перомъ.

Митрофанъ.

Ну, Естифѣичъ! мудренъ ты, нечево! разсказалъ, какъ перомъ написалъ.

Власъ.

А ну, какъ онъ станетъ просить?

Взяткинъ.

А что онъ въ своемъ прошеніи напишетъ? Какіе представитъ документы, куда пошлются справки? По какому виду присутственное мѣсто имѣетъ приступить къ возвращенію Любимовыхъ денегъ? Понеже никакова не имѣется писменнова доказательства; а! что скажешь?

Власъ.

Да! все ето въ старину хорошо было, а не ныньче.

Взяткинъ.

А что-жъ?

Власъ.

А то то, что ныньче стали умны; всѣ закоулки плутамъ загораживаютъ.

Взяткинъ.

Правду матку молвить, худо становится нашей братіи; смотрятъ больно за нами: однако какъ въ домѣ щелки не закалачивай, мышь найдетъ, гдѣ пролѣзть.

Власъ.

А ну, какъ насъ позовутъ въ совѣстной судъ?

Взяткинъ.

Ека причина!

Поетъ.

Знай; что въ совѣстной судъ
Только тѣхъ лишь ведутъ,
Кои честь еще чтутъ:
А кто въ сердцѣ ужъ плутъ,
Для того сдѣланъ кнутъ.

А кнута-то мы нижеименованные по вышереченнымъ причинамъ не боимся. Ну, трусы! еще-ль задумаетесь?

Митрофанъ.

Нѣтъ! нѣтъ! Ну да что-жъ теперь?

Взяткинъ.

Что-жъ?приступить формально къ дѣлежу реченныхъ денегъ и къ уничтоженію духовной.

Митрофанъ. } Маланья!
Власъ. } Улита!

Маланья и Улита *(за кулисами).*

Ась!

Власъ.

Подайте скрынку.

Улита *(за кулисами).*

Какую?

Митрофанъ.

Ну, знаешь, что деньги-та Любимовы лежатъ.

Маланья.

Несемъ, несемъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣжъ, Улита и Маланья.

Улита *(съ крынкой).*

Та-ли?

Митрофанъ.

Та.

Власъ.

Станови на столъ.

Маланья.

Да пособите... безрукіе! *(всѣ пособляютъ и ставятъ на столъ.)*

Взяткинъ.

Ахъ тяжела больно!

Митрофанъ.

А! что ты думаешь?

Власъ.

Ну, не даромъ потрудился.

Взяткинъ.

Приступимъ къ дѣлежу?

Всѣ (*поютъ*).

Межъ собою раздѣлимъ
Деньги безъ утраты;
Хоть душою покривимъ
Да будемъ богаты;
Естьлибъ всякъ по правдѣ жилъ,
Не вредя другъ другу,
Тобъ давно иной скочилъ
Изъ палатъ въ лачугу.

Взяткинъ.

Время къ дѣлу приступать:
Отпирайте скрынку!

Всѣ (*кромѣ Взяткина*).

Надо деньги сощитать.

Взяткинъ.

Дайте я ихъ выну.

Всѣ (*кромѣ Взяткина*).

Что спѣшить такъ очень вдругъ,
Мы и сами не безъ рукъ:
Намъ повѣрить можно.

Взяткинъ.

Да мѣшкать не должно.

Всѣ.

Межъ собою раздѣлимъ (*и проч.*).

Митрофанъ.

Ну ка, Власъ открой!

Власъ.

Маланья! дай ключъ. (*Маланья подаетъ, а Власъ отпираетъ.*)

Взяткинъ.

О любезные круглевички!

ЯВЛЕНІЕ III.

(Хотятъ взять, но вдругъ мышки и духовная поднимаются на воздухъ, ударяетъ громъ, блещетъ молнія и изба превращается въ волшебный чертогъ бабы Яги; вездѣ видны великіе горны, въ коихъ стоятъ горшки; подлѣ самаго большаго сидитъ въ ступѣ баба Яга и варитъ волшебное снадобье; передъ ней Любимъ и Прелеста на колѣняхъ.)

Дуэтъ.

Любимъ и Прелеста.

Сжалтеся на наши слезы,
Отмѣните страшны грозы;
Сжалтеся, простите ихъ.

Баба Яга.

Нѣтъ! бездѣльниковъ такихъ
Мнѣ простить не можно;
Погибнутъ не ложно,
Погибнутъ сей часъ.

Прелеста и Любимъ.

Со слезами молимъ васъ.

Баба Яга.

Нѣтъ! имъ непремѣнно должно быть наказаннымъ.

Всѣ.

Помилуй насъ, могучая госпожа! Ахъ, погибли мы!

Баба Яга.

Нельзя ихъ простить! они опять за то же ремесло примутся.

Дядья и Тетки.

Ахъ! чтобы намъ сквозь землю провалиться, естьли мы хоть подумаемъ объ етомъ. Любимушка! вспомни нашу хлѣбъ соль вступись за насъ бѣдныхъ!

Любимъ.
Прелеста. } Помилуйте сударыня! вспомните ваше обѣщаніе!

Дядья и Тетки.

Клянемся мертвыми клятвами, что плутовать не будемъ и раскаиваемся отъ чистаго сердца, что обидѣли честнаго нашего племянника.

Баба Яга *(Взяткину).*

А ты?

Взяткинъ.

Егда получу обѣщанныя деньги, то можетъ статься; а ежел

нѣтъ, такъ мнѣ нижепоименованному письмомъ ихъ выработать надо, и на комъ нибудь вымѣстить.

Баба Яга.

Криводушникъ! не удастся тебѣ. (*дядьямъ и теткамъ.*) Прощаю васъ, когда Любимъ васъ прощаетъ. Въ васъ есть надежда къ исправленію, когда вы раскаиваетесь въ своихъ плутняхъ; и теперь я вижу, что всякой плутъ можетъ быть исправленъ; кромѣ плута приказнаго. Исчезни нечестивой! (*Взяткинъ проваливается, изъ котораго мѣста послѣ выходитъ пламя.*) А вы научитесь этимъ примѣромъ, что закоренѣлое бездѣльничество рано или поздно получаетъ наказаніе. Исправьтесь! Любите вашего племянника и будьте свидѣтелями его счастія. (*Театръ перемѣняется и представляетъ садъ; въ дали замокъ бабы Яги.*)

Прелеста.

Ахъ, бабушка! Какъ же мы счастливы, что вы простили этихъ бѣдныхъ людей!

Любимъ.

А еще бы мы были счастливѣе, естьлибъ прощать было нѣково.

Баба Яга.

Молчите, молчите! и то будетъ.

Поютъ.

Баба Яга.

Новой видъ возьметъ вселенна и узрятъ въ премѣнѣ сей,
Что пороковъ ужъ не будетъ никакихъ между людей.
Зло на свѣтѣ истребится,
Умъ возьметъ надъ страстью верхъ.

Всѣ.

А когдажъ оно случится?

Баба Яга.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Всѣ.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Баба Яга.

Всѣ супруги будутъ вѣрность сохранять по самый гробъ.
И опасности подверженъ вѣкъ не будетъ мужней лобъ.
Вертопрашество истребится:
Умъ возьметъ надъ страстью верхъ.

Всѣ.

А когдажъ оно случится?

Баба Яга.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Всѣ.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Баба Яга.

Щеголь къ празднику имѣнье не свезетъ въ Каретный рядъ,
Чтобъ въ нарядномъ екипажѣ послѣ ѣхать въ магистратъ.
Глупа роскошь изтребится:
Умъ возьметъ надъ страстью верхъ.

Всѣ.

А когдажъ оно случится?

Баба Яга.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Всѣ.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Баба Яга.

Нынѣшнихъ временъ Кащеи перестанутъ кожи драть,
И безбожные проценты съ щеголей безумныхъ брать:
Лихоимство изтребится:
Умъ возьметъ надъ страстью верхъ.

Всѣ.

А когдажъ оно случится?

Баба Яга.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Всѣ.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Баба Яга.

Старые ханжи уймутся попусту языкъ чесать
И смиренье выхваляя, всѣхъ безъ милости ругать.
Лицемѣрство изтребится:
Умъ возьметъ надъ страстью верхъ.

Всѣ.

А когдажъ оно случится?

Баба Яга.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Всѣ.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Баба Яга.

Смутники на вѣки скроютъ вредной ядъ въ душахъ своихъ,
И не станутъ изъ корысти перезсоривать родныхъ.
Подла зависть изтребится.
Умъ возметъ надъ страстью верхъ.

Всѣ.

А когдажъ оно случится?

Баба Яга.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Всѣ.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

Баба Яга.

Перестанутъ пустомѣли въ рифму класть одни слова,
Коихъ много доставляетъ ихъ пустая голова.
Пустословье изтребится,
Умъ возьметъ надъ страстью верхъ.

Всѣ.

А когдажъ оно случится?

Баба Яга.

Послѣ дожжичка въ четвергъ.

ХОРЪ.

Ожидая исполненья
Толь чудесна пророченья
Постараемся отгнать
Скуки тяжко бремя.
И въ играхъ невинныхъ время
Станемъ провождать.

Конецъ оперы.

ПИСЬМО КЪ ПРІЯТЕЛЮ

или

БЕЗПРИСТРАСТНЫЙ ЗРИТЕЛЬ.

Письмо къ пріятелю или безпристрастный зритель.

(Сочинено въ 1794 году).

Куда ни погляжу, вездѣ я вздоръ встрѣчаю!
Хоть я немного примѣчаю;
Но вздоръ повсюду такъ великъ,
Что самъ является собою;
Дурачество свой кажетъ ликъ
И громко всѣмъ гласитъ трубою:
Я здѣсь—
Добро съ дурачествомъ ты свѣсь:
На крошечку добра найдешь ты вздору—
Большую гору!
Противъ прямыхъ путей
Безумно многіе шагаютъ
И глупости сѣтей—
Не избѣгаютъ:
Портной препакостно одѣтъ,
Сапожникъ босикомъ, уроды—щеголяютъ,
Чудакъ—таращится на свѣтъ,
Судьи—душей кривятъ, работники—гуляютъ,
Дуракъ—собой надутъ,
И честностью—извѣстенъ плутъ;
Скрываетъ всякъ личину;
Всякъ кажетъ спину.
У всѣхъ фальшивые умы;
Кому подобны стали мы?
Царица истинна! Тебя мы обманули!
Къ пороку сердцемъ мы прильнули...
Ты думаешь, въ судахъ ученые сидятъ?
О томъ и мыслить не хотятъ.—

Мы видимъ сами:
Козелъ не знаетъ, что есть азъ:
Козла садятъ судьей въ приказъ,
Козелъ бодается рогами,
И этому судьѣ—козлу—святаго нѣтъ;
По нуждѣ и отца до нитки оберетъ,
И величается предъ нами!
А къ пущей намъ бѣдѣ—
Умножился у насъ судейской родъ толико,
Какъ рыбъ въ водѣ.—
Ну можетъ-ли когда имѣнье быть велико?
Бывало одного барана принесешь,
И правъ пойдешъ;
Не хочешь, чтобъ твое имѣніе пропало:
А нынѣ ихъ и сотни мало.
Свѣтъ нынѣ просвѣщенъ
Ученый говоритъ.
Но кто изъ насъ уменъ?
Кто въ должности не спитъ?
Кто склонности свои разсудкомъ измѣряя,
Природѣ въ слѣдъ
Идетъ?
Кто къ смерти дней не ускоряя
Хранитъ умѣренность, веселію предѣлъ?
Кто прибыль позабывъ, о благѣ всѣхъ радѣлъ?
О пользѣ общей кто помыслитъ?
Свои заслуги кто не числитъ?
А гдѣ они? спроси, не знаетъ онъ и самъ.
Какая польза намъ,
Что съ помощью шаровъ гулять въ эфирѣ можемъ?
Мы собственнымъ бѣдамъ чрезъ это не поможемъ.
Когда-бъ на свѣтъ такой родился человѣкъ,
Который бы свой вѣкъ
Употребить возмогъ на наше исправленье,
И не смотря на исключенье,
Глупцамъ,
Вралямъ,
Указомъ повелѣлъ отъ свѣта удалиться;
Тогда могли бы мы хвалиться,
Что свѣтъ на путь прямой попалъ,
Что родъ людей блаженнѣй сталъ,

А то какъ ни возмись, все глупости встрѣчаешь!
Напрасно философъ, напрасно разсуждаешь,
Ты пагубой поставилъ намъ порокъ,
Учить насъ захотѣлъ;—ну вотъ прекрасно;
Мораль твоя темна, не ври, все будетъ—ясно,
Кто плутъ, скажи: игрокъ,
Кто враль, скажи: забавенъ,
Болтунъ:—весело-нравенъ.
Льстецъ—правду говоритъ, лѣнивецъ—всѣмъ примѣръ.
Буянъ—молодцоватъ, и скроменъ лицемѣръ.
Вотъ логика твоя и права!
Ты хочешь быть въ чести?
Польсти, мой другъ, польсти;
Да лгать поболѣе старайся,
Для счастья твоего
Въ ногахъ валяйся,
Хвали того,
Кто на глаза попалъ, хоть ссылки онъ достоинъ.
Коль знатный встрѣтится глупецъ,
Скажи,—что онъ мудрецъ;
Кто трусъ, скажи: отважный воинъ!
Бездушный секретарь—обиженныхъ отецъ!
Достойны почестей богатые кумиры;
И словомъ, будь тотъ прямъ,
Кто кривъ, горбатъ и косъ.
Кури имъ фиміамъ подъ носъ,
И убѣгай Сатиры;
А то ты пропадешь,
Когда не вознесешь—
Того, кто ничего не знаетъ,
Того который помышляетъ,
Что все—дозволено ему,
Что онъ верьхомъ сѣлъ на луну,
Направя путь свой на планеты,
Объѣздомъ полетѣлъ осматривать всѣ свѣты.
На правду—языку ты воли не давай;
Пожалуй не лѣнись, ранешенько вставай;
Въ прихожихъ у господъ являйся съ пѣтухами;
Тамъ проповѣдывай, во всѣ дѣла входи.
И что ты коротокъ, безъ милости тверди,
Листковъ десятка три курьозными стихами,

Въ честь барину тому умненько измарай:
„Пою велика мужа!
„Пою, кричу;
„Воспѣть того хочу,
„Кому ничто ни зной, ни стужа,
„Который заживо поѣдетъ прямо въ рай!“
Вотъ эдакъ начинай
Похвальную ты оду!—
Толкуй всему народу,
Что баринъ тотъ во всемъ примѣрной господинъ,
Что въ свѣтѣ онъ одинъ;
Что порохъ выдумалъ не Шварцъ, монахъ Германскій,
Но князь Тьмутараканскій,
Прапрадѣдъ барина того,
Которому не зримъ мы въ пару никого,
Который въ мирно время
Навьючилъ на себя претягостное бремя.—
Болтливой госпожи пороковъ не считай;
Ханжей не осмѣхай.
На стариковъ, измученныхъ лѣтами,
Которые кричатъ противъ людскихъ страстей,
Не смѣй употреблять своихъ кистей;
Не говори, что сами
Желали бы опять
Оборотиться вспять
Къ грѣхамъ, которые ругаютъ,
Хоть мысленно хотятъ, но жаль, не домогаютъ.
Льстецу не говори, что совѣсти въ немъ нѣтъ;
Что онъ всѣмъ ложъ поетъ;
Что всѣ его слова обманы;
Что правда отъ него бѣжала прочь;
Что ищетъ онъ набить карманы,
И вретъ, что день, тогда какъ ночь.—
У болтуна, смотри, не перебей ни слова;
Пружиннымъ языкомъ
Выказывая пустослова,
Прослыть онъ хочетъ острякомъ,
Ложь правдой объявя, по свѣту публикуетъ,
Что видѣлъ онъ во снѣ, то грезитъ на яву;
Божась безсовѣстно, все городу толкуетъ,
Пуская о себѣ хвастливую молву.—

Согласенъ съ дѣдушкой ученымъ я Панглосомъ:
Все въ свѣтѣ хорошо, все къ лучшему идетъ;
Кандидъ пустое вретъ;
Какая нужда мнѣ, скажу я вамъ примѣромъ:
Когда дѣвица съ кавалеромъ,
Безъ позволенія отца,
Тихонько уплелась изъ батюшкина дома,
И какъ она ушла?—въ окошко иль съ крыльца,
И нѣтъ ли въ домѣ томъ и шума и содома?
Какая нужда мнѣ
Когда отецъ такъ плохъ, хоть домъ гори въ огнѣ!
Наполненъ городъ весь молвою,
Что Гуръ и Евдокимъ
Поссорился съ женою.
Богъ съ нимъ!
Я не забочуся, хотя-бъ дошло до драки.
Терентій задурилъ:
На экипажъ и фраки
Три тысячи крестьянъ иль больше раззорилъ.
Пускай Терентьюшка мотаетъ,
Въ награду Магистратъ Терентья ожидаетъ.
Прелестина родила дочь;
За это никому я не ломаю шапки;
И тутъ таки опять отъ миру я не прочь;
То дѣло не мое, а повивальной бабки.
Маіоръ въ шестнадцать лѣтъ поѣхалъ на войну,—
У тетки подъ крыломъ воспитанный прилѣжно.—
„Пропалъ Ванюшенька, пропалъ онъ неизбѣжно!
Доколь онъ въ арміи—я ночи не усну!“
Такъ тетушка кричитъ; уѣхалъ нашъ Ванюша!
Ужь онъ передъ полкомъ!—
Порядка не наруша
Онъ ходитъ вечеркомъ
Къ полковнику всегда два раза на недѣлѣ.—
Подъ непріятелемъ полкъ этотъ былъ, но въ дѣлѣ—
Ванюша занемогъ!
У Трускина душа сраженіемъ кипѣла;
Мечталися ему все пули да штыки!—
Лишь только свистнули—свинцовы дураки,
Бѣжитъ, и прячется отъ дѣла.
Лежитъ подъ ящикомъ; читаетъ Отче нашъ!—

Блѣднѣетъ и дрожитъ; не вымолвитъ ни слова;
Сраженье кончилось, пришелъ его куражъ;
Вскочилъ, помчался онъ; бѣжитъ коня быстрѣе,
На завоеванной явился батареѣ;
Устроилъ караулъ, разставилъ часовыхъ,
И первый ждалъ наградъ въ честь подвиговъ такихъ!—
Ну виноватъ-ли я?—опять не отвѣчаю
И смѣло утверждаю:
Моралью скучною тому не пособлю;
Переговоровъ я до смерти не люблю.
Недавно Сидора возила одноколка,
Вамъ Сидоръ кажется знакомъ,
Кафтанъ съ подборами носилъ онъ съ кушакомъ,
На рожѣ борода висѣла, какъ метелка:
А нынѣ Сидоръ нашъ—въ мундирѣ съ галуномъ!
Четверкою въ каретѣ
Изволитъ разъѣзжать;
Живетъ въ великомъ свѣтѣ;
Не хочетъ торговать.
Какое дѣло мнѣ?—за деньги или даромъ,
Но Сидоръ—Оберъ-Комисаромъ.
Хотѣлъ себѣ добра,
И выходилъ чинокъ, давно, давно пора!
Ему похвально.—
Всѣмъ стоикамъ скажу въ глаза я и формально,
Что всякой для себя живетъ.
Княжнинъ сказалъ давно: *все уди, что плыветъ!*
Ищи своей забавы;
Лишь выгоды свои храни,
Что въ свѣтѣ разны нравы,
То было изкони!—
Я подтвержу, что въ мірѣ—ровно въ морѣ,
Въ которомъ гадинъ—безъ числа!
Такъ и на свѣтѣ семъ и пакости и горе,
Порядочнаго нѣтъ на свѣтѣ ремесла.
Не за свое хватается всякъ дѣло:
Въ природѣ что черно, у насъ же бѣло.
Иной на смѣхъ уму въ химической печи
Мѣшаетъ съ сѣрою чугунъ и кирпичи,
Для полученія и славы и доходу;
Онъ золото нашелъ, а ѣстъ—лишь хлѣбъ да воду.

Другой на прибыли пуститься не хотя,
Дурачится себѣ, какъ малое дитя;
Съ духами говоритъ, съ стихіями бунтуетъ;
Но мозгу для себя никакъ не наколдуетъ.
Скупой лежитъ у сундука,
Замокъ держа зубами;
Червонныхъ у него навалено горами,
Самъ голоденъ какъ волкъ, зимой безъ сертука.—
Иной по городу весь день безъ дѣла рыщетъ;
Тотъ чести не имѣвъ, за честь подраться ищетъ;
И думаетъ, что тѣмъ никакъ не погрѣшилъ,
Когда по правиламъ—другаго онъ убилъ.
Того замучили затѣи да прожекты;
А этотъ смотритъ на аспекты.—
Иной знатокъ
Науки,
Разсудку давъ толчокъ,
Глаголь беретъ за буки,
А сверьхъ того онъ лѣзетъ на Парнассъ,
Гдѣ ни на часъ
Ушамъ чувствительнымъ нѣтъ отъ него покоя;
Гудокъ свой не настроя,
Теребитъ бѣдныхъ музъ;
Писать стихами хочетъ,
Съ умомъ всегда хлопочетъ,
И заворотъ схватя—до смерти мучитъ вкусъ.
Но чтожъ?—Доволенъ самъ собою!—
Такъ прахъ его бери съ очками и трубою
Пускай гудитъ гудокъ,
Пусть каркаетъ ворона,
Пусть корчитъ онъ Невтона,
Пусть самозванный онъ знатокъ!
Умолкну, не хочу съ дурачествомъ возиться,
А лучше пріучиться
Спокойно то сносить,
Чего нельзя перемѣнить.

(Изъ „Памятника Отечественныхъ музъ“ на 1828-й годъ, Спб. 1828).

ПЛАМИРЪ И РАИДА.

РОССІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Москва. Въ Университетской Типографіи, у Ридигера и Клаудія. 1796.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: Пламиръ и Раида, и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.— Натуральной Исторіи и Энциклопедіи Профессоръ и Цензоръ Антонъ Прокоповичъ Антонской.

ДРУГУ МОЕМУ Н. П. НИКОЛЕВУ.

Вотъ, любезный другъ, бездѣлка, которую я писалъ къ тебѣ, полтора года тому назадъ! Сердце твое плѣнилось ею для того, что она излилась изъ сердца друга твоего. Начертаніе Раиды обворожило тебя. Признайся, что естьли существуетъ подлинникъ, онъ долженъ быть тысячу разъ любезнѣе въ естествѣ, нежели въ описаніи.

Ты сказывалъ мнѣ, что читалъ ее многимъ, и что она многимъ понравилась; это мнѣ было пріятно: но ты полюбилъ ее — и она напечатана.

ПРИНОШЕНІЕ.

Раида! есть ли ты существуешь гдѣ нибудь, кромѣ воображенія сочинителя, о! сколь щастливъ долженъ быть смертный, удостоившійся сердца твоего! Но гдѣ искать тебя?—гдѣ? — Природа такъ обильна въ своихъ произведеніяхъ.... Впрочемъ, что нужды мнѣ, существуешь ты или нѣтъ для другихъ? Прими твореніе мое; оно было бы совершенно, естлибъ могло быть тебя достойно.

ПЛАМИРЪ И РАИДА.

Россійская повѣсть.

Пламиръ почти въ младенчествѣ брошенъ былъ въ вихрь большаго свѣта. Пріятный видъ, соединенный съ рождающимися достоинствами, заставили его въ ономъ замѣтить; онъ возрасталъ между людьми, и въ двадцать лѣтъ могъ щитаться въ числѣ лю-

безнѣйшихъ молодыхъ людей. Красота его усовершенствовалась, а дарованія, науками украшенныя, получили высочайшую свою степень.... бѣдственныя выгоды пламенному сердцу, судьбою гонимому!... Нѣкоторые таланты въ словесности, храбрость свойственная благородному Россіянину, и познанія въ военной части, заставили его раздѣлить жизнь свою между Музъ и Беллоны. Онъ отличался, пробѣгая оба поприща; испыталъ превратности щастія, почтенія человѣковъ, привязанности друзей и вѣрности любовницъ. Женился; нашелъ супругу достойную обожанія, и думалъ что блаженство уже въ рукахъ его. Но увы! въ самой тотъ мигъ оно отъ него удалялось. Первый плодъ нѣжнѣйшей страсти раждаясь, похитилъ у него все, что онъ имѣлъ драгоцѣннаго... обожаемую супругу. Она умерла, и нещастный Пламиръ, вдовецъ въ двадцать пять лѣтъ, нося образъ боготворимой подруги въ сердцѣ, а единороднаго сына, залогъ вѣрнѣйшей любви, въ объятіяхъ, съ растерзанною горестію душею, и съ утомленными свѣтскою жизнію чувствами, удалился въ губернской городъ О***.

Душа его совершенно для чувствія любви была затворена. Все время, которое оставляло ему воспитаніе любезнаго сына, занималъ онъ науками. Онъ трудился съ пользою себѣ и согражданамъ своимъ. Въ городѣ ему удивлялись.... различнымъ образомъ. Одни, въ состояніи будучи чувствовать цѣну ему, жалѣли, видя толикія достоинства погребенными; другіе дивились, что онъ живетъ не такъ, какъ они. Первые любили и старались снискать его знакомство; другіе бранили и чуждались его. Отъ обоихъ онъ удалялся, испытавъ всю непрочность привязанности человѣковъ; онъ хотѣлъ быть зрителемъ на театрѣ міра и думалъ, что успѣлъ въ томъ совершенно. Нещастной! усталость почиталъ онъ безчувствіемъ, а онѣмѣлость сердца равнодушіемъ. Между тѣмъ горесть о потерѣ супруги начала въ немъ уменьшаться. Она не можетъ быть вѣчною, когда лишеніе любезнаго предмета отъ судьбы одной происходитъ. Одно самолюбіе дѣлаетъ рану смертною, если получаемъ ее отъ подобныхъ намъ; ибо тогда досада имѣетъ пищу, и не перестаетъ терзать сердце, пока не сокрушитъ его. И такъ Пламиръ, чрезъ пять лѣтъ послѣ смерти супруги своей, началъ наслаждаться покоемъ, и уже благодарилъ Небо, приведшее его въ О***, какъ вдругъ страшная буря въ единый мигъ все зданіе спокойствія его низвергла.

Златимъ, богатой Дворянинъ, удалившійся въ деревни свои, близъ О*** лежащія, пріѣзжаетъ въ сей городъ съ дочерью своею Раидою. Начальники его ласкаютъ; и онъ рѣшается пробыть въ

немъ зиму. Надобно имѣть общество. Златимъ слышитъ о Пламирѣ; вспоминаетъ, что видалъ его нѣкогда въ свѣтѣ; знаетъ его достоинства, и желая снискать знакомство его, къ нему пріѣзжаетъ; входитъ: Достоинства ваши, сударь, говоритъ онъ удивленному Пламиру, напрасно скрываются; позвольте человѣку, чувствующему цѣну ихъ, стараться снискать пріязнь вашу, и пользоваться любезнымъ вашимъ обществомъ. — Достоинства мои, сударь, очень малы, а общество мое слишкомъ любезно быть не можетъ. Уединенъ, далекъ отъ всѣхъ произшествій міра, занятъ однимъ воспитаніемъ сына моего, я давно потерялъ даже и тотъ пустой блескъ, коимъ умницы свѣта занимаютъ собранія; но естьли искренность можетъ удовлетворить васъ, она будетъ заплатою вѣжливости и привѣтствія вашего.

Златимъ изъ благопристойности сократилъ первое сіе посѣщеніе, оставя въ недоумѣніи Пламира.—Вотъ еще новая забота, сказалъ сей послѣдній самъ въ себѣ. Нечаянное знакомство!... не будетъ ли оно мнѣ въ тягость? Увы! я думалъ здѣсь ото всѣхъ быть удаленнымъ и вдругъ приходятъ нарушать мое спокойствіе. Опять въ вихрь свѣта! — Взглянулъ на сына... вспомнилъ все, что претерпѣлъ въ жизни.—Естьли твой жребій такой же будетъ, сказалъ онъ, обнявъ его,—и слезы чувствительности и соболѣзнованія окропили лицо младенца. Надобно заплатить посѣщеніе. На другой день Пламиръ наряжается... почти первой разъ съ пріѣзда въ О***, ѣдитъ къ Златиму, входитъ, и первый предметъ, поразившій взоръ его, есть Раида. Величественной ростъ и красота лица сей дѣвицы остановили его. Большіе томные глаза, въ коихъ чувствительность души изображалась какъ въ зеркалѣ, небеснымъ взглядомъ своимъ пронзили до внутренности его сердце, и внесли въ оное смущеніе раждающейся страсти. Пламиръ не отгадываетъ сего, и чувство нѣжнѣйшаго пламени пріемлетъ за удивленіе видѣть въ отдаленномъ городѣ особу, толикихъ пріятностей исполненную. Уже языкъ чрезъ нѣсколько лѣтъ выражавшій однѣ правила строгаго разсудка, произноситъ привѣтствія. Раида пріемлетъ ихъ съ ангельскою скромностію. Видъ Пламира, на коимъ томная миланхолія, слѣдствіе претерпѣнныхъ имъ горестей, вмѣсто, чтобъ погасить остатки красоты, дѣлала его болѣе привлекательнымъ, видъ его произвелъ въ душѣ Раиды сіе симпатическое чувствіе, кое, встрѣтясь, ощущаютъ души, рожденныя другъ для друга. Тщетно Пламиръ начинаетъ говорить съ старикомъ. Рѣчь къ нему сначала относящаяся, оканчивается всегда съ Раидою, и Златимово самолюбіе удовлетворяется, видя человѣка Пламировыхъ достоинствъ, удивляющагося его дочери. Онъ далекъ былъ отъ того, чтобъ слѣдствіе сего пред-

видѣть—но посѣщеніе кончено. Пламиръ откланивается; и послѣдній его взглядъ, устремясь невольно на Раиду, встрѣчаетъ взглядъ ея. Она краснѣетъ; огонь, оживотворившій щеки ея, проницаетъ въ душу Пламира, и зажигаетъ ее на вѣки. Пламиръ уже страстенъ, а ниже о томъ сомнѣвается; уходитъ, но сердце его остается у ногъ Раиды.

Не правда ли Раида, сказалъ Златимъ, что мы нечаянно встрѣтили здѣсь прекрасное знакомство.—Да, батюшка; Пламиръ очень любезенъ—кажется. — Знаешь ли, что онъ человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ?—Я-съ это слышала.—А не примѣтила?—Раида почти закраснѣлась. Онъ продолжалъ: ты въ обществѣ его много занять можешь, и тѣмъ болѣе полюбишься Блескару. Тутъ Раида стремительно отвернулась, чтобы скрыть блѣдность, которую смертный хладъ, объявшій сердце, разпростеръ на лицѣ ея... Нещастная!

Теперь надобно сказать, что такое былъ Блескаръ; онъ былъ женихъ Раиды, избранной отцемъ ея, молодъ, хорошъ, знатенъ, богатъ, знающій все, ничему не учась; судящій обо всемъ, ничего не понимая; въ орденахъ, въ чинахъ; не мудрено.... Онъ былъ родня боярамъ. Его ожидали нетерпѣливо для окончанія свадьбы изъ арміи, гдѣ онъ былъ волонтеромъ, для пріобрѣтенія лавровъ... при главной квартирѣ. Раида шла за него равнодушно для того, что этого хотѣлъ отецъ ея, но послѣ посѣщенія Пламирова, при одномъ имени Блескара, смертная блѣдность помрачила розы щекъ ея.

Но обратимся къ Пламиру. Ядъ, влившійся въ сердце его, начиналъ дѣйствовать, и первое онаго слѣдствіе была скука, которую стало наносить ему уединеніе. Упражненія его сдѣлались ему тошны, а нѣжныя ласки сына въ тягость. Просыпаясь, первая мысль его была о томъ, гдѣбъ увидѣть Раиду. Общество ея сдѣлалось ему необходимымъ, и онъ началъ выѣзжать туда, гдѣ думалъ встрѣтить ее. Между тѣмъ случается праздникъ. Начальникъ даетъ маскерадъ. Ему присылаютъ билетъ.—Ѣхать ли мнѣ?—я такъ давно нигдѣ не бывалъ. Привычка къ уединенію говорила, что маскерадъ будетъ въ тягость; а сердце молвило; тутъ будетъ Раида... и сердца послушались.

Пламиръ пріѣзжаетъ въ маскерадъ. Начальникъ встрѣчаетъ и благодаритъ его за пріѣздъ. Всѣ оступаютъ его, и изъясняютъ радость, что онъ наконецъ возвращенъ обществу. Онъ отвѣчаетъ на привѣтствія, но глазами ищетъ Раиды. Отыскиваетъ, подходитъ, хочетъ спросить, все ли вы здоровы? Но... Раида была въ черномъ платьѣ, съ кружевнымъ покрываломъ, которое отъ жару было под-

нято. Онъ забылъ спросить о здоровьѣ, а сказалъ: какъ хорошо вы сдѣлали, что подняли покрывало! Я бы всѣмъ прекраснымъ дѣвушкамъ запретилъ носить этотъ уборъ.—Раида покраснѣла, поклонилась, а онъ ее оставилъ. Между тѣмъ Раида пошла танцовать, а Пламиръ сталъ возлѣ нея. Долго ли, сударыня, мы будемъ имѣть у себя въ городѣ такую прекрасную и любезную дѣвицу? — Она промолчала.—Я, сударыня, объ васъ спрашиваю.—Ежели вы говорите обо мнѣ, то я вамъ скажу, что это зависитъ отъ воли батюшкиной. — Дай Богъ, чтобъ воля его была остаться надолго!— Ежели ему не поскучится.—Ахъ! какъ бы я хотѣлъ окружить его весельями, чтобъ только долѣе пользоваться щастіемъ васъ видѣть! —Я знаю, что вы умѣете жить, и принимаю ваше привѣтствіе съ должною свѣтскому человѣку благодарностію.— Вы называете это привѣтствіемъ; нѣтъ, сударыня, я никогда не умѣю говорить ихъ; и ежели умѣніе жить состоитъ въ томъ, чтобъ говорить не то, что сердце чувствуетъ, такъ эта наука никогда мнѣ не была извѣстна. Тутъ Раидѣ досталось дѣлать выходъ, и Пламиръ удалился, не имѣя болѣе случая говорить съ нею въ тотъ вечеръ.

Между тѣмъ Пламиръ сталъ знакомъ въ домѣ Златима, и бывая тамъ всякой день, часъ отъ часу болѣе воспламенялся. Ежедневное обращеніе съ Раидою, и нѣкоторой родъ короткости, которою самъ отецъ искалъ поселить между ими, возвели страсть его до высочайшей степени. Это уже была не тайна для Пламира, и рѣдкія достоинства и красота его любезной, оправдали сіи чувства въ его сердцѣ. Онъ совершенно предался любви своей, и дышалъ только для Раиды. Давно уже взгляды ихъ объяснили имъ взаимную нѣжность: но они говорили только еще глазами. Въ одинъ день Пламиръ пріѣзжаетъ къ Златиму, не застаетъ дома, и Раида его принимаетъ. Пламиръ нашелъ ее за книгою; она читала Вертера, который тогда только что вышелъ.—Я вамъ помѣшалъ, сударыня.— Ни мало... напротивъ я очень рада вашему пріѣзду.—Однако эта книга такъ занимательна, вы изъ вѣжливости ее оставили.—Этому можно помочь, и отъ васъ зависитъ сдѣлать мнѣ еще больше удовольствія.—Какимъ образомъ?—Вы такъ хорошо читаете! Я могу васъ слушать. — Пламиръ взялъ книгу, и началъ читать. Пламенный слогъ автора получалъ новую душу въ устахъ Пламира. Всѣ оттѣнки чувствованій были выражены со всею точностію. Пламиръ находилъ подлинникъ сей книги въ сердцѣ своемъ... а сердце выражать умѣетъ. Раида сидѣла возлѣ него. Нечувствительно голова ея почти наклонилась на плечо Пламира; локоть ея касался его локтю, взоры на него устремлялись; его голосъ проницалъ ей до

внутренности сердца, и она чувствовала такъ, какъ онъ выражалъ. Дыханіе ея становилось тягостно.

По окончаніи одного періода, гдѣ авторъ изображалъ весь огнь пылающей любви, Пламиръ остановился, взглянулъ на Раиду. Взоры ихъ встрѣтились, и взаимное чувство, подобно электрической искрѣ, мгновенно изъ одного въ другаго переселилось, и сотрясло сердца ихъ.—Повторите это мѣсто, сказала трепещущимъ голосомъ Раида.—Которое, сударыня?—Голосъ уже изчезъ на устахъ ее, и она молча указала на книгу.—Вотъ гдѣ я его повторить долженъ, сказалъ Пламиръ, бросаясь къ ногамъ ея. Божественная Раида! сколь слабы всѣ рѣчи автора для изъясненія того чувства, которое въ меня ты вселила! Емуль... ему ли, хладному писателю, выражать огнь пожирающій сердце мое? Я люблю тебя Раида... больше жизни моей люблю; и естьли взаимное чувствіе не наполняетъ сердца твоего, нѣжный, страстный Пламиръ погибъ!—Раида слушала его почти безъ памяти. Пламенная къ нему страсть, и извѣстныя ей обстоятельства замужства ея боролись нѣсколько секундъ. Наконецъ любовь взяла верхъ... и Раида въ молчаніи поверглась въ объятія Пламира, но вдругъ опомнясь, вырвалась изъ нихъ. — Что я дѣлаю? вскричала она. Ахъ! мнѣ нельзя быть твоею!—Нельзя быть моею? сказалъ Пламиръ... Какая власть, какой Богъ можетъ отнять у меня Раиду, естьли она сама мнѣ отдается? Нужна ли для того вся кровь моя, вся жизнь моя... Я ими жертвую съ охотою. Жаръ, съ которымъ произнесъ сіе Пламиръ, заставилъ вострепетать Раиду. Страхъ поразить его рѣшилъ нѣжную сію любовницу сокрыть, что она помолвлена, и ничего не щадить, дабы быть за нимъ. Естьли жертва, на которую бы прямая любовь не рѣшилась? Естьли что нибудь для нее невозможное?... Кромѣ того только, что отъ другаго зависитъ. И такъ Раида старалась успокоить Пламира, прося его скрывать страсть, пока она не вывѣдаетъ искусно расположенія отца своего; и Пламиръ поѣхалъ щастливѣйшимъ изъ смертныхъ... не надолго.

Что будетъ со мною? говорила оставшись одна Раида. Какъ перемѣнить судьбу мою! Какъ умягчить непреклоннаго, строгаго отца? Естьлибъ время... но оно такъ коротко. Гнусный Блескаръ такъ скоро пріѣдетъ, и я погибла. Слезы полились по блѣднѣющимъ щекамъ. Пламиръ еще болѣе страшилъ ее, нежели собственный ея жребій. Она видѣла, что ея любовникъ не есть любовникъ обыкновенной, что пламенныя чувства, всегдашніе спутники дарованій, изключали его изъ числа тѣхъ хладныхъ волокитъ, кои за должность почитаютъ не подходить къ женщинѣ безъ объясненія

разхожей любви своей, и коихъ мертвенное сердце никогда не принимаетъ участія въ вытверженныхъ наизусть привѣтствіяхъ. Пламиръ или не глядѣлъ на женщину, или боготворилъ ее. Чувствительность души его не могла иначе развернуться, какъ съ чрезмѣрностію. Она была ничтожна, или огнь все пожирающій. Раида, одаренная проницательнымъ разумомъ, не менѣе какъ и чувствительнымъ сердцемъ, съ небесною красотою соединеннымъ, отгадала Пламира съ перваго раза и возлюбила его; нашла въ немъ душу, своей соотвѣтствующую, и рѣшилась погибнуть, или быть его.

Между тѣмъ Пламиръ всякой день видался съ Раидою... часто на единѣ... И тогда покрывая прелестныя руки ея пламенными поцѣлуями, и омывая ихъ слезами, вопрошалъ, когда онъ можетъ изъяснить отцу ея свое намѣреніе. Вмѣсто отвѣта, Раида каждой разъ молча, повергалась въ его объятія; нѣжнѣйшими лобзаніями зажимала уста его; души ихъ соединялись и Пламиръ забывалъ вселенную и самаго себя.

Въ одинъ день Златиму, при сидящемъ у него Пламирѣ, отдаютъ посылку съ почты. Это былъ портретъ его дочери, по повелѣнію его въ Москвѣ писанной. Раида была на немъ изображена Весталкою... Златимъ любуется имъ... и отдаетъ посмотрѣть Пламиру. Сей восхищается, видя любезную свою въ одеждѣ цѣломудрія, но Раида содрагается, находя въ оной какъ бы предвѣщаніе, отреченіе отъ своего нѣжнаго друга. Долго Пламиръ любовался небеснымъ симъ изображеніемъ, наконецъ подаетъ его Раидѣ, бросяся на нее умолительный взоръ. Взоръ сей понятъ, и подобный портретъ скоро полученъ тайно изъ Москвы, и врученъ Пламиру. Онъ принимаетъ его съ изступленіемъ... кладетъ на сердце свое, и клянется, что оной вѣчно на мѣстѣ семъ пребудетъ...

Увы! онъ сохранитъ клятву сію.

Съ тѣхъ поръ всѣ упражненія Пламира превратились въ одно. Все время, которое не былъ съ Раидою, любовался онъ ея портретомъ, лобызалъ его, прижималъ къ сердцу, иногда въ изступленіи поклонялся ему, какъ нѣкоему божеству. Каждой день отыскивалъ новыя совершенства въ чертахъ своей любовницы; соображалъ ихъ съ душевными ея качествами, и новый Лаватеръ находилъ между обѣими совершенное сходство. О! сколько онъ любилъ ее! каждой день больше и больше. Онъ не могъ жить минуты безъ нея, или безъ ея изображенія. Съ какою нетерпѣливостью, жадностію, онъ ожидалъ минуты, долженствующей рѣшить его судьбу!... Она настала, сія ужасная минута... О вы, которые, получа отъ Небесъ чувствительную душу, будете читать повѣсть сію! вы конечно

почтите слезою своею жребій нещастныхъ, достойныхъ лучшей участи. Уже нѣсколько разъ Раида старалась вывѣдать стороною, не можно ли перемѣнить намѣренія отца ея о замужествѣ. Она нечувствительно приводила сравненіе Пламира съ Блескаромъ, но отдавая всегда справедливость достоинствамъ Пламира. Златимъ однакоже при томъ только и оставался; и ежели когда Раида вмѣшивала въ разговоръ что нибудь, касающееся до перемѣны слова, или до разшедшейся какой свадьбы, старикъ всегда возставалъ противъ сего съ жаромъ, и называя безчестными таковые поступки, говорилъ, что Блескаръ въ случаѣ перемѣны своего намѣренія смертію заплатилъ бы ему такой отказъ. Раида трепетала, слыша сіи слова; сердце ея обливалось кровію, и она съ ужасомъ заключала въ себѣ тайну свою.

Однимъ утромъ Златимъ получаетъ съ нарочнымъ, что Блескаръ возвратился изъ арміи, и не зная его въ городѣ, проѣхалъ къ нему въ деревню и тамъ дожидается. Онъ въ восхищеніи прибѣгаетъ къ дочери. Раида только что встала съ постели, и окончила молитву, въ коей сердце ея умоляло Небо о соединеніи съ Пламиромъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ! кричитъ старикъ.—Кто батюшка? сказала трепещущимъ голосомъ Раида, какъ бы предчувствуя ударъ, долженствующій сразить ее.—Блескаръ.—Раида поблѣднѣла, затряслась. Что съ тобою сдѣлалось? спрашиваетъ отецъ ея.—Батюшка... онъ... Ну! онъ... Чтожъ? Онъ пріѣхалъ для окончанія свадьбы.—Никогда... и поверглась безъ памяти къ ногамъ Златима. Первыя движенія старика были помочь своей дочери, но едва она успѣла опомниться, какъ ярость заступила мѣсто жалости.—Что значитъ это никогда? спросилъ онъ ее грознымъ голосомъ. Раида болѣе мертва, нежели жива, молчала. Отвѣчай же мнѣ, продолжалъ онъ.—Рѣки слезъ были ея отвѣтомъ.—Не думаешь ли ты, сударыня, по волѣ своей располагать рукою своею, когда я уже отдалъ ее?—Вы можете отдать руку, но сердце... Сердце въ послушной дочери должно слѣдовать за рукой ея.—О! естьлибъ это было въ нашей волѣ!—Естьли это не въ твоей волѣ, такъ въ моей, сказалъ съ яростію Златимъ. Теперь мнѣ ясно все открылось. Пламиръ причиною твоей непокорности.—Раида снова повергается къ ногамъ неумолимаго отца своего. Онъ отталкиваетъ ее.—Родитель мой! она вопіетъ, что порочнаго въ страсти моей? Кто ее достойнѣе Пламира?—Ни слова объ немъ.—Вѣчно объ немъ говорить, мыслить, дышать имъ буду. Любовь моя къ нему съ жизнью только прекратится. Я прекрачу ее прежде... Ты будешь за Блескаромъ или.... Никогда.—Или проклятіе... Вы властны въ жизни

моей.—Такъ будь же ты проклята, лютая и непокоривая дочь, стыдъ, посрамленіе и погибель отца твоего!—Раида не слыхала послѣднихъ словъ сихъ. При первомъ изреченіи проклятія, она упала въ жестокой обморокъ. Карета была готова. Старикъ велѣлъ ее положить въ оную безъ памяти, и въ одинадцать часовъ утра они уже были въ селѣ своемъ. Спустя нѣсколько времени послѣ ихъ отъѣзда, Пламиръ, по обыкновенію своему пріѣзжаетъ къ Златиму. То уже былъ второй часъ. Онъ къ нему ѣхалъ обѣдать; ему сказываютъ, что Златимъ съ дочерью уѣхалъ въ деревню; подаютъ письмо; удивленный Пламиръ развертываетъ его и находитъ слѣдующее:

Милостивый Государь мой!

„Я можетъ быть виноватъ передъ вами, не сказавъ, что дочь „моя помолвлена за Блескара. Сіе объясненіе могло бы многое „предупредить. Я признаюсь въ прошибкѣ своей... хотя нѣсколько „и поздно, но надѣюсь, что теперь, когда вы сіе знаете, благора„зміе и честность побудятъ васъ оставить навсегда домъ мой. „Зная цѣну достоинствъ вашихъ, я не иначе, какъ съ крайнимъ „прискорбіемъ лишаюсь пріятнаго вашего общества, и съ сими „чувствами навсегда честь имѣю пребыть“.

„Милостивый Государь мой! вашимъ преданнѣйшимъ слугою Златимъ“.

Нѣтъ! я не оставлю дома твоего, жестокосердной человѣкъ! вскричалъ Пламиръ... Я умру у ногъ твоихъ, или получу Раиду... Кто таковъ сей Блескаръ? по крайней мѣрѣ любить онъ больше меня не умѣетъ. Я пойду оспаривать у него невѣсту мою на край вселенныя... въ адъ... и велѣлъ скакать въ село къ Златиму.

На половинѣ дороги встрѣчаетъ онъ слугу Златимова, скачущаго во весь опоръ. Сей, увидя карету, останавливается, вручаетъ ему письмецо, и скачетъ назадъ. Оно было отъ Раиды. Вотъ его содержаніе:

„Я сейчасъ обвѣнчана съ Блескаромъ. Пламиръ забыть меня „долженъ“.

Раида.

Надобно знать, что Златимъ, оставя въ городѣ письмо къ Пламиру, предвидѣлъ, что ничто не удержитъ его пріѣхать къ нимъ, и дабы избѣжать непріятнаго явленія, едва прибылъ въ село свое, какъ приказываетъ священнику идти въ церковь, приводитъ въ оную полумертвую Раиду, и повелѣваетъ Блескару, подъ опасеніемъ отказа, тотчасъ и ничего не разспрашивая, итти вѣнчаться.

Утопленный Блескаръ не смѣетъ ослушаться. Сіе ничтожное существо никогда собственной своей воли не имѣло, и при малѣйшемъ видѣ твердости въ комъ нибудь привыкло уступать оной. Раида хочетъ говорить. Два пистолета въ моемъ карманѣ, сказалъ ужаснымъ голосомъ старикъ: одинъ для тебя, другой для меня. Будь убійцею отца своего! Обезумленная, почти лишенная чувствъ, толико сильными и въ толь короткое время сразившими ее ударами, Раида молчитъ и невинная агница ведется на жертву, предстаетъ къ олтарю, подаетъ охладѣвшую руку Блескару, вѣнчается и по окончаніи обряда, повелѣніемъ немилосерднаго Златима, пишетъ къ Пламиру то, что видимо. Въ семъ случаѣ желаніе ея уже согласовалось съ желаніемъ отца. Въ безднѣ, въ которую была ввергнута, она видѣла, что должно удалить Пламира, торопилась даже писать бѣдственное письмо свое, и старикъ, не мѣшкая ни минуты, посылаетъ его съ нарочнымъ, которой, встрѣтя Пламира на дорогѣ, вручаетъ ему оное.

Пораженный письмомъ симъ, какъ громомъ, Пламиръ воротился въ городъ. Онъ не стоналъ, не плакалъ, даже не думалъ ничего. Чрезмѣрныя несчастія совершенно отнимаютъ у насъ на нѣсколько времени способность мыслить. Въ тотъ часъ не имѣешь никакого намѣренія, не дѣлаешь никакого предпріятія, почти бытія своего не ощущаешь. Таковъ былъ Пламиръ. Пріѣхавъ домой, какъ истуканъ, входитъ въ комнату. Съ стороны онъ показался бы спокойнымъ... Спокойствіе сіе было спокойствіе смерти. Садится; сынъ къ нему прибѣгаетъ; разгорѣвшіеся щоки младенца поражаютъ его. Охладѣлое его сердце отходить начинаетъ. Онъ беретъ его на руки. Что ты мой другъ?—Голова болитъ папинька.—Отъ чегожъ мой милой?—Незнаю, папинька.—Сей послѣдній вопросъ довольно показываетъ странностію своею разстройку его мыслей. Но болѣзнь любезнаго сына, потрясши онѣмѣлою въ немъ душею, возвращаетъ ее по малу къ чувствительности. Онъ заботится о немъ, посылаетъ за докторомъ. Сей пріѣзжаетъ и сказываетъ, что у дитяти оспа. Тутъ горесть о невозвратной потерѣ любовницы умножаетъ любовь его къ сыну, и заставляетъ еще болѣе трепетать о жизни его. Въ сынѣ семъ Пламиръ видитъ единственный предметъ, привязывающій его къ свѣту, послѣ лютаго разлученія съ Раидою. Онъ переводитъ младенца къ себѣ въ комнату, не отходитъ отъ него ни днемъ, ни ночью; не повѣряетъ никому кромѣ себя смотрѣть за нимъ и давать лѣкарство... Тщетныя попеченія! Въ осьмой день сынъ его умираетъ. Сей послѣдній ударъ лишаетъ его всѣхъ душевныхъ силъ. Самоубійство представляется уму его еди

ственнымъ прибѣжищемъ, но правила, съ младенчества имъ принятыя, отражаютъ мысль сію. Однако же жить ему не можно; всѣ узы, къ жизни его привязующія, прерваны; всѣ связи съ міромъ разрѣшены; нѣтъ во вселенной предмета, которой бы не былъ ему ножемъ въ сердце вонзеннымъ. Онъ всѣмъ и самъ собою гнушается. Умремъ, сказалъ онъ, кровавый вздохъ изпустя изъ глубины разтерзаннаго сердца... умремъ... но не какъ подлый невольникъ, украдкою бѣгущій отъ господина своего... умремъ такъ, какъ мы жили... съ пользою кому нибудь. Отечество мое наслаждается миромъ; мнѣ нельзя за него пролить кровь свою. Оно имѣетъ воюющихъ союзниковъ. Пойдемъ и замѣнимъ жизнію своею жизнь кого нибудь не желающаго смерти... Пойдемъ умереть на валу перваго французскаго города, которой цесарцы осаждать будутъ. Намѣреніе было рѣшительно. Онъ погребаетъ прахъ любезнаго сына, посылаетъ за лошадьми, а самъ садится писать къ Раидѣ. Вотъ его письмо.

Раида!

„Я ѣду умереть. Ты будешь довольна. На что жизнь мнѣ безъ „тебя!... безъ тебя, которой я посвятилъ всѣ чувствія души моей... „безъ тебя, которой небесныя дарованія почиталъ я основанными „на чувствительности сердца. Увы! онѣ были орудіемъ гибели моей... „Раида!... ты могла мною пожертвовать!... Ты!... съ такою жесто„костію!... и кому?... Я не вымолвлю сего... Прости... все для меня „погибло... все, кромѣ пламенной къ тебѣ страсти, которая въ „раздранномъ тобою сердцѣ до послѣдняго издыханія пребудетъ“.

Конча письмо, посылаетъ его къ Раидѣ, а самъ выходитъ ѣхать. На крыльцѣ останавливается, возводитъ на небо томные взоры, всплескиваетъ руками:—городъ, возопилъ онъ, городъ, гдѣ я, усладя горести мои, начиналъ было наслаждаться покоемъ! я выѣзжаю изъ тебя тьмократно нещастнѣе, нежели въ тебя — въѣхалъ; прости!... ты больше не услышишь стенанія моего; земля твоя не окропится болѣе моими слезами, и имя мое изгладится во вѣкъ изъ памяти жителей твоихъ!... О! естьлибъ я никогда не въѣзжалъ въ тебя! и повергся полумертвой въ коляску, а колокольчикъ полнымъ звономъ своимъ возвѣстилъ, что въ О*** сдѣлалось меньше однимъ нещастнымъ.

Письмо Пламира отдано Раидѣ. Она читаетъ его почти равнодушно; чувство погасло въ ней, и сѣмя смерти лежало уже въ сердцѣ ея. Прежнихъ ударовъ довлѣло къ ея погубленію; сей послѣдній былъ уже лишній. Злѣйшая чахотка открылась въ ней, и приближала ее ко дверямъ гроба. Кровь ручьемъ лилась изъ груди ея,

и она чрезъ недѣлю послѣ свадьбы была не узнаваема. Поздно уже раскаивался Златимъ въ жестокости своей; поздно Блескаръ искалъ тщетными ласками оживотворить ее: она взирала на нихъ потусклыми очами; безъ злобы, безъ упрековъ принимала ихъ попеченія, и вздыхала только о той минутѣ, которая вмѣстѣ съ жизнію должна была окончить горести ея.

Между тѣмъ Пламиръ пріѣзжаетъ къ гр. С***. Онъ былъ ему знакомъ. Имѣя уже давно отпускъ въ чужіе краи, проситъ у него препоручительнаго письма къ принцу К***, начальствовавшему тогда Императорскими войсками; получаетъ его, оставляетъ свое отечество, и пріѣзжаетъ въ армію Цесарцовъ. Она осаждала Валансіенъ. Пламиръ приходитъ къ предводителю; подаетъ ему письмо отъ гр. С***; принцъ его принимаетъ ласково; разговариваетъ съ нимъ; встрѣчаетъ въ немъ, при благородномъ образѣ изъясненія, довольныя свѣдѣнія; полюбляетъ его, и спрашиваетъ, гдѣ и какъ онъ употребленъ быть хочетъ?—Тамъ и такъ, Ваша свѣтлость, гдѣ бы я могъ быть убитъ. Таковый отвѣтъ изумляетъ принца. Надобно, чтобъ вы претерпѣли великія нещастія. Позвольте мнѣ оныя сокрыть отъ Вашей свѣтлости. Я почитаю тайну честнаго человѣка, и не допытываюсь.—Я чувствую вѣжливость Вашей свѣтлости; дайте мнѣ почувствовать милость вашу, употребя меня.—Завтра назначено штурмовать этотъ отдѣленной редутъ, сказалъ принцъ, указавъ его Пламиру; желаете ли вы начальствовать двумя ротами, къ приступу назначенными?—Охотно! и откланявшись уходитъ. Возвращается къ себѣ, ложится, и, въ первой разъ по разлученіи съ Раидою, засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Возможность быть убиту, всякаго другаго тревожущая, успокоила его, и онъ проспалъ до самаго того часа, какъ надобно было итти принять приказъ и начальство надъ войсками, ему ввѣренными. Тутъ его разбудили. Наконецъ, говоритъ онъ твердымъ голосомъ, я успокоюсь!... сложу тяжкое бремя жизни... Раида!... прими жертву сію.—Вынимаетъ ея портретъ, которой всегда носилъ на сердцѣ своемъ; взираетъ на него съ возхищеніемъ, лобызаетъ его... въ послѣдній разъ; опять опускаетъ къ сердцу, произноситъ внутренно краткую молитву Всевышнему, и идетъ къ своему дѣлу. Я не стану описывать подвига его. Скажу только, что, не взирая на страшное сопротивленіе французовъ, редутъ былъ взятъ. Пламиръ первый бросается на него... и падаетъ пронзенъ смертнымъ ударомъ. Пуля, поразившая его, попала близъ сердца въ самой портретъ Раиды, и вдавила оной въ грудь Пламира. Лишеннаго чувствъ относятъ въ лагерь нещастнаго побѣдителя.

Приходитъ лѣкарь, осматриваетъ рану, и готовится вынимать куски портрета, въ груди оставшихся. Пламиръ приходитъ въ чувство.—Стой! говоритъ онъ умирающимъ, но твердымъ голосомъ, врачу, хотѣвшему начать операцію: стой!... я не допущу оторгнуть отъ сердца моего, этого небеснаго изображенія... Тутъ настоящее его мѣсто... Требуетъ бумаги, и собравъ оставшіяся силы пишетъ. „Раида! Я сохранилъ клятву мою. Божественный образъ твой пребылъ у сердца моего до смерти... Я уми...“ Онъ не могъ продолжать. Силы, напряженныя желаніемъ писать къ его любезной, изтощась, вдругъ его оставили. Онъ упадаетъ на подушки, успѣваетъ только сказать вѣрному камердинеру своему: Раидѣ— и съ словомъ симъ изпускаетъ духъ свой.

Тѣло его съ военною почестію предано было землѣ. Принцъ К** почтилъ память нещастнаго героя слезами своими и слуга съ письмомъ къ Раидѣ, оплакавъ его на мѣстѣ погребенія, возвращается въ Россію.

Между тѣмъ исторія Пламира сдѣлалась гласною въ арміи, и обстоятельства его прибытія, желанія умереть и не допущенія вынуть изъ груди портретъ любовницы, показались довольно странными и трогательными Газетиру, чтобы помѣстить ихъ въ листахъ своихъ. Скоро Европа узнала жалостное сіе приключеніе и Раидѣ прочли оное въ иностранныхъ вѣдомостяхъ. При чтеніи произшествія съ портретомъ, она содрогнулась, не зная отъ чего. Пламиръ, пріѣхавъ въ Цесарскую армію, перемѣнилъ имя, и симъ ложнымъ именемъ названъ былъ въ газетахъ; и такъ Раида не могла знать, что онъ былъ героемъ описаннаго приключенія, но сердце ея невѣдомымъ предчувствіемъ такъ стѣснилось, что она едва дослушать могла.

Раида была уже тогда въ отчаянномъ положеніи. Чахотка въ ней такъ усилилась, что она не вставала съ постели. Тѣмъ временемъ камердинеръ Пламира пріѣзжаетъ въ Москву, и, запечатавъ письмо господина своего, чрезъ почту доставляетъ къ Раидѣ. Она получаетъ его при отцѣ и мужѣ; развертываетъ, и узнаетъ руку дражайшаго своего Пламира. Читаетъ. Обстоятельства, описанныя въ газетахъ, вдругъ представляются уму ея, и дѣлаютъ ей письмо Пламира понятнымъ. Она все узнаетъ... и смертный хладъ объемлетъ сердце ея. Движеніе крови прерывается, руки держащія письмо, нѣмѣютъ, глаза останавливаются, устремленные на бѣдственную бумагу... Отецъ и мужъ, видя ее долго въ одномъ положеніи, подходятъ, кличутъ. Она молчитъ. Прикасаются ей... Она была мертва, и страстная душа ея въ жилищѣ праведныхъ соединилась уже съ душею вѣрнаго своего Пламира.

ИЗЪ САТИРЫ:

ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ С. Н. ДОЛГОРУКОВУ.

Изъ сатиры: Посланіе къ князю С. Н. Долгорукову*).

Воскресни, Ювеналъ, воскресни, правды другъ!
Вручи свою мнѣ кисть, впери въ меня свой духъ,
Чтобъ смѣлою рукой, презря эхидно жало,
Съ злодѣйства, съ глупости я сорвалъ покрывало;
Чтобъ въ сихъ моихъ стихахъ твой ѣдкій, рѣзкій слогъ
Постыдныя дѣла карать достойно могъ!
„Опять съ сатирою!“ я слышу, мнѣ пеняютъ:
„Опять стихи о томъ, о чемъ давно всѣ знаютъ!
„Людскія каверзы у всѣхъ на перечетъ;
„Напрасно желчь твоя, сатирикъ, потечетъ,
„И что ни скажешь ты, ужъ все обыкновенно!“
Какъ! подъ предлогомъ симъ, открыто, дерзновенно,
Подъявъ съ безстрашіемъ надменное чело
И языки связавъ, восторжествуетъ зло?
И мнѣ велятъ молчать за тѣмъ, что все не диво?
Быть можетъ, еслибъ я сказалъ, что племя лживо
Издавна завистью на истину кипитъ,
Что блескомъ золота дуракъ толпу слѣпитъ,
Что по приданому лишь цѣнится невѣста,
Что ходитъ человѣкъ съ способностью безъ мѣста,
А съ покровительствомъ у должности глупецъ,
Что деньгами досталъ ассессорство купецъ,
Что Сусликовъ себѣ лишь въ пуншѣ зритъ отраду...
Признаться, о такихъ писать мірскихъ грѣхахъ
И въ прозѣ не по что̀, не только что въ стихахъ.

*) Часть этой сатиры напечатана въ Памятн. отеч. музъ на 1827 г. подъ названіемъ: „*Невѣроятные*“. Кн. Сергѣй Николаевичъ Долгорукій (1770—1829) служилъ комендантомъ С.-Петербургской Петропавловской крѣпости, потомъ посланникомъ въ Гагѣ при Людовикѣ Бонапартѣ и при Іоахимѣ Мюратѣ въ Неаполѣ. Онъ собралъ Хронику Россійской Императорской арміи (1799).

Уже изъ давнихъ лѣтъ все это между нами
Обыкновенными считается дѣлами.
Но, къ вящему всегда стремяся, человѣкъ
Намъ новыя явилъ неистовства въ нашъ вѣкъ.
Не ужъ ли кажется то вещь обыкновенна,
Когда въ числѣ честныхъ, средь общества почтенна,
Безъ затрудненія Щечинъ себя вмѣстилъ,
Хоть банкомъ сто семействъ онъ по міру пустилъ?
Разбойникъ вѣжливый, неся безстыдну рожу,
Алкая холодно со всякаго драть кожу,
Тѣмъ развѣ сдѣлался на честнаго похожъ,
Что выдумалъ изъ картъ на ближнихъ сдѣлать ножъ?
Что нужды! Честенъ онъ, коль всюду безъ простою,
Лишь только проигралъ, всѣмъ платитъ чистотою.
Всѣ знаютъ, что онъ воръ, но принятъ потому,
Что конча партію, не долженъ никому,
А что онъ кралъ, такъ то онъ банкъ металъ счастливо.
А это, напримѣръ, ужъ ли не чтить за диво,
Когда, губернію Подлягинъ разоря
И ужъ отмѣченный указомъ отъ царя,
Другой родъ службы взялъ и, ко вреду *) законовъ,
Въ распоряженіе вступая милліоновъ,
Мнитъ такъ: пускай гражданъ мѣшаютъ грабить мнѣ,—
Убытокъ вымещу я этотъ на казнѣ. **)
Иль, жаркой мы когда бывъ заняты войной,
Заграбинъ и Хапковъ, въ подрядъ вступя съ казной,
Одинъ невыставкой припасовъ и доспѣховъ,
Ко славѣ препиналъ путь войскамъ средь успѣховъ;
Другой—на раненныхъ свершилъ въ госпиталяхъ
Смерть недоконченну на Марсовыхъ поляхъ:
Корыстолюбія всѣмъ жертвуя куміру,
Готовы подписать за грошъ погибель міру.
Хоть сдѣлались они, рождая бѣдствій тьмы,
Солдатамъ пагубнѣй картечей и чумы,
Но, покровительство доставъ себѣ изъ платы,
Великолѣпныя воздвигнули палаты,

---

*) Варіантъ: „ко стыду“.

**) Въ другой рукописи прибавлено:

И шествуя стезей воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою избавлюсь отъ веревки.

Даютъ и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы вспѣваютъ имъ хвалы;
Искуствомъ повара загладя преступленьи,
Средь пиршествъ жизнь ведутъ въ пріятномъ усыпленьи;
А воинъ между тѣмъ, пришедшій на клюкѣ
И, черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подъ окнами изстрѣленну десницу,
За счастье чтитъ достать отъ ихъ стола крупицу.
Посмотримъ на сего теперь откупщика!
Въ карманъ къ нему течетъ серебряна рѣка;
Презрѣвши скромные отца въ лаптяхъ примѣры,
Въ дворяне вышелъ онъ, и даже въ кавалеры,
И столько сдѣлался своей казною дюжъ,
Что тысячъ нѣсколько теперь имѣетъ душъ.
А началъ онъ съ чего? Какъ былъ еще купчишко,
Онъ кое-какъ тогда досталъ себѣ чинишко;
Но, встрѣтя къ откупамъ преграду чрезъ него,
Безстыдно отперся отъ имя своего:
Вдругъ сталъ опять купцомъ,—и вновь вступилъ въ дворяне,
Какъ туго у него ужъ сдѣлалось въ карманѣ.
Какихъ не принималъ къ обогащенью мѣръ
Сей изъ подносчиковъ возникшій кавалеръ!
Не удовольствуясь, что пьянствомъ портилъ нравы;
Онъ пакостилъ вино, клалъ вредныя приправы;
И часто, превратя народну радость въ плачъ,
На откупъ имъ взятыхъ губерній былъ палачъ.

Но кинемъ сихъ злодѣйствъ мерзительный соборъ!
На глупость, на порокъ простремъ усталый взоръ:
Посмотримъ, меньшель мы у нихъ въ порабощеньѣ,
И сильны ли у насъ успѣхи въ просвѣщеньи.
Первѣйшимъ долгомъ всѣ считаютъ межъ людей
О воспитаніи пещись своихъ дѣтей;
Къ ихъ свѣдѣнью довесть науки и искусства,
Любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать ихъ духъ,
Чтобъ сынъ отечества былъ вмѣстѣ людямъ другъ;
Вотъ сладкіе плоды трудовъ, отцамъ пріятныхъ!
Разсмотримъ же теперь своихъ *Невѣроятныхъ* *):

---

*) Incroyables.

Имѣютъ ли сіи отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знанія, чѣмъ ихъ умы набиты,
Намъ могутъ ли служить для пользы, иль защиты?
И съ полнымъ свѣдѣньемъ о всѣхъ земляхъ чужихъ,
Хоть сокращенное о нашей—есть ли въ нихъ?
Какой къ отечеству ихъ жаръ, къ служенью рвенье?
И къ праху праотцевъ въ душѣ благоговѣнье?...
Я тщетно Русскаго найти межъ ними льщусь:
Всякъ Англичанинъ въ нихъ, иль Нѣмецъ, иль Французъ;
Презрѣнье къ своему, къ чужому почитанье
Имъ иностранное внушило воспитанье.
Тамъ Вральманъ, тутъ Годдемъ, а здѣсь училъ Аббе, —
И всякъ образовалъ питомца по себѣ!
Дивиться должно ли, что сихъ людей уроки
Къ природнымъ привили и ихъ земель пороки?
Коль собственный развратъ умножили чужимъ,
Когда отечествомъ своимъ не дорожимъ,
Такъ дивно-ль, что, имѣвъ забавы тщетны цѣлью,
Тамъ посвящаютъ дни виновному бездѣлью?
Что съ помочей сойдя, мальчишка, въ двадцать лѣтъ,
Уже съ прелестницей открыто жизнь ведетъ?
Что тотъ, кто рожею сѣсть къ ставцу не умѣетъ,
Судить религію, судить правленье смѣетъ,
И, на губахъ не давъ обсохнуть молоку,
Предѣловъ не кладетъ болтливу языку;
По модѣ—врагъ дворянъ, по модѣ—другъ народа,
Свободою плѣненъ, не зная, что свобода,
И въ клубѣ англійскомъ прехрабрый молодецъ!
Но въ полѣ чести, тамъ, гдѣ палъ его отецъ,
Безстрашно защищавъ отечество любезно,
Онъ ни ногой туда,—и былобъ безполезно.
Наукамъ, кои знать дворянства есть удѣлъ,
Учиться онъ въ свой вѣкъ не могъ и не хотѣлъ
И, къ моднымъ знаніямъ стремя дары натуры,
Онъ мастеръ рисовать однѣ каррикатуры.
Чтожъ въ войскахъ сдѣлалъ бы присутствіемъ своимъ?
Помѣху бы, иль вредъ нанесъ невѣжда имъ.
Влачи всю жизнь свою въ потьмахъ, Невѣроятной,
И къ гробу, пляшучи, спѣши стезей развратной!
Предавши въ сихъ стихахъ, не льстя, изъ рода въ родъ,

Вкушаемый теперь отъ воспитанья плодъ,
Къ словесности на часъ мы нашей обратимся!
Произведеньями ея не восхитимся...
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Гордится, выпустя сентиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ;
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ;
А сей, вообразивъ, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье *),
Курсивомъ прописавъ змѣѣ свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ иль малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ затмился жаръ;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья.
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной **).
Орелъ поэзіи, честь лиры, слава Россовъ,
Къ тебѣ я обращусь, великій Ломоносовъ,
Къ тебѣ, котораго въ стихахъ безсмертный даръ
Въ тьмѣ подражателей родилъ напрасный жаръ!
Сколь путь шероховатъ къ Парнасу ихъ ватагѣ!
Надѣются, прыгнутъ, споткнулись и—въ оврагѣ!
Я часто оды ихъ читая, хохочу,
Бросаю и съ тобой бесѣдовать хочу.
Но, можетъ быть, театръ здѣсь славой Россіянамъ
И двѣ на немъ сестры къ намъ смотрятъ не Касьяномъ?***).
Заглянемъ на него, заглянемъ на успѣхъ
Искусства—въ насъ раждать иль слезы, или смѣхъ.
Какія, общаго достойны удивленья,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковины явленья?

---

*) Нападки на послѣдователей Карамзина.

**) Два классическіе стиха, ставшіе поговоркой.

***) То-есть не такъ рѣдко (Праздникъ Касьяна, 29 февраля, приходится только въ високосные годы). Можно толковать и другимъ образомъ т.-е. трагедія и комедія смотрятъ ли на насъ прямо, открыто, или какъ косоглазый заяцъ, который поэтому въ простомъ народѣ называется Касьяномъ.

И, скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?...
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ *)!
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца **);
Одинъ лишь „Сынъ любви“ здѣсь трогаетъ сердца!
„Гусситы“, „Попугай“ предпочтены Соренѣ
И Коцебятина ***) одна теперь на сценѣ.
О, сколькобъ былъ еще благословенъ сей часъ,
Когдабъ въ однихъ стихахъ лишь порча завелась.
И въ драматическихъ писаньяхъ здѣсь встрѣчалась!
Когда бы нравственность у насъ не развращалась;
Когда бы въ юношахъ свободы вредна страсть
Къ презрѣнью не вела у нихъ священну власть;
Когдабъ учители, возникшіе изъ грязи,
Софизмомъ родственны не разрывали связи;
Когда бы цѣлаго всякъ частью чтя себя,
Совлекся самости, отечество любя,
И, ревностью къ его служенью воспаленной,
Гордился русскимъ быть передъ лицемъ вселенной!
Но тщетно ждать сего отъ нашихъ молодцовъ:
Прошедшей славы громъ, примѣры ихъ отцовъ,
Безсильны тронуть въ нихъ собою полны души,
И долга общій гласъ вотще разитъ имъ въ уши.
Прочетши все сіе, еще ли скажутъ мнѣ:
Всегда бывало такъ на нашей сторонѣ!
Отъ вопля моего еще ли не проснутся!
Отъ слѣдствій пагубныхъ ещель не содрогнутся!
Вотъ что мнѣ сердце рветъ въ отечествѣ моемъ.
Къ несчастью, бывъ не слѣпъ, ищу я тщетно въ немъ
Болѣзненной душѣ хоть въ чемъ-нибудь утѣхи!
Часъ мрака наступилъ; сокрылись игры, смѣхи;

---

*) Англичане, а болѣе нѣмцы обыкновенно смѣшатъ въ комедіяхъ глупостями, выведенныхъ на сцену, пошлыхъ дураковъ, или сумасшедшихъ.

**) Здѣсь ясно виденъ приверженецъ ложно-классической трагедіи, недовольный ни драмами въ родѣ Лашоссе, Детуша и Дидро (такъ называемыми comédies larmoyantes), ни піесами нѣм. и англ. трагиковъ.

***) *Сынъ любви*, *Гусситы*, *Попугай* драматическія піесы Коцебу (1819) который сталъ входить у насъ въ моду преимущественно съ первыхъ лѣтъ прошлаго вѣка. Отсюда и „*Коцебятина*“.

Совсѣмъ лишились мы знакомства милыхъ музъ;
И если съ кѣмъ еще хранятъ онѣ союзъ,
То, ревомъ буйныя ватаги отстраненны,
Въ бесѣдахъ дружныхъ лишь возносятъ гласъ смиренный,
Межъ тѣмъ какъ дерзкаго невѣжства мутный илъ
Со всѣхъ сторонъ Парнасъ безстыдно наводнилъ.
На глупость, на развратъ глядѣть уставши въ мірѣ,
Я скрылся, чтобъ бряцать свободнѣе на лирѣ,
Чтобъ волю въ сихъ стихахъ дать чувству моему,
Ихъ дружбѣ посвятить и зрѣлому уму,
И льстяся, что они тягчить не будутъ скукой,
Тебѣ сей даръ принесть, любезный Долгорукой!
Прими его, прими, колико онъ ни малъ,
Еще не конченну, ему ты восплескалъ.

Сорена—трагедія Николева (1758—1815), возбуждавшая большое сочувствіе зрителей.

(Истор. Христоматія А. Галахова, томъ II. С.-Петергургъ 1864 г.).

СОВѢТЪ ПУСТОНУ.

СОВѢТЪ ПУСТОНУ.

Отдавши жизнь свою на жертву пустякамъ,
Дивимся, что они наскучатъ скоро намъ:
Хотя казалось бы съ разсудкомъ несогласно,
Но видимъ мы тому примѣры ежечасно.
„Ахъ, какъ противно все! вздохнувъ—ворчалъ Пустонъ,
„Веселье вдѣшнее одинъ лишь только сонъ!
„Владѣетъ скука мной, и всѣ мои забавы
„Не въ силахъ одолѣть въ душѣ ея отравы.
„Всего отвѣдалъ я; все въ жизни испыталъ:
„Что жъ вышло? самъ себѣ теперь несносенъ сталъ;
„Не знаю, что начать; что дѣлать мнѣ—не знаю.
„А знаю только то, что съ скуки умираю!“
Такъ конча контра-дансъ, Пустонъ негодовалъ,
И потъ распрысканнымъ платкомъ съ лица стиралъ.
О, бѣдный мой Пустонъ! такъ—жертва лютой скуки,
Ты долженъ вѣкъ сидѣть—поджавши только руки!
Ужъ все придѣлалъ ты, благодаря судьбѣ:
И не осталося заняться чѣмъ тебѣ.
Но что мнѣ разумѣть подъ этими словами?
Позволь спросить тебя, какими ты дѣлами
Къ утѣхѣ общества и къ пользѣ послужилъ?
И коимъ образомъ ты въ немъ доселѣ жилъ?
Когда отъ нашихъ войскъ враги тряслись въ Стамбулѣ,
Ты съ прочими тогда сражался ль при Кагулѣ?
Стремился ли, какъ нашъ въ Элладѣ вѣялъ флагъ,
Огнемъ преобратить флотъ варварскій во прахъ?
Иль твердою рукой держа вѣсы Ѳемиды,
Отмщалъ ли наглости, грабительства, обиды,
И зная, что равно страдаетъ рабъ и князь,

Ты праведнымъ судомъ крѣпилъ ли общу связь?
Скажи, которой мечъ, войны или закона,
Въ десницѣ былъ твоей гражданамъ оборона?
Ты мнѣ отвѣтствуешь: „довольно безъ меня
„Тѣхъ, кои почестьми сердца свои плѣня,
„Стремятся ихъ искать въ Приказахъ и въ сраженьи:
„Другаго рода мнѣ потребны упражненьи;
„Я знатенъ, я богатъ; не нужны мнѣ чины,
„Когда они съ такимъ трудомъ сопряжены,
„И тяжкіе съ собой приносятъ намъ уставы.
„Я счастливъ быть хотѣлъ—любя однѣ забавы!—
Изрядно.—Чѣмъ же ихъ ты тщился пріобресть?
Старался ль ты себя на верхъ Парнаса взнесть,
Испивъ отъ свѣтлыхъ струй изъ тока Иппокрены,
Насъ тронуть бѣдствіемъ Семиры и Сорены?
Иль Ломоносова трубой вооружась,
Петровы пѣть дѣла вознесъ свой громкій гласъ?
И видя, что у насъ недостаетъ Мольера,
Россіи новаго представилъ Лицемѣра?
Ты машешь головой. Знать, брося лирный тонъ,
Ты слѣдовалъ стезей, которой шелъ Невтонъ,
И путь шести планетъ вкругъ солнца измѣряя,
Небеснымъ занялся, земное презирая.
Чтожъ? Это хорошо! Оставя здѣшній свѣтъ—
Наслѣдника себѣ давно ужь Эйлеръ ждетъ.
Не то?—Такъ взявъ въ примѣръ Франклина, Прометея,
Ты страшный огнь съ небесъ похитилъ не робѣя?
Опять наморщился!—Иль прямо философъ
Доселѣ истину скрывающій покровъ,
Для общества раздралъ ты смѣлою рукою?
И новаго явилъ Гельвеція собою?
„Эхъ, нѣтъ! Ты мнѣ кричишь: „для этихъ скучныхъ дѣлъ
Я право никогда досуга не имѣлъ.
И па де ригодонъ—такъ много время проситъ,
Что службу всякъ за нимъ и всѣ Науки броситъ.
Къ нимъ нужны циркули, ландкарты, телескопъ,
Все надобно купить, а я записанъ въ клобъ,
И деньги берегу по чести не на книги:
Безъ денегъ ни начнешь, ни кончишь въ вѣкъ интриги!
Откуда я возьму кафтаны, экипажъ,
Жокеевъ, лошадей, на егерей плюмажъ?

Безъ денегъ попусту пройдетъ мое старанье,
И въ вѣкъ не попадешь въ нарядное катанье:—
А я ни одного изъ нихъ не пропускалъ!
И такъ ты видишь самъ, что все я испыталъ,
Всего насытился, скучая всѣмъ на свѣтѣ,
Мнѣ помощи пришлось искать въ твоемъ совѣтѣ.
Помысли, поищи, придумай, есть ли чѣмъ
Заняться мнѣ еще въ отечествѣ моемъ?“
— Такое впрямъ, Пустонъ, услыша разсужденье,
Нескоро для тебя пріищешь упражненье.
Ты къ пулямъ не привыкъ, въ законахъ не знатокъ;
Пермескія воды—тебя не манитъ токъ;
Не силенъ въ Алгебрѣ, не часто размышляешь,
И Ариѳметику лишь до дѣленья знаешь.
Однако не тужи. Когда охота есть,
Такъ въ силахъ пользу всякъ отечеству принесть,
И можно иногда избавиться отъ скуки,
Безъ службы, безъ стиховъ, безъ пуль и безъ науки.
Сыскалъ тебѣ, мой другъ, сыскалъ я ремесло:
Послушай... у тебя прекрасное село;
Ступай въ него, оставь жокеевъ и катанье,
И къ земледѣлію направь свое вниманье;
Учись и замѣчай въ какія времена
Тамъ выгоднѣй землѣ повѣрить сѣмена,—
Какъ утучнять ее, какъ съ малыми трудами
Покрыть свои поля обильными плодами,
Какъ въ пользу всѣ себѣ стихіи обращать
И честнымъ образомъ себя обогащать.
Смотри, чтобъ у тебя крестьяне не лѣнились
И прибыльно себѣ и обществу трудились.
На это рѣдкаго не надобно ума;
Научитъ опытность всему—тебя сама
И скука отъ тебя навѣки удалится.
Безъ цѣли никуда забава не годится!
Но вижу, что судя наружно обо всемъ,
Ты мысли низкія въ совѣтѣ зришь моемъ
И общимъ ослѣпя свой умъ предразсужденьемъ,
Считаешь мелочнымъ хозяйство упражненьемъ.
Внемли же: должности въ одинъ сцѣплены кругъ;
Не меньше прочаго, Россіи нуженъ плугъ;
Герой ее хранитъ, философъ просвѣщаетъ,

А добрый селянинъ трудомъ обогащаетъ
И хлѣбомъ житницы стараяся снабдить,
Двумъ первымъ подаетъ—онъ способъ ей служить.
Такъ точно подъ землей сокрыто основанье—
Великолѣпное поддерживаетъ зданье;
Никто его не зритъ, его судьбина мракъ,
А стѣны гордыя дивятъ прохожихъ зракъ;
Но зодчій видитъ въ немъ твердѣйшую подпору
Огромныхъ сихъ палатъ, толико льстящихъ взору.

(Изъ «Памятника Отечественныхъ Музъ на 1827 г.». Спб. 1827.)

ОТРЫВКИ ИЗЪ САТИРЫ ОНЪ И Я.

ОТРЫВКИ ИЗЪ САТИРЫ ОНЪ И Я.

(Авторъ, представляя въ сей Сатирѣ недовольнаго участью, даетъ ему урокъ. Недовольный, жалуясь на измѣну въ любви, на обойденіе знакомъ отличія, который заслужилъ ранами, но не получилъ—по коварству Секретаря при Военачальникѣ, продолжаетъ такъ описывать свои неудачи:)

Я маску Таліи, сестры ея кинжалъ,
И лиру и свирѣль—попеременно бралъ,
И нудя шпорами упрямаго Пегаса,
Случалось достигать вершины мнѣ Парнаса.
Но чтожь? никто моихъ не примѣчалъ трудовъ.
А нажилъ за стихи... ктобъ думать могъ?—враговъ!
Зоиловъ тьмы меня, хоть глупо, но язвили,
И все свое вранье на счетъ мнѣ становили.
Иной, хотя моимъ стараньемъ въ свѣтъ введенъ,
И мной же грамотѣ не много поученъ,
Чтобъ острякомъ себя въ собраніяхъ прославить,
На счетъ мой сказочки не упускалъ составить.
Тамъ въ бѣдности, своимъ карманъ считавшій мой,
Имѣнье получа нечаянной судьбой,
Въ бездѣлкѣ сдѣлать мнѣ отказъ не устыдился.
Тутъ мной доставшій чинъ, ужъ до того забылся,
Что встрѣтяся—въ лицо меня не узнавалъ,
И словомъ тщетно я труды истощевалъ—
Сыскать взаимную любовь—себѣ подобныхъ.
Въ нихъ хладныя сердца—отъ душъ зависятъ злобныхъ.
Для дружбы, для любви и для наукъ рожденъ,
Они софизмами разсудокъ мой кривили;
Неблагодарностью чувствительность давили.

Своекорыстіемъ ихъ души заразясь,
За нимъ единымъ въ слѣдъ стремились—не стыдясь.
На Марсовыхъ поляхъ я зрѣлъ несправедливость,
На Пиндѣ—мелочныхъ писателей кичливость,
Вездѣ дурачество, иль злость, иль мѣдной лобъ,
И наконецъ....
Ты сталъ съ досады мизантропъ.
Однакожь, дѣльно ль ты людей возненавидѣлъ?
Не спорю; лесть, обманъ и злость ты въ свѣтѣ видѣлъ.
Да... Я вѣдь и забылъ,.. обидѣли тебя!
Такъ почести въ душѣ единыя любя,
Не въ защищеніе Монарха и Державы,
На Марсовыхъ поляхъ ты рѣки лилъ кровавы?
И холодно неся себѣ подобнымъ смерть,
Къ убійству длань дерзнулъ за тѣмъ однимъ простерть,
Чтобы предъ всѣми въ крестъ спесиво нарядиться;
А не дали креста, такъ ты и сталъ сердиться!
Но проливая кровь для прихоти своей,
Какъ требовать ты смѣлъ и отъ другихъ людей,
Чтобъ прихоти свои съ тобой они забыли,
И имъ во вредъ, тебя за службу наградили?
Ты всѣ свои права на почесть отложа,
И не наемникомъ отечеству служа—
Награды хоть лишенъ, быть долженъ бы спокоенъ,
Довольствуяся тѣмъ, что былъ ея достоинъ.
Но всѣхъ надѣяся перомъ своимъ плѣнить,
Кто будетъ, думалъ ты, труды твои цѣнить
По правиламъ ума, и вкуса и ученья?
И кто отъ общаго ждетъ пользы просвѣщенья?
Склизинъ ли? что весь вѣкъ лишь въ карты проигралъ;
Судилъ всегда о всемъ, и обо всемъ—лишь вралъ!
Фортуны глупый сынъ, разжившись ненарокомъ,
Глядится въ зеркало всегда—довольнымъ окомъ,
И мыслитъ—за игрой поднявши крикъ и шумъ,
Что съ деньгами въ три-три онъ выигралъ и умъ.
Хапцовъ ли? что себя въ число ученыхъ прочитъ,
И для того вездѣ Гельвеція возноситъ,
Чтобъ криво смыслъ его намъ книги толковавъ,
Прослыть философомъ, всѣхъ въ карты обокравъ.
Гордонъ ли? что сидитъ въ кафтанѣ дома штомъ,
И даже и съ отцемъ—считается визитомъ,

Любя въ исправности хранить церемоньялъ.
Трусицкой ли? что вѣкъ въ прихожихъ простоялъ,
И въ цѣломъ городѣ одинъ всѣхъ лучше знаетъ—
Въ какомъ часу—какой вельможа принимаетъ.
Плутковъ ли? что въ купцахъ бывъ шильниковъ примѣръ,
И присужденъ къ тюрьмѣ, сталъ оберъ-офицеръ.
Дурындинъ ли? что вдругъ влюбляся въ представленья,
Истратилъ на театръ несчетны иждивенья,
Безграмотныхъ своихъ на сцену вывелъ слугъ,
И думаетъ—что всѣхъ гостей плѣняетъ духъ—
Какъ прачкой у него представлена Семира
А ткачь играетъ роль Синава, иль Зопира.
Вертушкинъ ли? что въ долгъ набравши гардеробъ
И маймистомъ себѣ убравъ виски и лобъ,
Такъ много кисеи вертитъ и въ жаръ вкругъ шеи,
Что хочется всегда поднесть ему шалфеи.
Невѣжинъ ли? что всѣхъ писателей соборъ
Въ сафьянъ переплетя, хранитъ—какъ бы фарфоръ.
Болтай ли? ищущій съ такимъ усердьемъ чести—
Разславить первому повсюду новы вѣсти,
Что еслибъ судъ его въ Сибирь приговорилъ,
Онъ сей бы приговоръ всѣмъ первый объявилъ.
Тщеславинъ ли? почти прожившій два имѣнья,
Пріѣзжимъ дѣлая вельможамъ угощенья.
Разсмѣшинъ ли? что весь дивя разумный свѣтъ—
Какъ грамотѣ не знавъ, вдругъ сдѣлался поэтъ,—
Комедіи на зло разсудку сочиняетъ,
И остроту въ себѣ—злословьемъ замѣняетъ.
Графъ Мелкодушинъ ли? извѣстный потому,
Что въ арміи всегда послѣдуя уму,
Охотой просится тогда на приступъ смѣло,
Какъ съ непріятелемъ окончано ужъ дѣло.
Князь Водкинъ ли? что всѣхъ донынѣ обсчиталъ,
И милліонщикъ бывъ, богатства такъ алкаетъ,
Что всѣ стихіи взять на откупъ предлагаетъ.
Есть тысяча другихъ, которыхъ въ свѣтѣ семъ
Людьми—по старому обычаю—зовемъ,
Но больше для того симъ титломъ величаемъ,
Что ихъ на двухъ ногахъ безъ перьевъ мы встрѣчаемъ.
Различны по страстямъ, различны по уму,
Согласны всѣ въ любви лишь къ злату одному:

Въ забавахъ и трудахъ—оно у нихъ предметомъ.
Вотъ предъ какимъ хотѣлъ прославиться ты свѣтомъ!
Вотъ для кого, мой другъ, на лирѣ ты гремѣлъ!
Какое съ ними ты намѣренье имѣлъ?
Утѣшить ихъ?—утѣхъ ума они не знаютъ.
Наставить ихъ?—они тебя не понимаютъ.
Своекорыстіе съ невѣжествомъ смѣсясь
Ихъ, тѣломъ и душой насильно тащитъ въ грязь;
Невѣдущимъ красотъ искуства и природы,
Утѣха карты имъ, цѣль—откупы, заводы.
Но ежели бы духъ искалъ утѣшить свой
Ты исполненіемъ лишь должности одной,
Отъ совѣсти своей снискавши одобренье,
Ругательство невѣждъ ты бъ зрѣлъ безъ оскорбленья,
Не столько бы спѣшилъ за мнимой славой въ слѣдъ,
Которой зараженъ сей развращенный свѣтъ,
И недоставъ ее, не сталъ бы такъ дивиться
Что оною никто не хочетъ подѣлиться.
Увы!—испорченной природѣ, сей призракъ
Во слѣпотѣ ея теперь любезенъ такъ,
Что даже страсти всѣ, какъ хочешь дай имъ званье,
Тщеславье суть одно—лишь въ разномъ одѣяньи!
И такъ всеобщій сей зря свѣтскихъ дѣйствій токъ,
Не на людей сердись,—сердися на порокъ.
Когда бъ тебѣ пришло съ слѣпыми гдѣ тѣсниться,
И ты, не захотѣвъ отъ нихъ посторониться,
Себѣ упрямствомъ симъ далъ ногу отдавить,
Не самъ ли ты себя въ томъ долженъ бы винить?
Повѣрь, что въ цѣлости сберечь желая ногу,
Иль не ходи къ слѣпымъ, иль—имъ давай дорогу.
Давно отъ мудрыхъ намъ ужъ рѣшено, мой другъ,
Что въ внѣшнихъ кто вещахъ блаженство заключаетъ,
Тотъ зданье на пескѣ непрочно созидаетъ.
Узнай о истинномъ блаженствѣ, гдѣ оно?
Внутрь сердца твоего, въ тебѣ заключено!
Умѣря шумъ страстей усильною борьбою,
Познай себя, и все—познаешь ты съ собою!
Познаешь цѣль—къ чему ты сотворенъ на свѣтъ.
Тотъ вѣчно ничего конечно не найдетъ
Который въ жизни сей *чего-то* только ищетъ.
И ежели искавъ, вселенную изрыщетъ,

Лишь *что-то* вмѣсто всѣхъ получитъ онъ наградъ;
А это *что-то*, намъ—и есть въ семъ мірѣ адъ.
Иль просто: пышностью, сребромъ, пустой наукой,
Не могши сыты быть, терзаемся мы скукой.
Такъ что же дѣлать мнѣ?
Тщеславье истребя,
Будь добръ для ближняго, а счастливъ для себя.

„Памятникъ Отечественныхъ Музъ, на 1827 г.“ Спб. 1827.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ БЕЗПЕЧНЫЙ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ БЕЗПЕЧНЫЙ

Легкосердъ и Прелеста.

Легкосердъ.

Куда же
Въ нарядномъ онъ теперь поѣхалъ экипажѣ?
Небось, Прелеста, я тебѣ порукой въ томъ,
Что съ мѣстомъ онъ домой пріѣдетъ, и съ чинкомъ.
Признаться, давиче онъ такъ накуралесилъ,
Что я было и самъ носокъ сперва повѣсилъ,
И думалъ, что совсѣмъ имѣнье потерялъ.
Однако же теперь какъ все объ немъ узналъ,
Спокоенъ, хоть еще не кончилася сдѣлка.
Ростовщика сломать теперь уже бездѣлка,
И стоитъ лишь труда—словцо одно сказать,
Такъ радъ изъ трусости скупяга этотъ ждать.
Притомъ и зятнино теперь ужъ дѣло въ шляпѣ.
Судьямъ своимъ щелчка онъ тотчасъ дастъ по лапѣ.
Ты знаешь, что изъ нихъ вѣдь многіе, мой другъ,
Передъ случайными согнуться рады въ крюкъ;
Лице большихъ бояръ—вотъ все ихъ и зерцало:
Гдѣ малодушіе имъ должность предписало.
Да много и того. Для нихъ и секретарь
Большаго барина, почтеннѣйшая тварь.

Прелеста.

Хоть видѣть тяжело дурныя чувства, нравы,
Но въ этомъ къ общему несчастію—вы правы...

Легкосердъ.

Да кто же виноватъ? когда не сами мы?
Куда своихъ дѣтей свернули мы умы?
Дворянства должности въ ихъ сердцѣ истребили,

И чужестранною лишь пустошью набили.
А что причиною прямою этихъ бѣдъ?
Обычай общій нашъ—брести боярамъ въ слѣдъ.
Они дѣтей своихъ пошлютъ въ заморски школы
И мы, не осмотрясь, богаты, или голы,
Своихъ туда же шлемъ; какъ будто бы у насъ
Наукъ и разума совсѣмъ исчезнулъ гласъ;
Да ужъ добробъ они тамъ стали мудрецами,
А то противное: еще бѣднѣй умами!

Прелеста,

Полезно видѣть намъ и чужестранный свѣтъ.

Легкосердъ.

Но дай дѣтямъ достичь до совершенныхъ лѣтъ,
А то ребятъ отцы пошлютъ въ чужіе краи
И сердятся, что ихъ заморски попугаи,
Не знавъ земли своей обычаевъ и правъ,
Хотятъ отечество—на свой поставить нравъ
И для большихъ чиновъ себя неизготовя—
Живутъ безъ нихъ, за то правительство злословя.
Примѣръ тому одинъ богатый дворянинъ:
Въ Парижѣ у него учился съ дѣтства сынъ,
А выучился тамъ—ходить лишь по веревкѣ.
Отецъ былъ радъ его пріѣзду, какъ обновкѣ;
Министра ждалъ къ себѣ: чтожъ вышло?
Балансеръ!
То правда; на словахъ довольно онъ остеръ;
Довольно наученъ французскимъ прибауткамъ;
Но вѣкъ свой посвятивъ однимъ лишь только шуткамъ,
Онъ долгъ къ отечеству, природы долгъ забылъ,
И въ службѣ мѣсто онъ иному уступилъ:
А такъ и многіе, свободой безразсудной
Набившись за моремъ, за долгъ считаютъ трудной
Отечеству служить: и въ чести рождены,
По нуждѣ низкими людьми обойдены.
Вотъ для чего у насъ головъ хоть умныхъ много,
Но сердце ихъ—прошу не слѣдовать ужъ строго.
А нравственность ихъ взявъ и мѣлкіе въ примѣръ,
Не ставятъ трусости своей границъ, ни мѣръ;
И въ этотъ кругъ, гдѣ всякъ лишь о себѣ радѣетъ,
Честь съ добродѣтелью—и заглянуть не смѣетъ!

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Здравомысловъ, Легкосердъ, Прелеста, Марина, Востроперовъ, Лука и Крючкотворовъ.

Празднолюбъ *(входя съ досадою).*

Куда какая мнѣ отъ этаго забава!
Что бросилъ маскерадъ! не сущій ли дуракъ!
(Легкосерду).
Скажите батюшка, на что я нуженъ такъ.
(Востроперову).
Ага! здорово мой любезный Востроперовъ!
(Прелесть).
Вѣдь вѣрно для какихъ нибудь я вызванъ вздоровъ.
(Востроперову).
Ба, къ статѣ, видно ты въ досадѣ на меня,
Что нынче съ изнова министра проманя
Я долженъ былъ солгать. Ну радъ тебѣ божиться,
Что всѣми силами старался бы явиться.
Пріѣхалъ Быстролетъ—уговорилъ гулять!
То правда, что ужъ съ нимъ не вздумаешь зѣвать;
Онъ въ свѣтѣ лишь одинъ такъ мастеръ все устроить,
Однакожъ извини—впередъ...

Востроперовъ.

Вамъ безпокоить
Нѣтъ нужды ужъ себя, все кончено теперь;
И заперта, сударь, для васъ къ министру дверь.

Празднолюбъ.

Ты шутишь, что это? Въ твоихъ словахъ нѣтъ смыслу.

Востроперовъ.

Яснѣе вамъ сказать:—чинъ отданъ Здравомыслу.
Слуга покорный. (*Уходитъ*).

Празднолюбъ.

Какъ! затѣмъ-то вызванъ я?

Легкосердъ.

Нѣтъ. Проситъ васъ еще на свадьбу дочь моя.

Празднолюбъ.

Куда?

Легкосердъ.

Не ужъ-то вамъ такъ трудно догадаться!
Съ Прелестой Здравомыслъ сей часъ идетъ вѣнчаться.

Празднолюбъ.

А ваше слово мнѣ?

Легкосердъ.

А много ль въ жизни словъ
Ты самъ сдержалъ? И я, братъ также философъ.
Тобою пустякамъ я наученъ довольно.
Что морщиться? какъ быть! и мнѣ вѣдь было больно,
Какъ я помилости твоей терялъ село.
Спасибо, что его мнѣ щастье привело,
А то бы намъ пришло—суму носить съ тобою.

Здравомысловъ.

Довольно, батюшка, наказанъ онъ собою.
Оставьте, ужъ и такъ ударъ ему жестокъ.

Легкосердъ.

Чтожъ, видно ты ко мнѣ на свадьбу не ходокъ?
Не ужъ-то вздумалъ ты объ этомъ огорчаться?
Пристало ли такой бездѣлкой заниматься
Философу? фай, фай!—Прощайте—вашъ слуга.

(*уходитъ съ Прелестой и Здравомысломъ, Марина идетъ за Прелестою*).

Лука.

Я зналъ, что будетъ намъ безпечность дорога!
(*Побѣжавъ вслѣдъ за Мариною*).
Ай, ай! постой, постой! и ты туда жъ Марина?
Чѣмъ я тутъ виноватъ?

Марина.

Пѣняй на господина. (*Уходитъ*).

Лука.

Такъ видно всѣмъ сестрамъ—досталось по серьгамъ!

Крючкотворовъ (*подступая къ Празднолюбу съ поклономъ*).

Мнѣ мнится, государь! теперь досужно вамъ?...

Празднолюбъ.

Что ты еще?

Крючкотворовъ.

Пришелъ напомнить вамъ о дѣлѣ.
Понеже минулъ срокъ годичный, въ сей недѣлѣ,
И именно въ сей день, такъ судъ послалъ указъ—
Въ той силѣ, чтобы взявъ имѣнье все отъ васъ,
Отдать сопернику въ владѣнье невозвратно.

Празднолюбъ.

Что слышу! все ль теперь, о щастіе превратно
Свершило ты со мной? Иль малъ мнѣ тотъ ударъ,
Которымъ похищенъ дражайшій сердцу даръ—
Рай жизни! отнята—любезная Прелеста.
Или мала еще потеря чина, мѣста,
Что голову куда не зная преклонить,
Въ несносной бѣдности я долженъ буду жить,
Имѣнія лишась за глупую просрочку.
Что дѣлать мнѣ теперь?

Лука.

Купить извольте бочку
Да изъ нее, сударь, себѣ постройте домъ.
Такъ точно какъ мудрецъ... кого вы за столомъ
Съ друзьями до небесъ вчера превозносили.

Празднолюбъ.

Молчи.

Лука.

Вотъ сами же чудесъ наколесили!
А я сталъ виноватъ.

Празднолюбъ *(по нѣкоторомъ размышленіи).*

Нѣтъ, нѣтъ, Лука, ты правъ.
Такъ смѣйся надо мной, брани мой глупый нравъ;
Пусть, видѣвши мой стыдъ, у всѣхъ въ умѣ твердится,
Какой намъ горькой плодъ безпечностью родится
И наконецъ, къ чему она приводитъ насъ.
Жалѣя въ праздности для дѣлъ потратить часъ,
Я къ крайности себя низвергнулъ совершенной;
Я гибну.—Но спастись есть способъ мнѣ почтенной.

Лука.

Какой, сударь?

Праздполюбъ.

Какой? Отечеству служить.
Досаду на отказъ Министра отложить.
Взять чинъ, какой дадутъ. И естьли есть возможность
Загладить прежнихъ дней постыдную ничтожность.

(Изъ „Памятника Отечественныхъ Музъ“ на 1828-й г. Спб. 1828).

РУССКІЙ У ПОДОШВЫ ЧАТЫРДАГА.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г. стр. 1286 помѣщено слѣдующее стихотвореніе:

РУССКІЙ У ПОДОШВЫ ЧАТЫРДАГА.

Сочиненіе князя Д. П. Горчакова, писанное передъ 1812 годомъ.

Вчера еще являлъ надменный Чатырдагъ
Чело, блестящее лучемъ послѣднимъ Ѳеба,
Вчера еще лазурь отсвѣчивалась неба
Въ скрывающихъ его вершину вѣчныхъ льдахъ;
Вдругъ Весперъ налетѣлъ, одѣянъ бурной мглою,
Туманами покрылъ гиганта грозный видъ—
И царь Таврійскихъ горъ ужъ взора не дивитъ
Своей сверкающей, грозящею главою!

Такъ мыслилъ я, челомъ поникши долу,
Истоку пресѣдя Салгирскихъ мутныхъ водъ.
Ахъ, все подъ солнцемъ свой имѣетъ оборотъ,
Премѣна хижинѣ присуща и престолу!
Какъ падающихъ звѣздъ мгновенно тускнетъ блескъ,
Подобно міра царствъ сіянье исчезаетъ;
Едва могуществомъ родъ смертныхъ ужасаетъ—
И ужъ валящейся громады слышенъ трескъ!

Тутъ, къ дивнымъ нашихъ дней событьямъ обращая
Взоръ, человѣчества напастьми утомленъ
И сына чувствіемъ къ странѣ своей вспаленъ,
Со вздохомъ, съ горестью воскликнулъ я вѣщая.
Гдѣ лаврами побѣдъ обвитый мечъ твой, Россъ?
Гдѣ сильная рука, страшившая вселенну?
Тебѣ ли, слабостью внезапной изумленну,
Посмѣлъ предписывать уставы дерзкій Корсъ?

Ужель всю мощь твою, весь духъ Екатерина
Сокрыла въ гробъ съ собой?...
Ужель къ паденью царствъ назначенна судьбой,
Приспѣла срочная и для тебя година?
Тогдаль, какъ къ небесамъ вознесъ главу колосъ,
Въ немъ внутренность моздитъ отрава;
Тогдаль, какъ въ полнотѣ созрѣлъ, ко славѣ Россъ,
Его внезапно меркнетъ слава?
Пространна колыбель героевъ искони,
Отечество мое,—страна мужей почтенныхъ,
Вселенную дивитъ тобою воздоенныхъ,
Встань, прахъ стряси отъ вѣждъ и на себя взгляни,
На славу, коея предѣлы міра полны,
На способы твои несчетны кинь твой взоръ;
Здѣсь духъ твоихъ сыновъ, тамъ злато въ нѣдрахъ горъ,
А вкругъ седьми морей тебѣ послушны волны.
Давноли Оттоманъ гордящійся дрожалъ,
Румянцовымъ твоимъ въ Стамбулѣ устрашенный?
Давноль кичливый Галлъ руки твоей бѣжалъ,
Суворовымъ твоимъ нещадно пораженный?
Здѣсь царство силою ума покорено,
Тамъ царство истребилъ твой мечъ правдива мщенья,
На верхъ величества и славы взнесено,
По волѣ кротость ты являю, иль прещенье.
Какой же чарою противъ своихъ враговъ
На ратномъ поприщѣ безсильствуешь ты нынѣ?
Какой враждебный духъ, устроя хитрый ковъ,
Къ постыдной могъ тебя довесть теперь судьбинѣ?
Въ Россіи ли уже великихъ нѣтъ мужей?
Ихъ въ нѣдрахъ у себя она всегда имѣла.
Петръ государственныхъ творилъ людей,
Екатерина ихъ отыскивать умѣла.
Отечественный духъ въ Россіи возбудить
Единое удобно слово.
Умѣть и умереть, умѣть и побѣдить—
Для Россовъ никогда не ново.
Нѣтъ нужды намъ искать героевъ чуждыхъ странъ,—
Довольно есть своихъ искусныхъ сограждан,
Чрезъ воды насъ, чрезъ огнь, могущихъ весть въ храмъ славы;
Монархъ, отечество—ихъ правила, уставы.
Но если зодчій, взявъ гдѣ глину за гранитъ,

Изъ нихъ соорудить огромный храмъ возмнитъ,
Обрушиться должно тотчасъ непрочно зданье;
Когда употребленъ въ дѣлахъ
Невѣжда, или даже врагъ,
Худой успѣхъ всегда обманетъ ожиданье.
Пристрастью тамо мѣста нѣтъ,
Гдѣ требуютъ отечество и слава
Не гибкаго, уклончиваго нрава,
Не дворской хитрости отъ вождей, а побѣдъ!
Коль дарованіямъ, заслугамъ предпочтенна,
Дышаща дерзостью, неопытность надменна,
Иль ползающа лесть, душъ мелкихъ гнусный даръ,
Готовъ тутъ гибельный ударъ,
И царствъ паденія минута приближенна.
О вы! что честолюбья гласъ
Влечетъ за пышностью, за почестьми, чинами,—
Почестолюбствуйте хоть разъ
Прямыми быть отечества сынами.
Отвѣдайте вкусить пресладостный нектаръ
Хвалы, не лестію сплетенный сильнымъ въ даръ
И не наемничей рукою начерченный,
Но сердцемъ вашимъ въ васъ самихъ произведенный.
Вотще всей силою ко благу воспаритъ
Монархъ, хоть съ ангельской душей на свѣтъ рожденный,
Успѣхами труды не будутъ награжденны,
Достойныхъ коль себѣ сотрудниковъ не зритъ;
Безплодно проведетъ онъ дни свои въ заботѣ,
Чтобы къ величеству страну свою возвесть!
Что̀ можетъ славнаго ваятель произвесть,
Имѣющій рѣзцы негодные къ работѣ?
Владыки царствъ земныхъ!
Межъ милліонами подвластна вамъ народа,
Великихъ душъ рождать не устаетъ природа;
Употребляйте только ихъ;
И мудростью водимы,
Ихъ отличать въ толпѣ стремите бдящій взоръ:
Такъ злато рудокопъ въ ущельяхъ видитъ горъ,
Гдѣ мыслятъ зрѣть одну дресву простолюдины.

(Сообщено А. И. Казначеевымъ).

БЕСѢДА О СУЕТНОСТИ.

БЕСѢДА О СУЕТНОСТИ.

Къ А. С. Х.

Давно, любезный другъ, живя съ тобой на свѣтѣ
И видя суетность одну у всѣхъ въ предметѣ,
Должныль дивиться мы, что умный и дуракъ,
Блаженствомъ каждый чтя наружности призракъ,
Готовъ не для того трудясь изъ кожи рваться,
Чтобы счастливымъ быть; но чтобъ такимъ казаться.
Сей міръ есть маскарадъ, гдѣ всѣ перерядясь,
Толкаются, своей личиною гордясь;
Мечтаютъ, что дошли до вышней блага цѣли,
Коль истинный свой видъ въ чужемъ сокрыть умѣли;
Коль пышной странностью уборовъ и одеждъ
Могли привесть въ восторгъ толпу зѣвакъ, невѣждъ.
Нѣтъ нужды, что дышать личина имъ мѣшаетъ,
Что флеръ, закрывъ глаза, ихъ зрѣнія лишаетъ,
Что жмутъ со всѣхъ сторонъ завязки и шнурки,
И средства нѣтъ согнуть, ни вытянуть руки;
Крехтятъ въ молчаніи, потѣютъ терпѣливо,
Лишь завтра бы сказать: „Всѣ чли меня за диво“.
Какъ можно быть сему, ты скажешь мнѣ въ отвѣтъ,
Неужто для того всякъ пущенъ здѣсь на свѣтъ,
Чтобъ счастье полагать лишь въ мнѣніяхъ инова?
Такъ точно; и сія хоть истинна не нова,
Но смертныхъ родъ такимъ пребудетъ до конца,
Отъ шпаги до пера, отъ шапки до вѣнца.
Взгляните на сего вы мнимого героя:
Онъ ищетъ счастія, напасти ближнимъ строя.
Путь, коимъ онъ достичь мнитъ лаврова вѣнка,
Багритъ со всѣхъ сторонъ кровавая рѣка;
Убійствомъ, грабежемъ отягощаетъ совѣсть,
Алкая помѣстить себя въ военну повѣсть

И міра предъ лицемъ чтобъ дивнымъ быть ему
Онъ копитъ на главу себѣ проклятій тьму;
Всѣмъ хочетъ овладѣть, и сушей, и водами;
Всю жизнь свою томитъ безсоньемъ и трудами;
И рушитъ естества въ свою погибель чинъ.
Повѣрьте, Персовъ бичь на свѣтѣ не одинъ
Межъ тѣхъ, которые за тѣмъ кровь ближнихъ лили,
Чтобъ ихъ на торжищѣ въ Аѳинахъ похвалили.
А этотъ другъ забавъ, вертяся вкругъ него,
Веселу бросилъ жизнь, и бьется изъ чего?
На Марсовыхъ поляхъ онъ мѣста не имѣетъ;
Полки устроить въ бой и весть ихъ не умѣетъ;
Почто же, на бедрѣ влача невинный мечь,
Какъ листъ дрожитъ, а лобъ несетъ противъ картечь?
Онъ очень вѣдаетъ, что битва не игрушка,
Что непріятельска страшна, ужасна пушка;
Но въ мысляхъ суетныхъ мечтаетъ лишь о томъ,
Что шествуя во слѣдъ герою съ торжествомъ,
Хоть тѣнью онъ себя украситъ ратна чина
Назначась за походъ къ шнуру отъ балдахина.
Зачѣмъ же сей богачъ томится у двора,
Чего онъ ищетъ тамъ, какого ждетъ добра?
Для счастья надѣленъ столь знатнымъ онъ имѣньемъ,
Что даже есть-либъ духъ питалъ благотвореньемъ,
Сокровища на все досталобъ у него;
Но, ближнимъ заградя входъ сердца своего,
Растрачиваетъ онъ и деньги, и здоровье,
Чтобъ какъ-нибудь попасть въ придворное сословье.
Готовый пасть всегда временщиковъ къ ногамъ,
Онъ смотритъ имъ въ глаза, и труситъ ихъ слугамъ,
Спокойною своей не уважая долей,
Простился для бояръ онъ съ разумомъ и волей,
И бредитъ только тѣмъ и въ явѣ, и во снѣ,
Что взятый ко двору, себѣ, дѣтямъ, женѣ
Большой доставить блескъ и знатности примѣты,
Когда войдетъ въ права ошаркивать паркеты.
И се являетъ намъ иный тщеславья родъ
Блескаръ, которому уступитъ самъ Эротъ
Въ успѣхѣ обольщать прекрасна пола чувство.
Онъ всѣ усилія, онъ все свое искуство
Стремитъ, чтобы въ любви счастливцемъ слыть у всѣхъ.

Сердечныхъ никогда не ищетъ онъ утѣхъ,
Сужденья свѣтскаго влекомый вышней силой,
Онъ модную всегда предпочитаетъ милой;
Родъ знатный—нѣжности; богатство—красотѣ;
А ловкость щеголихъ—любезной простотѣ.
Изъ чванства одного, презря ихъ сердце страстно,
О той, кѣмъ презрѣнъ самъ, вздыхаетъ онъ напрасно;
А ежели, когда невинность обольстивъ,
Въ объятьяхъ нѣжности бываетъ и счастливъ,
То благомъ симъ не съ тѣмъ желаетъ насладиться,
Чтобъ вѣкъ имъ дорожить, но только похвалиться.
Спѣши, Блескаръ, спѣши въ слѣдъ счастію сему;
Ищи его на зло и сердцу и уму.
Чтожъ, естьли мы воззримъ въ Ѳемидины чертоги,
Гдѣ должнобъ изрекать судъ праведный и строгій,
Гдѣ съ хищной ябедой безсильствуя въ борьбѣ,
Ждутъ защищенія невинные себѣ,
Гдѣ, жаломъ клеветы коварно уязвленны,
Ждутъ оправданія передъ лицемъ вселенны,
Въ сихъ храмахъ истинны, судилищахъ священныхъ,
Всегдаль закона щитъ готовъ для утѣсненныхъ?
Не зримъ ли иногда, что міра судіи
Безъ страха, безъ стыда, вѣсы кривятъ свои.
То покровительства искавъ, вертятъ душею,
Въ надеждѣ почестью украсить грудь, иль шею;
То къ празднику, чтобъ дать шаль модную женѣ,
Иль ѣхать самому на рѣзвомъ бѣгунѣ,
Невиннаго влекутъ подъ строгій мечь закона,
Берутъ послѣднее, сиротъ чуждаясь стона
И чистой совѣсти, считая скучнымъ свѣтъ,
Спѣшатъ ее заклать на олтарѣ суетъ.
Но это городскихъ лишь жителей разстройства:
У нихъ тщеславіе виной звѣрина свойства,
А замысловъ въ умѣ рожденныхъ суетой
Избавленъ селянинъ обычья простотой.
Тамъ, внемля безъ затѣй сердечному хотѣнью,
Оставя подлинность, не гонятся за тѣнью;
Всѣ въ путь идутъ прямый. Нѣтъ, другъ любезн ый нѣтъ
Въ селѣ и въ городѣ страдаютъ отъ суетъ.
Ванюша, напримѣръ, всѣмъ сердцемъ любитъ Грушу;
Они въ своемъ селѣ живутъ душею въ душу,

И розговенья ждутъ для брачнаго вѣнца.
Ванюша сирота безъ матери, отца.
Живетъ кой какъ, и самъ всѣмъ бытомъ управляетъ;
У Груши бабушка всю семью составляетъ;
Во всемъ они ровны: какимъ бы быть бѣдамъ?
Вдругъ сдѣлались у нихъ торги по середамъ,
А въ праздникъ годовой и ярмонка урочна;
Все взволновалося, и наша непорочна
Задумала чета, чтобъ вырядясь на стать,
Чегобъ ни стоило, у праздника предстать.
Ванюша суетясь почти разстался съ домомъ;
Онъ смурый вздѣвъ кафтанъ и шапочку съ заломомъ,
Явился молодцемъ всѣхъ прочихъ удалѣй,
И съ дѣвушками сталъ заигрывать смѣлѣй,
А Груша, хоть чужой, повязкой золотною
Украся голову, вся сдѣлалась иною:
Кумачный сарафанъ, шелковый поясокъ
Вскружили голову и, вздернувши носокъ,
Ужъ Ванѣ своему она готовитъ смѣну;
Уже и нашъ Иванъ мѣняетъ Аграфену.
И словомъ, съ самаго сего имъ черна дня,
Какъ ни трудилися и свахи, и родня,
Ихъ свадьба разошлась; потомъ хоть вѣкъ грустили,
Но прежнихъ красныхъ дней уже не воротили.
Такъ часто намъ судьбу рѣшитъ единый шагъ;
Такъ суетность всегда людскаго счастья врагъ.
Мечтою упоенъ, родъ смертныхъ въ горькой долѣ;
Обратно къ простотѣ пути не видитъ болѣ:
И опытъ ясно то намъ кажетъ всякій день,
Что Ваня мыслящій вздѣть шапку на бекрень,
И Пирръ алкающій сосѣдственной короны,
Противъ тщеславія равно безъ обороны.

(Изъ „Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, книга 7-я. Спб. 1812).

БЕСѢДА О УЕДИНЕНІИ.

ВЕСТБА О УЕДИНЕНІИ.

БЕСѢДА О УЕДИНЕНІИ.

Къ А. С. Таранову.

Когда мы устранясь съ тобой отъ свѣтскихъ бурь,
Подъ чистую небесъ безоблачныхъ лазурь,
Дышали воздухомъ климата благотворна,
Когда питающа насъ дружба не притворна,
Чистосердечію свободный путь открывъ,
Избавила отъ узъ нашъ мысленный порывъ
И смѣло всюды мы стремили воображенье,
Скажи, любезный другъ, сіе уединенье,
Сія бесѣда душъ, сей искренности часъ
Не сладостнѣй ли былъ мірскихъ утѣхъ сто разъ?
Тутъ умъ, не опьяненъ страстей зловредныхъ чадомъ,
Удобенъ внутрь вещей проникнуть острымъ взглядомъ,
Тутъ къ мудрости ничто не препинаетъ путь,
Тутъ время есть въ свое и сердце заглянуть.
Презря полезную съ самимъ собой содружность
Ужель намъ суждено стремиться вѣкъ въ наружность!
Ужель не видимъ мы, что въ сонмищѣ забавъ
Не просвѣтится умъ, не вычистится нравъ!
О смертный, если ты ущедренъ такъ судьбою,
Что можешь жить одинъ, спѣши пожить съ собою
Иль съ другомъ, раздѣля свободный часъ отъ дѣлъ,
Спѣши съ нимъ взоръ простерть истленья за предѣлъ.

Такъ часто проводя съ тобой часы полезны,
Въ изгибы сердца мы вникали другъ любезный.
Такъ, часто зеркаломъ другъ другу послужа,
И внутренность души взаимно обнажа,
Учились быть добрѣй, и для себя лишь строги,
Учились извинять, что смертные не боги;
Когдажъ стараніе успѣхъ не совершилъ,
Въ насъ лѣнь тому виной, а не ничтожность силъ.

Но сколько въ свѣтѣ есть людей, которыхъ мнѣнье,
Въ число безумныхъ дѣлъ кладетъ уединенье,
Которымъ все равно: въ дали отъ свѣта жить
Иль въ гробъ себя велѣть живаго положить.
Тотъ умствуетъ, что мы должны имѣть въ предметѣ:
Богатство, почести, веселье въ здѣшнемъ свѣтѣ,
И все противное изъ мыслей истребя,
Должны всю нашу жизнь провесть во внѣ себя,
А сей, что подчиня уму стремленье воли
Пріемлетъ на себя ярмо несносной доли;
Тогда стараемся ль произойти въ чины?
Намъ средства рабскія умомъ возбранены;
Желаемъ ли вкусить любови утѣшенья?
Лишаетъ совѣсть насъ клятвъ ложныхъ вспоможенья
И даже позабывъ почтенье къ злату,—стыдъ
И въ карты подбирать и взятки брать претитъ.
Умъ, совѣсть, стыдъ, о ты! сословіе докучно,
Онъ мыслитъ; на бѣду ты съ нами неразлучно.
Ребячьи правила, брюзгливый твой совѣтъ
Давно, и по дѣломъ большой отринулъ свѣтъ.

Пожалуй не суди, другъ міра! насъ такъ строго,
Дай времени пройти, пожди хотя немного;
Подъ мощною рукой у Хрона старика
Быстротекущая событій всѣхъ рѣка
Готовитъ въ будущемъ премѣнъ еще не мало;
Покоенъ ты—а зло остритъ во мракѣ жало:
Пока твои пять чувствъ, орудія утѣхъ,
Всечасно новый въ нихъ сулятъ тебѣ успѣхъ,
Пока пріятными мечтами окруженный,
Числомъ забавъ твоихъ ты числишъ дни блаженны
И огнь желанія несуетно горитъ;
Пока съ улыбкою къ тебѣ Фортуна зритъ
И стелетъ розами роскошной жизни поле,
Весельемъ упоенъ, въ твоей щастливой долѣ,
Превыше чтишъ себя ты жителей небесъ;
Но жребій, какъ возметъ противный перевѣсъ,
Какъ въ слѣдъ за лютою премѣною судьбины
Вдругъ перевернутся блестящія картины,
Когда изъ опыта узнаешъ ты дивясь,
Что рушитъ родственну алчба корысти связь,

Что дерзкимъ ты слывешъ за омерзенье къ лести,
Что мѣсто потерялъ за наблюденье чести,
Что злобы гласъ тебя въ безбожники вмѣстилъ,
Что преданъ тѣмъ, кого ты другомъ сердца чтилъ,
И долженъ безъ вины ходить съ поникшимъ взоромъ,
Когда, предъ обществомъ покрывъ тебя позоромъ,
Пустила по міру распутная жена;
Тутъ лютой горестью душа поражена,
Отъ свѣтскихъ благъ такихъ возжаждешъ устраниться
И самъ ты поспѣшишь тогда уединиться.

Но долженъ ли отъ бѣдъ на то приказа ждать?
Не лучшель самому такъ время учреждать,
Чтобы на все могло достать его теченья,
Часть на веселіе, а часть на размышленье,
И нѣсколько минутъ отдавъ на свѣтскій шумъ
Въ оставшія чтобъ могъ поцарствовать и умъ.
Владыкою себѣ одно поставить тѣло
И рабствовать ему, не умной твари дѣло.
Ты въ истинѣ себя не хочешь наставлять.
Охъ! худо, какъ судьба возмется исправлять.
Весь въ чувствахъ—никогда съ умомъ—ты жизнь любезну
Свергаешъ вѣчности стремглавъ въ ужасну бездну,
И скоро тяжка скорбь, дочь роскоши и нѣгъ,
Плоть истощенную грозитъ лишить утѣхъ.
Тутъ тотчасъ къ Велію и къ Франку ты съ воззваньемъ,
Чтобъ помощь подали не медля врачеваньемъ,
Чтобъ крови уняли безмѣрну быстроту,
Чтобъ уничтожили въ желудкѣ остроту;
Уже врачи на скорбь искуство воружили,
Ужъ склянками тебя отвсюду окружили,
Противу лакомства совѣтъ ихъ ополченъ;
Съ Амуромъ, съ Бахусомъ ты строго разлученъ,
И что еще всего тебѣ противнѣй въ свѣтѣ,
Къ такой приговоренъ ты на долго діетѣ.
Чтожъ? Еслибъ прежде вихрь страстей унявъ на часъ
Ты побесѣдовалъ съ самимъ собой хоть разъ?
Узрѣлъ бы, что давно твой умъ тебѣ вѣщаетъ
Воздержность въ самомъ томъ, что лѣкарь запрещаетъ.
Ты слушаешъ врача—скажи, почтожъ ему
Покорнымъ лучше быть ты хочешь, чѣмъ уму?

Такъ—къ оправданью насъ, сколь разумъ нашъ ни гибокъ
Невѣжство наше здѣсь виною всѣхъ ошибокъ;
Но если мы возмнимъ, что школьныхъ знаній лучъ
Достаточенъ водить насъ въ мракѣ свѣтскихъ тучь:
То будемъ слѣдовать лишь заблужденью вѣка:
Наука всѣхъ наукъ—познанье человѣка.
Она прямымъ ведетъ насъ къ мудрости путемъ
И пламенникъ ея мы въ сердцѣ обрѣтемъ.
Безъ поученія съ профессорской каѳедры
Намъ чувство внутренне велитъ, чтобъ были щедры,
Чтить друга истинны, пренебрегать льстеца;
Наставникъ есть у насъ превыше мудреца.
Спросясь съ собой, узнать безъ хитрыхъ толковъ можно,
Что съ чистой совѣстью спокойствіе не ложно.
Ужель не говоритъ сердечный намъ урокъ,
Что самъ себя казнитъ и здѣсь еще порокъ?
И долгъ, священный долгъ, чтить ближняго за брата
Не вѣдомъ развѣ былъ до Канта, иль Сократа?
Повѣрьте! къ щастью путь намъ истинный открытъ,
Путеводитель въ насъ глубоко лишь зарытъ.

О еслибъ мы себя почаще посѣщали
И умственный свой взоръ на сердце обращали,
Открылся бъ, кажется, такой намъ ясный свѣтъ,
Съ которымъ человѣкъ во вѣки не падетъ,
Которымъ добрые водились безопасно,
А міра мудрецы гордилися напрасно.

Но разумъ въ насъ привыкъ зѣвать по сторонамъ,
Отъ внѣшности отвлечь его ужъ трудно намъ.
Разнообразіемъ предметовъ обольщенье
Есть точное ему отъ міра пресыщенье,
Вотще потворствуя себѣ среди отравъ,
Онъ мыслитъ, что и ихъ вкуся онъ будетъ здравъ.
Намъ истинна твердитъ, и съ нею опытъ свѣта:
Уединенье есть—для разума діета.

(Изъ 11-го чтенія въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“. Спб. 1813).

СТАРИННАЯ САТИРА.

Спасителя
~~Амурчика~~ рожденьемъ
Встревожился народъ.
Къ Венерѣ съ поздравленьемъ
Пустился всякой сбродъ:
Монахъ, риѳмачъ, прелестники, вельможи;
Иной пѣшкомъ, другой въ саняхъ.
Дитя глядитъ на нихъ въ слезахъ
И вопитъ: „что́ за рожи!“

*
* *

Совѣтъ нашъ именитый
И въ лентахъ, и въ звѣздахъ
Приходитъ съ шумной свитой.
Малютку пронялъ страхъ.
„Не бойся, говорятъ, сиди себѣ въ покоѣ:
Не обижаемъ никого;
Мы право, право, ничего,
Хоть насъ число большое“.

*
* *

Нашъ Неккеръ *), запыхаясь,
Спасителю ~~Амурчику~~ скозь слезъ,
У ногъ его валяясь,
Молитву произнесъ:
„Мой боже, сотвори ты въ нашу пользу чудо!
Оно тебѣ, какъ плюнуть разъ;
А безъ него, боюсь, у насъ
Финансамъ будетъ худо“!

*
* *

---

*) Извѣстный гастрономъ графъ Д. А. Гурьевъ; онъ былъ полнаго сложенія и страдалъ одышкою. Гурьевская каша славится и донынѣ. Изъ Записокъ Голубева („Русскій Архивъ“ сего года) читатели уже знаютъ о государственныхъ заслугахъ этого министра финансовъ въ тяжкое время нашей великой борьбы съ Европою и потомъ въ Европѣ. П. Б.

Р. Архив. 1896, № 4.

Склонись на просьбу нашу,
Рука твоя легка;
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерствѣ моемъ уже́ здѣсь всякой свѣдалъ,
Я кашу лучше всѣхъ варю,
И съ той поры, какъ взять къ царю,
Я только то и дѣлалъ".

* * *

Сподвижникъ знаменитый
Его достойныхъ дѣлъ,
Румянами покрытый
Къ ~~Кенерь~~ вдругъ подсѣлъ.
Онъ говоритъ: „Себѣ подобнаго не знаю:
Военнымъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Теперь, когда торговли нѣтъ,
Торговлей управляю" [1]).

* * *

Пронырливый отъ вѣка
Сибирскій лилипутъ,
Обрящикъ человѣка
Явился Пестель тутъ:
Что правитъ ~~Зевесъ~~ съ небесъ землей, ни въ грошъ не ставлю;
Диви пожалуй онъ глупцовъ!
Сибирь и самъ съ Невы береговъ
И правлю я, и граблю! [2])

* * *

~~Амуру~~ въ новоселье
Несетъ министръ овецъ:
Россійское издѣлье,
Суконный образецъ [3]).
Я знаю, говоритъ, сукно мое дрянное;
Но ты носи, любя меня,
И въ ~~Сѣверной~~ о ~~другъ~~ я
Скажу словцо-другое!

* * *

---

[1]) Директоръ департамента внѣшней торговли, сенаторъ и генералъ-майоръ Михаилъ Алексѣевичъ Обрѣзковъ. П. Б.

[2]) Будучи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Иванъ Борисовичъ Пестель (извѣстный перлюстраторъ, отецъ Декабриста), ни разу тамъ не былъ. П. Б.

[3]) Министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ При немъ издавалась „Сѣверная Почта". П. Б.

Вдругъ слышенъ шумъ у входа:
Березинскій герой [1])
Кричитъ толпѣ народа:
Раздвиньтесь, я герой!
Пропустимте его, вдругъ каждый повторяетъ;
Держать его грѣшно бы намъ:
Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
Охотно пропускаетъ!

*
* *

Украшенный вѣнками
Приходитъ Витгенштейнъ.
Герою риѳмачами
Давно приписанъ Рейнъ!
Онъ говоритъ: Богъ вѣсть, какъ съ вами очутился;
Летѣлъ я къ славѣ на легкѣ,
Летѣлъ, летѣлъ съ мечемъ въ рукѣ,
Но съ Люцена я сбился! [2])

*
* *

Носъ къ верху вздернувъ гордо
И нюхая табакъ,
Столпъ государства твердый,
А просто злой дуракъ [3]),
Подводитъ изъ Москвы полиціи когорту.
Христофоръ ~~Амуръ~~ ему, отбривши спѣсь,
Сказалъ: „Тебѣ не мѣсто здѣсь,
Ты убирайся къ чорту“.

*
* *

Захаровъ пресловутый,
Присяжный Славянинъ,
Ораторъ нашъ надутый,
Бесѣды исполинъ,
Марін ~~Венерѣ~~ говоритъ: „Не занять я житейскимъ,
Пишу наитіемъ благимъ,
И все не языкомъ людскимъ,
А самымъ ужъ библейскимъ!“

*
* *

---

[1]) Адмиралъ Чичаговъ, котораго всѣ тогда обвиняли за то, что онъ пропустилъ Наполеона подъ Березиной. П. Б.

[2]) Послѣ несчастнаго для насъ Люценскаго сраженія главнокомандующій графъ Витгенштейнъ смѣненъ Барклаемъ-де-Толли. П. Б.

[3]) Графъ Растопчинъ, въ 1815 году смѣненный въ Москвѣ Тормасовымъ (Москву затормозили). П. Б.

Съ поэмою холодной
Студеный Шаховской
Приходитъ въ часъ свободный
Читать акаѳистъ свой.
При первыхъ двухъ стихахъ дитя прилегъ головкой.
„Спасибо, няня говоритъ:
Читай, читай, смотри, какъ спитъ;
Баюкаешь ты ловко!“

* * *

Къ Амуру риторъ новый
Подходитъ Филаретъ,
Къ услугамъ всѣмъ готовый
Азъ Невскій Боссюэтъ!
Мнѣ, право, никогда быть умникомъ не снилось;
Но тотъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что я въ умники попалъ,
Нечаянно случилось! *)

* * *

Къ Венерѣ благодатной
Растрепанный бѣжитъ
Кликуша князь Шахматной,
Бьетъ объ грудь и визжитъ:
„Венера, будь мнѣ щитъ, я вовсе погибаю;
Лукавый смыслъ мой помрачилъ,
Шишковымъ я испорченъ былъ;
Очисти, умоляю!“

* * *

Хвостовы предъ малюткой
Другъ съ другомъ входятъ въ бой;
Одинъ съ старинной шуткой,
Съ мѣшкомъ стиховъ другой.
Одинъ кричитъ: словцо! Другой мяучитъ: ода!
Малютка, ихъ прослуша вздоръ,
Сказалъ, возвыся къ небу взоръ:
„Несчастная порода!“

* * *

За ними пара Львовыхъ
Выходитъ изъ толпы,
Бесѣды стѣнъ Петровыхъ
Надежные столпы.
Прослушавши Амуръ привѣтствіе ихъ длинно
И смѣря съ ногъ до головы,

---

*) Какъ жестоко ошибся остроумный сочинитель этихъ стиховъ! П. Б.

„Ужъ не Хвостовы ли и вы?“
Спросилъ онъ ихъ наивно.

* * *

Трактатъ о воспитаньи
Приноситъ новый Локкъ.
Въ малюткѣ при стараньи,
Повѣрьте, будетъ прокъ.
Отдайте мнѣ его; могу на Нижній смѣло
Сослаться объ умѣ своемъ.
Въ Гишпаньи, не таюсь грѣхомъ,
Совсѣмъ другое дѣло *).

* * *

Горація на шею
Себѣ я навязалъ;
Я мало разумѣю,
Но много прочиталъ.
Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мірѣ,
Но математикѣ никакъ.
Боюсь, докажетъ: я дуракъ,
Какъ дважды два четыре!

* * *

Къ ~~Венерѣ~~ Марѣ съ извиненьемъ
Подкрался Горчаковъ.
Удобривая чтеньемъ
Похвальныхъ ей стиховъ.
Она ему въ отвѣтъ: „Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругалъ меня;
Ругай и впредь, позволю я;
Но только убирайся!“

Писано не позже 1815 года. Печатается (съ небольшими, по необходимости, измѣненіями и опущеніями) по списку руки А. И. Тургенева; нѣкоторые намеки остаются для насъ непонятны. П. Б.

*) Кто это, намъ неизвѣстно. П. Б.

ГРАФЪ Е. Е. КОМАРОВСКІЙ*).

Графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій (род. 1803, ум. 1875) былъ сынъ генералъ-адъютанта Евграфа Ѳедотовича, автора извѣстныхъ Записокъ (напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 года) и жены его Елисаветы Егоровны, рожденной Куриковой. Воспитанный первоначально въ Петербургѣ, въ извѣстномъ Іезуитскомъ пансіонѣ, графъ Егоръ Евграфовичъ былъ, по закрытіи пансіона, взятъ своимъ отцомъ домой и поступилъ подъ руководство гувернера, эмигранта Барона (Вагоп), основавшаго впослѣдствіи въ Москвѣ частное мужское училище. Французская педагогія и особенный характеръ ея направленія въ смыслѣ того, что́ называется belles lettres, наложили отпечатокъ на условія воспитанія и на послѣдующій образъ мыслей молодаго графа. Въ основу ихъ легли преданія и пріемы классицизма. Древніе языки, всеобщая исторія и литература давали главнѣйшее содержаніе его познаніямъ, и мышленіе его носило на себѣ явные слѣды богословской діалектики Іезуитовъ. Древнихъ писателей, преимущественно Латинскихъ, онъ зналъ въ совершенствѣ, а Французскимъ языкомъ владѣлъ устно и письменно съ тѣмъ изяществомъ, которое способствовало особой прелести его остроумной бесѣды. Всѣ эти черты, въ связи съ занимавшими графа Егора Евграфовича научными (преимущественно теологическими) вопросами, напоминали въ его лицѣ тѣхъ представителей Франціи, которые подъ знаменемъ роялистовъ заявили себя извѣстными именами въ области науки, литературы и политики. Это былъ сколокъ съ эмигрантовъ, но съ чисто-русскими, мѣстными оттѣнками въ своемъ міросозерцаніи и въ своихъ національныхъ пристрастіяхъ. Не одно воспитаніе, не одни Французскіе педагоги способствовали созданію такого общественнаго типа, сложившагося подъ вліяніемъ міровыхъ событій первой четверти нашего столѣтія, когда вопросы, связанные съ политической судьбою Франціи, вызывали особое участіе и къ этой странѣ, и къ условіямъ ея просвѣщенія. Графъ Егоръ Евграфовичъ побывалъ въ раннемъ дѣтствѣ съ своимъ отцомъ въ Германіи и во Франціи, а потомъ имѣлъ случай оживить свои заграничныя впечатлѣнія, поступивъ, въ послѣднихъ годахъ царствованія Александра I, юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ и слушая разсказы своихъ товарищей-офицеровъ о научныхъ, лите-

*) См. Письмо графа Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года (вып. 3-й, стр. 464—470). Настоящій біографическій очеркъ этого достопамятнаго человѣка любезно написанъ для насъ лицомъ ему близкимъ. П. Б.

ратурныхъ и культурныхъ прелестяхъ Западной Европы. Но при этихъ сношеніяхъ его съ однополчанами не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ условій домашняго замкнутаго воспитанія, которыя сопровождали въ то время молодыхъ людей, поступавшихъ на дѣйствительную службу и тѣмъ не вполнѣ еще освобождавшихся отъ педагогическаго контроля. Для характеристики этихъ условій считаемъ не лишнимъ привести напр. слѣдующее.

Въ началѣ 20 годовъ, или даже ранѣе, въ кавалергардскій полкъ поступилъ юнкеромъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, впослѣдствіи декабристъ. Только что надѣвъ военный мундиръ, онъ долженъ былъ вызвать на дуэль одного изъ своихъ однополчанъ, за что, по рѣшенію военнаго начальства, былъ присужденъ къ кратковременному аресту въ крѣпости. Въ это же самое время онъ получилъ извѣстіе о тяжелой болѣзни своей матери, жившей въ Орловскомъ имѣніи, и долженъ былъ, какъ единственный сынъ, спѣшить къ больной, которой могла грозить смерть. Сидѣніе подъ арестомъ пришлось отсрочить и, по особому высочайшему повелѣнію, графу Чернышову было разрѣшено съѣздить въ деревню и вернуться къ извѣстному сроку подъ честнымъ словомъ, даннымъ начальству. Все это было въ точности исполнено молодымъ человѣкомъ, который, въ сопровожденіи своего гувернера, Француза Жоайе (Joyeux), успѣлъ побывать въ Орловской губерніи и, возвратясь въ Петербургъ, немедленно сѣлъ въ казематъ вмѣстѣ съ Жоайе, обѣщавшимъ старому графу раздѣлить заключеніе своего воспитанника.

Въ подобныхъ же условіяхъ воспитывался и графъ Е. Е. Комаровскій, въ мундирѣ конногвардейскаго юнкера не смѣвшій иначе, какъ въ сообществѣ своего Барона, посѣщать Петербургскіе рестораны, куда бывалъ принужденъ забѣгать, чтобы погрѣться отъ холода или утолить голодъ послѣ смотра или ученія.

Для характеристики преобладанія Французскаго языка въ Русскомъ обществѣ описываемой эпохи мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь другой разсказъ самого графа Егора Евграфовича. 14 Декабря 1825 года онъ находился въ строю конной гвардіи и участвовалъ въ аттакѣ кавалеріи на мятежниковъ, окружавшихъ памятникъ Петра Великаго. По окончательномъ разсѣяніи бунтовщиковъ, часть войскъ, съ цѣлью охраненія порядка въ столицѣ, осталась на Сенатской площади на бивуакахъ. У одного изъ костровъ, разложенныхъ по случаю сильнаго мороза, встрѣтились двое офицеровъ конной гвардіи, къ которымъ присоединился и юнкеръ графъ Комаровскій. Разговоръ шелъ, конечно, о событіяхъ минувшаго дня, и сообщались другъ другу слухи объ арестѣ товарищей, въ числѣ которыхъ были офицеры и конной гвардіи, какъ, напримѣръ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій. Графъ Комаровскій особенно интересовался судьбою своего товарища еще по Іезуитскому пансіону, молодаго князя А. А. Суворова, котораго имѣлъ поводъ считать, если не принадлежавшимъ къ числу членовъ тайнаго общества, то по крайней мѣрѣ близко знакомымъ съ нѣкоторыми участни-

ками мятежа. Желая разсѣять свои сомнѣнія, графъ собирался уже спросить одного изъ своихъ сосѣдей по костру объ участи князя Суворова, но стѣснялся выразить свои подозрѣнія передъ третьимъ, мало ему знакомымъ, однополчаниномъ. Онъ измышлялъ средства удовлетворить своему любопытству, и наконецъ, рѣшился употребить для вопроса Русскій языкъ, котораго не зналъ третій конногвардеецъ, грѣвшійся у огня, человѣкъ вполнѣ Русскій по происхожденію и по фамиліи.

Въ 1828—1829 годахъ, въ качествѣ адъютанта при принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ, графъ Е. Е. Комаровскій принималъ участіе въ войнѣ съ Турками и имѣлъ случай познакомиться на походѣ съ А. С. Хомяковымъ, съ которымъ сблизился еще болѣе впослѣдствіи, когда женился (1830) на сестрѣ поэта Веневитинова, Софіи Владимировнѣ (ея братъ поэтъ Дмитрій Владимировичъ былъ другомъ Хомякова). Женитьба эта ввела графа Е. Е. въ кружокъ Московскихъ Славянофиловъ и бывшихъ архивныхъ юношей, съ которыми у семьи Веневитиновыхъ были давнія и близкія сношенія. Представители этого кружка, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ, Кошелевъ, Соболевскій и другіе имѣли случай встрѣчаться съ молодыми Комаровскими при ихъ проѣздахъ чрезъ Москву въ Орловскій уѣздъ, гдѣ въ прекрасной усадьбѣ села Городища проводилъ послѣдніе годы жизни отецъ ихъ генералъ-адъютантъ Александра I-го, по желанію котораго онъ основалъ суконную фабрику въ Петербургѣ. Фабрика находилась на Охтѣ, и при ней былъ небольшой домъ съ садомъ, служившій квартирою для управляющаго и конторою. По смерти графа Евграфа Ѳедотовича, когда это суконное дѣло прекратилось, молодые Комаровскіе вернулись въ Петербургъ и стали пользоваться Охтенскою усадьбою, какъ дачею для лѣтняго пребыванія. Здѣсь ихъ неоднократно посѣщалъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій (въ свои пріѣзды въ Петербургъ онъ останавливался въ ихъ городской зимней квартирѣ).

Оставивъ военную службу и поселившись у отца своего въ Орловской деревнѣ, графъ Комаровскій продолжалъ пользоваться досугомъ для развитія своихъ познаній и для неутомимаго чтенія, матеріалъ которому доставляла богатая библіотека его отца со многими Русскими и иностранными журналами и газетами. Все это не только прочитывалось, но служило предметомъ систематическихъ выписокъ. Вернувшись съ семьею въ Петербургъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, графъ Е. Е. поступилъ цензоромъ въ Петербургскій комитетъ иностранной цензуры и на этомъ мѣстѣ оставался до своей смерти.

Новый родъ занятій соотвѣтствовалъ не только характеру воспитанія, но и личнымъ вкусамъ графа. Съ этихъ поръ онъ особенно углубился въ книги и съ помощью богатаго матеріала, обусловленнаго служебнымъ положеніемъ, развивалъ свои теоріи о прошломъ и будущемъ Православія, Славянства и Россіи, зародившіяся въ его мысляхъ еще при первыхъ встрѣчахъ съ представителями Славянофильскаго направленія. Къ этимъ же 40 —

60-мъ годамъ относится эпоха его видпаго участія въ интелектуальномъ и художественномъ кружкѣ, собиравшемся вокругъ братьевъ Михаила и Матвѣя Юрьевичей Вьельгорскихъ, на вечерахъ у коихъ его бесѣда всегда отличалась привлекательною силой *). Темою этихъ бесѣдъ большею частію бывали вопросы религіозные и богословскіе, такъ какъ графъ Комаровскій былъ человѣкомъ глубоко-вѣрующимъ, а сношенія съ Славянофилами еще болѣе укрѣпили въ немъ стойкую приверженность къ Православію. Имѣя случаи часто встрѣчать у Вьельгорскихъ посѣщавшихъ ихъ иностранцевъ и иновѣрцевъ, въ числѣ которыхъ бывали строгіе и убѣжденные послѣдователи Католичества и Протестанства, и преслѣдуя свою завѣтную мысль о назначеніи Православнаго Востока, графъ Комаровскій, вступалъ по этому поводу въ горячіе споры, отличавшіеся изысканною вѣжливостью въ внѣшнихъ формахъ и въ пріемахъ возраженій и нападокъ. Диспуты эти не оставляли по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ горечи или даже личнаго раздраженія. Причина такого миролюбія лежала во Французскомъ воспитаніи графа Комаровскаго, обладавшаго высшею тонкостью свѣтскаго обращенія. По своей скромности, безпритязательности, по своему глубокомыслію и характеру остроумія графъ Егоръ Евграфовичъ очень напоминаетъ тотъ типъ людей, къ которому принадлежалъ Ѳ. И. Тютчевъ, его сотоварищъ по цензурному комитету и весьма часто его собесѣдникъ въ гостиныхъ Петербурга.

Изобразивъ личность графа Е. Е. Комаровскаго, намъ бы слѣдовало обратиться къ изложенію его историко-философскихъ взглядовъ; но для такой задачи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ достаточнаго матеріала. Дѣло въ томъ, что въ сохранившихся послѣ него бумагахъ нигдѣ не встрѣчается полнаго, обстоятельнаго плана его теоріи, которая можетъ быть выяснена лишь путемъ возстановленія связи между ея отдѣльными подробностями. Сколько намъ извѣстно, теорія эта скорѣе сосредоточивалась въ головѣ ея автора, чѣмъ въ случайныхъ замѣткахъ, вызываемыхъ по поводу чтенія книгъ, которыя онъ выбиралъ въ извѣстномъ направленіи съ цѣлью подтвердить научными фактами правильность синтетическаго построенія. Бѣглые проблески цѣлой самостоятельной системы философіи, имѣющей предметомъ всемірную цивилизацію и указывающей въ ней мѣсто Православной вѣрѣ и Славянскому племени, являлись плодомъ размышленій надъ прочитанными книгами, развитіемъ или опроверженіемъ мыслей ихъ авторовъ. Такія замѣтки, сопровождаемыя ссылками и даже пространными выписками, заносились графомъ на страницы отдѣльныхъ тетрадей (числомъ около двадцати) съ особыми заглавіями для каждой отдѣльной отрасли наукъ и для каждаго отдѣльнаго элемента системы. Новыя книги и новыя о нихъ замѣтки безпрестанно унестряли тетради выносками, и обозначеніе этихъ выносокъ условными знаками въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, безпрестанно подвергавшихся дальнѣйшимъ по мѣрѣ чтенія дополненіямъ, давало особую внѣшность многолѣтнему труду графа, и нѣкоторыя лица имѣли право говорить, что трудъ его построенъ многоэтажнымъ способомъ.

*) Братъ его супруги Алексѣй Владимировичъ, женатъ былъ на старшей дочери гр. М. Ю. Вьельгорскаго Аполинѣ Михайловнѣ (см. „Р. Архивъ“ 1884, III, 239). П. Б.

Изобиліе тетрадей, ихъ взаимная связь, разбросанность помѣщенныхъ въ нихъ замѣтокъ, въ связи съ личною скромностью графа Комаровскаго, съ его желаніемъ совершенства въ своемъ трудѣ, все это, вмѣстѣ взятое, ни разу не дало ему повода остановиться на извѣстной точкѣ своихъ изслѣдованій, подвести итогъ ихъ результатамъ и окончательно изложить свои взгляды, кругозоръ которыхъ безпрерывно расширялся въ зависимости отъ постояннаго роста въ объемѣ матеріала. Въ тетрадяхъ графа его историко-философская система отражается лишь въ видѣ краткихъ, частичныхъ, первоначальныхъ очертаній плана задуманнаго имъ сочиненія, который для полнаго своего уразумѣнія потребовалъ бы возстановленія строгаго систематическаго порядка замѣтокъ. Ключъ къ тому утраченъ со смертью автора: какъ провѣрить приводимыя имъ цитаты изъ печатныхъ источниковъ по изданіямъ, отчасти составляющимъ нынѣ библіографическія рѣдкости?

Изъ всего того, что̀ до сихъ поръ удалось разобрать въ тетрадяхъ графа Е. Е. Комаровскаго и что̀ можетъ быть подкрѣплено воспоминаніями о его интересныхъ бесѣдахъ, можно извлечь лишь слѣдующія, главныя основанія его теоріи.

Исходя изъ православнаго догмата о св. Троицѣ и примѣняя къ нему Гегелевское положеніе о трехъ моментахъ человѣческаго самосознанія, графъ Комаровскій въ своей философіи исторіи дѣлитъ судьбу человѣчества на три эпохи, прошедшаго, настоящаго и будущаго, и олицетворяетъ ихъ въ мірѣ классической древности, въ Западно-европейской цивилизаціи и въ надеждахъ будущаго отъ предстоящей въ немъ роли Славянства и, во главѣ его, Россіи. Тройственность такого дѣленія систематически проводится графомъ во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ его воззрѣнія. Независимо отъ эпохъ, отъ народностей, отъ мѣста дѣйствія и области культуры, онъ видитъ въ ходѣ развитія каждаго историческаго явленія, всегда и вездѣ, три послѣдовательныя ступени, соотвѣтствующія отдѣльнымъ ипостасямъ Троицы и подтверждаемыя основами Гегелевской философіи. Такъ, примѣняя эту теорію къ исторіи всеобщей литературы, онъ полагаетъ, что древній классицизмъ исполнилъ свое назначеніе, доведя до совершенства эпическую форму поэзіи, Западная Европа выработала высшіе образцы драмы, а приближеніе лирики до возможныхъ предѣловъ идеала должно составлять въ будущемъ заслугу Славяно-русскаго міра. Слѣды примѣненія этого тройственнаго воззрѣнія къ области политической исторіи отражаются въ письмѣ графа Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года.

Приближаясь къ Славянофиламъ въ конечныхъ результатахъ своей теоріи, графъ Комаровскій отличается отъ нихъ въ матеріалѣ и построеніи своихъ аргументовъ. Онъ недостаточно воспользовался почвою этнографическою, филологическою, политико-экономическою и отчасти философскою, послужившею основою Славянофильскому ученію, насколько оно было выра-

ботано Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и послѣдующими ихъ учениками; но классическое воспитаніе, познанія въ области всеобщей исторіи и литературы, а равно и Французскій оттѣнокъ въ пріемахъ мышленія, въ связи съ прирожденной набожностью и порывами безсознательнаго чувства, дали въ руки графу Комаровскому особое орудіе для подтвержденія догмата Славянофиловъ, заимствованное изъ сферы мистицизма и, такъ сказать, богословской кабалистики. Проведеніе начала трехъ ипостасей Троицы чрезъ весь ходъ человѣческой исторіи, всецѣлое отраженіе въ ней этого начала мирило Христіанскія убѣжденія графа Комаровскаго съ искушеніями Западно-европейскаго скептицизма, съ противорѣчіями науки и философіи, которыя онъ встрѣчалъ въ своемъ неутомимомъ чтеніи по обязанности и по личной страсти къ книгамъ.

Рудиментарный характеръ труда графа Комаровскаго и отсутствіе въ немъ окончательной формулировки объясняются самимъ мистицизмомъ его теоріи и мотивами предпринятой имъ работы. Не представляя въ самомъ себѣ ни способа, ни цѣли для прямаго примѣненія на практикѣ и отличаясь этимъ отъ политическаго и экономическаго значенія Славянофильства, теорія графа являлась плодомъ исключительно-книжнаго отношенія къ задачамъ жизни, гигантскимъ трудомъ, коренящимся не столько въ побужденіяхъ дать реальное развитіе своимъ основнымъ положеніямъ, сколько въ желаніи утвердиться въ мысляхъ, оправдываемыхъ первоначальными намеками чувства Въ этомъ отношеніи личность графа Е. Е. Комаровскаго представляется намъ весьма характернымъ явленіемъ первой половины нашего столѣтія, когда лучшіе Русскіе люди, вслѣдствіе модныхъ космополитическихъ пріемовъ въ направленіи ихъ воспитанія, тщетно искали выхода для своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ въ условіяхъ дѣйствительной жизни своего отечества и, не находя почвы для практической дѣятельности, по неволѣ удалялись въ область метафизики, хотя и безплодной, но почтенной по искренности побужденій. А что графъ Е. Е. Комаровскій можетъ быть сопричтенъ къ лучшимъ Русскимъ людямъ, это смѣло мы говоримъ, вспоминая его обширную начитанность, глубокую образованность, его безграничную доброту, высокую честность и по истинѣ Христіанское смиреніе.

Для образца приводимъ выдержки изъ тетрадей графа Комаровскаго.

Prologue.

Ceux qui croient en Jésus Christ connaissent bien cette parole: *Une seule chose est nécessaire*, c'est en se livrant à Dieu d'acquérir «la bonne part», la vie éternelle.

Ce mot divin réduit toutes les choses d'ici bas à une valeur purement accessoire, mais non sans importance par la corrélation, qui se trouve entre elles et la *chose unique*. Tout peut agir sur la destinée de l'âme, parce qu'elle même est passible de toutes les influences. Pour peu qu'elle cède, un souffle lui imprime son inflexion. Dans cette

vie éphémère il n'existe, il n'arrive rien d'indifférent pour cette sensitive immortelle.

Comme action permanente notre âme subit entre autres celle des milieux, qui la renferment concentriquement. D'abord la Famille, notre société natale, intime, parlant la même langue, priant autour du même autel. Au loin l'Humanité, qui se compose d'un nombre infini de nos semblables, que nous ignorons. Entre ces deux termes est la Nationalité, la Patrie qui tient de l'un et de l'autre par sa communauté de culte et de langue avec tant de frères inconnus.

A travers ces milieux circule, comme un souffle social, *l'esprit du temps*, résultat de leurs influences réciproques. Or, la Providence régit le monde diversement: tandis que Dieu seul gouverne l'Humanité dans son ensemble, et que la nature, les liens instinctifs, la voix du sang inspirent la Famille, on voit dans la direction du pays intervenir davantage l'exercice plus ou moins libre de la raison humaine. Aussi tout gouvernement chrétien doit reconnaître que dans la mesure de ses forces il a charge d'âmes, pour le moins autant que le clergé, bien que d'une autre manière. Cette responsabilité lui fera mieux apprécier si le but et les moyens ne sont pas intervertis, et si par exemple de nos jours la loi du Christ ne dégénère pas en code de morale, propre à régulariser la vie de tant d'êtres, voués à la poursuite de biens éphémères et à l'exploitation du monde, où s'effectue leur passage? Et cependant un indestructible levain de Christianisme, resté dans les coeurs, fermente et proteste jusqu'à les rompre. Une soif est allumée qui veut s'assouvir; car pour des créatures douées du sentiment de l'infini, c'est trop peu du bien - être, il faut le bonheur; c'est trop peu même du bonheur, il faut la béatitude!

Voilà de quel côté les hommes, sans le savoir, même en ne le voulant pas, ont besoin d'être conduits! Pourvu que leurs guides tiennent leurs regards attachés au but, à l'issue, comme l'oeil du conducteur qui aperçoit la lumineuse sortie d'un tunnel prolongé. Pourvu qu'ils rappelent sans cesse qu'un jour de ce monde, que nous habitons, il ne restera que des âmes; qu'il n'existe que pour elles, et que par conséquent le sort de chacune de ces âmes a plus de prix réel que la fortune des empires.

On comprend que cette sollicitude diffère du mobile, qui porte un gouvernement à developper sa propre gloire, ou même la prospérité de ses peuples. Ceci est une oeuvre terrestre, dont quelques payens ont été capables. On a vu leur génie protéger les hommes, envisagés comme êtres sociaux, jusqu'au seuil de l'inconnu. On ne savait leur en demander davantage. Il n'y a qu'une inspiration évangélique, une clairvoyance

de charité qui, revêtue de pouvoir, s'efforcera de procurer à ceux, qui lui sont confiés, le bien dans un sens absolu, en pure considération d'eux-mêmes; et comme ils le voudraient tous, s'ils étaient au niveau des élus, qu'ils renferment dans leur nombre, en vue de résultats aussi durables que leur existence en deça et au delà du tombeau, c'est-à dire sans terme. Ainsi, en favorisant les progrès des hommes vers Dieu, l'État dans sa forme laïque, dans son domaine temporel poursuivra le même but que l'Église, qui pour ainsi dire est l'État Divin parmi les hommes. Ainsi au salut de l'âme convergeront harmonieusement toutes les forces sociales. Hors de là il n'y a qu'apparences et prestiges. «La figure de ce monde passe», a dit l'Apôtre (1 Cor. VII. 31).

Mais dans cet emploi des forces sociales que deviendra la société même? Sera-t'elle complètement sacrifiée à l'individu? A Dieu ne plaise! Elle exercera toujours sur lui l'influence d'un milieu, qui, dans sa signification abstraite, comprend tous les autres: la Famille, la Patrie, et même l'Humanité. Aucun pouvoir humain ne la dirige.

Переводъ.

Кто вѣруетъ въ Іисуса Христа, тому хорошо знакомы слова о *единой вещи потребной*, то-есть предаться Богу, чтобы получить „благую часть“, вѣчную жизнь.

Это божественное изреченіе придаетъ всѣмъ предметамъ земли цѣнность второстепенную, не не лишенную значенія по соотношенію между этими предметами и *единой вещью потребной*. Душа подвержена всяческимъ вліяніямъ, и все можетъ отражаться на ея участи. Ей стоитъ лишь поддаться, и малѣйшее дуновеніе способно ее наклонять въ ту или другую сторону. Въ нашей призрачной жизни ничего не существуетъ, ничего не случается, что̀ не было бы безъ воздѣйствія на это чуткое созданіе, одаренное безсмертіемъ.

Наша душа, между прочимъ, подчиняется постоянному вліянію среды, въ которой она вращается. Вліяніе это концентрическое. Вопервыхъ, семьи, нашего общества по рожденію, употребляющаго одинъ и тотъ же общій языкъ и соединеннаго въ молитвѣ вокругъ того же алтаря. Вдали—человѣчество, состоящее изъ безконечнаго множества намъ подобныхъ, но незнакомыхъ. По срединѣ этихъ двухъ крайнихъ предѣловъ помѣщается народность, отчизна, соединяющія эти двѣ крайности общеніемъ вѣры и рѣчи съ столькими незнаемыми братьями.

Сквозь эту тройственную среду вѣяніемъ общественности проникаетъ *духъ времени*, суммирующій всѣ взаимныя вліянія. Но Провидѣніе разнообразно правитъ міромъ: съ одной стороны Богъ руководитъ человѣчествомъ въ его цѣломъ, а природа, прирожденныя и кровныя связи родства даютъ содержаніе жизни семьи; съ другой стороны, въ движеніи государства замѣтно скорѣе болѣе или менѣе свободное дѣйствіе человѣческаго разума. Поэтому каждое христіанское правительство должно признавать, что оно

обязано пещись по мѣрѣ своихъ силъ о душевномъ благѣ, хотя и нѣсколько иначе, чѣмъ власти духовныя. Такая отвѣтственность побуждаетъ правительство тщательнѣе оцѣнивать соотвѣтствіе цѣли со средствами, напримѣръ, въ примѣненіи къ нашимъ днямъ, заняться вопросомъ о томъ, не вырождается ли законъ І. Христа въ кодексѣ нравственности, пригодной для упорядоченія жизни столькихъ существъ, стремящихся къ призрачному благу и къ использованію того міра, въ которомъ совершается ихъ странствіе? Но, неуничтожимая закваска христіанства, хранимая во глубинѣ сердецъ, всетаки бродитъ въ нихъ и угрожаетъ имъ разрывомъ. Возникаетъ жажда, стремящаяся утолиться, ибо одаренныя сознаніемъ безконечнаго существа не могутъ удовлетвориться благополучіемъ; имъ даже мало счастія, и надо блаженства!

Вотъ, въ какую сторону люди должны быть направляемы безсознательно, даже помимо ихъ желанія! Лишь бы ихъ руководители имѣли бы взоры прикованными къ этой цѣли, къ этому исходу, подобно тому, какъ глаза кондуктора разглядываютъ конечное свѣтлое отверстіе продолжительнаго тунеля. Лишь бы они безпрестанно припоминали себѣ, что придетъ день, когда отъ всего обитаемаго нами міра останутся лишь души; что міръ существуетъ только для душъ и что поэтому каждая изъ нихъ въ своей участи имѣетъ болѣе настоящей цѣны, чѣмъ счастіе цѣлыхъ имперій.

Понятно, что подобнаго рода заботливость отличается отъ тѣхъ побужденій, которыя занимаютъ правительство въ области развитія своей славы и даже благополучія подвластныхъ ему народовъ, области, по своему земному характеру, доступной и язычникамъ, которые имѣли случай въ ней отличиться, оказывая своимъ геніемъ покровительство людямъ, какъ членамъ общества, вплоть до того порога, за которымъ уже начинается неизвѣстность. Болѣе нельзя было и требовать отъ язычниковъ. Одно лишь евангельское вдохновеніе, одна лишь прозорливость любви способны во всеоружіи власти доставить тѣмъ, кто имъ ввѣряется, благо въ смыслѣ положительномъ, въ исключительномъ отношеніи къ нимъ самимъ и согласно ихъ собственнымъ желаніямъ, еслибъ они, подобно избраннымъ, заключающимся въ ихъ числѣ, имѣли въ виду такіе длительные сроки, какъ ихъ существованіе до и послѣ смерти, т. е. вѣчность. Такимъ образомъ, поощряя стремленіе людей къ Богу, государство, въ его свѣтской формѣ и временной власти, должно преслѣдовать одну и туже цѣль, какъ и церковь, которая, такъ сказать, составляетъ государство Божіе среди людей, и всѣ общественныя силы съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ въ полномъ взаимномъ согласіи направлены къ спасенію души. Внѣ этой цѣли всѣ остальныя будутъ стремиться только къ уловленію обманчивыхъ призраковъ. „Преходитъ образъ міра сего“, говоритъ Апостолъ (I Коринѳ. VII, 31).

Но, что̀ станетъ съ самимъ обществомъ при подобномъ пользованіи общественными силами, и не будетъ ли оно принесено въ полную жертву личности? Сохрани Боже! Общество всегда удержитъ надъ личностью вліяніе своей среды, въ своемъ отвлеченномъ значеніи суммирующей всѣ свои элементы, какъ-то семьи, родины и даже человѣчества, и это вліяніе не подчинено никакой человѣческой власти.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Калифъ на часъ, комич. опера (1786 г.) 9
Щастливая Тоня, комич. опера (1786 г.) 53
Баба Яга, комич. опера (1788 г.) [1]. 85
Письмо къ Пріятелю въ стихахъ (1794 г.). 113
Пламиръ и Раида, повѣсть (1796 г.). 123
Посланіе къ князю Долгорукову, сатира 139
Совѣтъ Пустону, сатира 149
Онъ и Я, отрывокъ изъ сатиры. 155
Отрывокъ изъ комедіи „Безпечный“. 163
Русскій у подошвы Чатырдага, сатира (1811 г.). 171
Бесѣда о суетности къ А. С. Х. (1812 г.) 177
Бесѣда о уединеніи къ А. С. Таранову (1813 г.). 183

Ноёл . . . . . (то Р. Арсеньев, а не "Кларк" — Вестник Урала).

[1]) Оперы князя Горчакова давались въ Россійскомъ театрѣ, учрежденномъ въ С.-Петербургѣ въ 1756 году; онъ помѣщался на Васильевскомъ островѣ, въ бывшемъ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ нынѣ Академія Художествъ (Истор. Вѣстникъ, іюнь 1889 года: За кулисами театра Н. Е. Опочинина).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь. 1890 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія. — Исторія и мемуары. — Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Языкознаніе.—Естествознаніе.—Учебники и дѣтскія книги— Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** „Вѣстникъ Европы“, *сентябрь*.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія“ *Кн. Д. П. Горчакова.* — „Не убій!“ *Кн. Дм. Голицына (Муравлина).*— „На югъ!“ *И. Волгина.*

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва, 1890 г. Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ, единственный сынъ небогатаго дворянина Костромской губ., кн. Петра Ивановича Горчакова, родился 1 января 1758 года; получивъ домашнее образованіе, служилъ въ военной, потомъ въ гражданской службѣ, въ большіе чины не вышелъ, окончилъ свое служебное поприще коллежскимъ совѣтникомъ и умеръ въ Москвѣ въ ноябрѣ 1824 года. Лежащая передъ нами книжка его сочиненій издана въ свѣтъ его родною внучкой, княжной Еленой Сергѣевной Горчаковой. Изъ приложеннаго къ книгѣ короткаго біографическаго очерка видно, что кн. Д. П. Горчаковъ, какъ и многіе состоятельные дворяне того времени, занимался литературой „урывками, отъ оперъ переходилъ къ сатирамъ, писалъ повѣсти, сатиры, поэмы, но весьма мало заботился о распространеніи своихъ произведеній, большая часть которыхъ осталась неизданною, отчасти по его безпечности и равнодушію къ литературной славѣ, отчасти потому, что въ его стихахъ было много прямыхъ и косвенныхъ личностей“. Многія его рукописи остались въ деревнѣ и тамъ сгорѣли. Такимъ образомъ, погибли весьма цѣнные матеріалы для исторіи литературы и для характеристики тогдашняго времени и людей. Въ числѣ этихъ рукописей уничтожено, вѣроятно, одно очень извѣстное современникамъ шуточное стихотвореніе, въ которомъ выведенъ былъ фонъ-Визинъ. Стихотвореніе это нигдѣ не было напечатано, но читалось многими въ рукописи и, быть можетъ, еще найдется у кого-нибудь въ копіи. Оно не вошло въ теперешнее изданіе *Сочиненій* кн. Горчакова. Въ немъ помѣщены три комическихъ оперы: *Калифъ на часъ*, *Щастливая Тоня* и *Баба-Яга*, пять сатиръ въ стихахъ, двѣ стихотворныя „Бесѣды“: *о суетности* и *о уединеніи*; отрывокъ изъ комедіи и повѣсть въ прозѣ: *Пламиръ и Раида*. Всѣ эти произведенія представляютъ большой историческій интересъ. Могущія казаться теперь не особенно важными и мѣстами, пожалуй, даже наивными, сатиры кн. Горчакова рѣзко затрогивали тогдашнее общество, нѣ-

которые стихи изъ нихъ, подобно Грибоѣдовскимъ впослѣдствіи, „переходили въ пословицы“, какъ, напримѣръ:

„И, наконецъ, я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги не одной“.

Стихи эти взяты изъ *Сатиры*: *Посланіе къ князю С. Н. Долгорукову*, наиболѣе характерной изъ всѣхъ. Авторъ, признанный „волтеріанецъ“ за то, впрочемъ, что считалъ Вольтера первымъ трагическимъ писателемъ, былъ ярымъ приверженцемъ ложно-классицизма и противникомъ всякихъ новшествъ въ литературѣ. Вотъ что мы читаемъ въ той же *Сатирѣ*:

„Какія, общаго достойны удивленія,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковинны явленія?
И скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ!...
...„*Гусситы*, *Попугай* предпочтены *Сорену*
И Коцебятина *) одна теперь на сценѣ.
О, сколько-бъ былъ благословенъ сей часъ,
Когдабъ въ однихъ стихахъ лишь порча завелась
И въ драматическихъ писаньяхъ здѣсь встрѣчалась!
Когда бы нравственность у насъ не развращалась,
Когда бы въ юношахъ свободы вредна страсть
Къ презрѣнью не вела у нихъ священну власть,
Когда-бъ учители, возникшіе изъ грязи,
Софизмомъ родственны не разрывали связи“...

Произведенія кн. Д. П. Горчакова не избѣгли цензурныхъ стѣсненій и его стихотвореніе *Русскій у подошвы Чатырдага*, какъ недозволительное, было представлено министромъ Балашовымъ Императору Александру Павловичу. Государь разрѣшилъ напечатать эти стихи, въ которыхъ авторъ печалуется о слабости русской политики передъ „Корсомъ“, Наполеономъ I (въ 1811 г.), и восклицаетъ:

„Нѣтъ нужды намъ искать героевъ чуждыхъ странъ,—
Довольно есть своихъ искусныхъ согражданъ“...

И заканчиваетъ обращеніемъ къ „владыкамъ царствъ земныхъ“, чтобы слугъ отечеству они избирали „межь милліонами подвластна имъ народа“,—

„И мудростью водимы,
Ихъ отличать въ толпѣ стремите бдящій взоръ:
Такъ злато рудокопъ въ ущельяхъ видитъ горъ,
Гдѣ мыслятъ зрѣть одну дресву простолюдины“.

Въ высшей степени интересна написанная въ 1796 г. прозой *Россійская повѣсть*: *Пламиръ и Раида*. Она представляетъ собою любопытнѣйшій образецъ сочинительства того времени и даетъ ясное понятіе о томъ, что заставляло „лить слезы чувствительности“ нашихъ напудренныхъ прадѣдовъ и прабабушекъ. Въ письмѣ съ своему другу Н. П. Николеву авторъ говоритъ: „Начертаніе Раиды обворожило тебя. Признайся, что естьли существуетъ подлинникъ, онъ долженъ быть тысячу разъ любезнѣе въ естествѣ, нежели въ описаніи“. Доброе старое время!

Не убій! Кн. Дм. Голицына (Муравлина). Спб., 1890 г. Цѣна 75 коп. Князь Дм. Голицынъ, подъ псевдонимомъ Муравлинъ, написалъ нѣсколько романовъ, о которыхъ мы въ свое время дали отзывы въ

*) *Гусситы*, *Попугай* и *Сынъ любви*—драмы Коцебу, „коцебятинѣ“ которыхъ авторъ противупоставляетъ *Сорену*, трагедію Н. П. Николева, написанную въ рамкахъ „издревле чтимыхъ узъ“ ложнаго классицизма.

гегельянскаго въ особенности, было бы анахронизмомъ входить въ разборъ воззрѣній Шмидта на исторію воспитанія. Они слишкомъ устарѣли для этого, какъ не отвѣчаютъ современному состоянію исторической науки и многія изъ приводимыхъ авторомъ фактическихъ указаній. Это сознали редакторы 4-го нѣмецкаго изданія сочиненія Шмидта — Диттесъ и Ганнакъ, которые нашли нужнымъ «основательный и строгій пересмотръ, во многихъ мѣстахъ даже совершенную перемѣну его».

Редакція перваго тома, посвященнаго воспитанію у дикихъ народовъ на Востокѣ, у грековъ и римлянъ, принадлежитъ Ганнаку, директору педагогическаго института въ Вѣнѣ, который долженъ былъ преодолѣть немалыя «трудности». Послѣднія возникли, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что послѣ перваго изданія въ области восточной и классической древности были предприняты обширныя изслѣдованія и сдѣланы замѣчательные выводы, которые въ послѣдующихъ затѣмъ изданіяхъ не были приняты къ свѣдѣнію; множество новыхъ данныхъ, собранныхъ Ганнакомъ, сдѣлали то, что книга вышла почти вдвое обширнѣе прошлаго. Во-вторыхъ,—вслѣдствіе того, что въ воззрѣніи на исторію педагогики онъ значительно расходится съ авторомъ: тогда какъ Шмидтъ придавалъ главное значеніе субъективному, обстрактному распредѣленію и разложенію фактовъ, въ духѣ гегелевой философіи; Ганнакъ, со своей стороны, выдвинулъ на первый планъ объективное, засвидѣтельствованное исторіей, конкретное содержаніе и «старался вывести оттуда, само собою вытекающія, условія и послѣдствія, не обращая вниманія ни на какія предвзятыя теоріи». Благодаря всему этому, мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ исторіей педагогики Шмидта, сколько съ новымъ произведеніемъ—Ганнака, на что и обращаемъ вниманіе читателей, знакомыхъ съ первоначальною редакціею, въ подлинникѣ или въ русскомъ переводѣ.

М. С—скій.

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва 1890.

Кто не знаетъ давнишней формулы сѣтованій на преобладаніе у насъ журналистики надъ всѣми иными формами печатнаго слова.

Журналовъ тысячи, а книги ни одной, повторяетъ всякій прикосновенный къ литературѣ, но рѣдко кто помнитъ автора этого стиха, князя Д. П. Горчакова (1756—1824). Вышеприведенный стихъ зажился въ общей памяти, въ немъ нѣтъ ничего устарѣлаго, но возьмемъ его въ болѣе цѣлостной комбинаціи того эпиграмматическаго характера четверостишія, которое имъ замыкается, и получится совершенно иное впечатлѣніе.

Вотъ это четверостишіе:

«Исполнить торопясь писательски желанья,
«Всѣ въ ежемѣсячныя пустилися изданья,
«И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной,
«Журналовъ тысячи, а книги ни одной».

Архаизмы этихъ стиховъ оттолкнутъ современнаго читателя, привыкшаго къ гладкости стиха и прозы нашихъ дней. Таковъ удѣлъ писателя, въ произведеніяхъ котораго хорошее загромождено отжившимъ свой вѣкъ. А между тѣмъ, сатира князя Горчакова, изъ которой взяты приведенные стихи, въ свое время пользовалась значительной извѣстностью. Это сатирическое посланіе къ князю С. П. Долгорукову, напечатанное уже послѣ смерти автора, да и то отрывкомъ въ «Памятникахъ отечественныхъ музъ

на 1827-й годъ, подъ заглавіемъ «Невѣроятные». Сатирикъ обвиняетъ здѣсь русское общество въ отсутствіи національной окраски, говоря, что его блестящіе представители, тотъ «сокъ умной молодежи», которую такъ зло въ то же время осмѣялъ Грибоѣдовъ, были не болѣе какъ на русской подкладкѣ франты французскаго фасона, получавшіе во времена Директоріи кличку «incroyables».

Въ другой своей сатирѣ: «Совѣтъ Пустону» князь Горчаковъ съ еще большею рѣзкостью нападаетъ на подобнаго рода франтовъ, рисуя передъ нами одного изъ нихъ, всецѣло погруженнаго въ свѣтскія удовольствія и пренебрегающаго интересами науки и литературы. Типъ старый даже для того времени, когда за спиной автора стоялъ Кантемиръ въ сатирѣ «Къ уму моему» и Фонъ-Визинъ въ комедіи «Бригадиръ». Но сатира «Совѣтъ Пустону» сильна своей положительной стороной. Князь Горчаковъ заключаетъ свою сатиру обращеніемъ къ Пустону:

«Послушай, у тебя прекрасное село;
«Ступай въ него, оставь жокеевъ и катанье,
«И къ земледѣлію направь свое вниманье;
«Учись и замѣчай, въ какія времена
«Тамъ выгодно землѣ повѣрить сѣмена;
«Какъ утучнить ее, какъ съ малыми трудами
«Покрыть свои поля обильными плодами,
«Какъ въ пользу всѣ стахіи обращать
«И честнымъ образомъ себя обогащать.
«Смотри, чтобъ у тебя крестьяне не лѣнились
«И прибыльно себѣ и обществу трудились...
«Не меньше прочаго Россіи нуженъ плугъ;
«Герой ее хранитъ, философъ просвѣщаетъ,
«А добрый селянинъ трудомъ обогащаетъ,
«И хлѣбомъ житницы стараяся снабдить,
«Двумъ первымъ подаетъ онъ способы служить.
«Такъ точно подъ землей сокрыто основанье
«Великолѣпное поддерживаетъ зданье».

Впослѣдствіи Гоголь вложилъ эту программу въ уста Тентетникова, который, собираясь бросить службу въ Петербургѣ, говоритъ своему чиновному дядюшкѣ: «у меня триста душъ, имѣнье въ разстройствѣ, и государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцеляріи другой переписать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ; званіе это также не бездѣлица. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ работящихъ подданныхъ, чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія?» («Мертвыя души» часть II, гл. 1). И тотъ же Гоголь вывелъ департаментскаго чиновника Хлестакова, который про деревню знаетъ только, что она «имѣетъ свои пригорки, ручейки». Такимъ образомъ, князь Горчаковъ представляется намъ въ живомъ соотношеніи съ общимъ ходомъ развитія литературы. Его живой умъ, его энергичное негодованіе, искрятся въ его сатирическихъ произведеніяхъ, направленныхъ не только противъ полуобразованности, но и противъ казнокрадовъ, подрядчиковъ и откупщиковъ—однимъ словомъ, противъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ объединялъ подъ общимъ именемъ «злодѣйствъ мерзительный соборъ».

Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ, при всѣхъ его задаткахъ движенія впередъ, былъ слишкомъ привязанъ къ устарѣвшимъ и для его времени тра-

диціямъ искусства и не умѣлъ сразу схватить жизненныхъ чертъ новыхъ вѣяній. Сторонникъ Державина, присяжный членъ «Бесѣды любителей русскаго слова» онъ былъ ревностнымъ поборникомъ ложно классической теоріи, въ путахъ которой писалъ комическія оперы («Калифъ на часъ», «Счастливая тоня», «Баба Яга»), отличающіяся тяжелымъ языкомъ и отсутствіемъ художественной правды въ положеніяхъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Впрочемъ, въ свое время публику могли удовлетворять, болѣе или менѣе заслуженно, такіе, напримѣръ, куплеты приказнаго Взяткина, выведеннаго въ операѣ «Баба-Яга»:

«Ибо указъ мы туда пригибаемъ,
«Гдѣбъ отъ него намъ покормка была;
«Точно то мы одно наблюдаемъ,
«Чтобы по формѣ текли всѣ дѣла.
«Выписки, справки екстракты по дѣлу
«Мы сочиняемъ, собравшись съ умомъ.
«Должно въ приказныхъ обрядахъ быть смѣлу.
«Дондеже хлѣбецъ добудешь перомъ».

Горчаковъ нападалъ на Карамзинскій сантиментализмъ, но самъ является чрезвычайно чувствительнымъ въ своей россійской повѣсти «Пламиръ и Раида» (напечатана въ 1796 г.), построенной въ духѣ «Страданій молодого Вертера».

Обращаясь къ вышедшему теперь въ свѣтъ собранію сочиненій князя Д. П. Горчакова, изданныхъ его внучкой княжной Еленой Горчаковой, и воздавая должное прекрасной внѣшности книги, обстоятельности краткой біографіи, предпосланной сочиненіямъ нашего автора, мы, къ сожалѣнію, не можемъ не отмѣтить пропуска нѣсколькихъ произведеній точно указанныхъ А. Д. Галаховымъ въ исторіи «Русской словесности» (т. II, 359). Сюда относится рядъ стихотвореній въ «Другѣ просвѣщенія» (1804—1806), изъ коихъ только одно посланіе къ Долгорукову («Другъ просвѣщенія» 1804, № 6) помѣщено въ собраніи сочиненій, причемъ помѣчено, какъ взятое изъ II тома «Исторической христоматіи» А. Д. Галахова. Хорошо было бы со стороны издательницы, почтившей память своего дѣда такимъ разумнымъ способомъ, какъ изданіе его сочиненій, пополнить отмѣченный пробѣлъ, отпечатавъ въ видѣ особаго прибавленія нечаянно пропущенныя стихотворенія. Какъ бы то ни было, кн. Горчаковъ сыгралъ довольно видную роль въ нашей литературѣ, при изученіи которой необходимо располагать возможно-полнымъ собраніемъ его сочиненій. Къ сочиненіямъ кн. Горчакова приложенъ хорошо сдѣланный портретъ его. Е. Г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Варенское событіе: бѣгство Людовика XVI съ семействомъ изъ Парижа и причина его неудачи; почтмейстеръ Друэ.—Екатерина Медичи—злая фея Франціи: правители эпохи реформаціи; политика женской красоты и лукавства во Франціи; купанье короля Франциска II въ дѣтской крови; астрологія и магія въ XVI столѣтіи; политическія предсказанія астролога Руджіери о судьбѣ послѣднихъ Валуа; параллель между Екатериной Медичи и императрицей Евгеніей.—Тьеръ о своей политической карьерѣ по воспоминаніямъ Арсена Гуссе: маленькій ростъ великихъ людей; ничтожество академическихъ лавровъ; значеніе путешествій. — Новая версія сказаній о Соломонѣ и Савской царицѣ: аравійское происхожденіе эѳіопской царицы; посѣщеніе Соломона Савской царицей; критическія времена для Соломона.

ВАРЕНСКОЕ СОБЫТІЕ. Бѣгство королевской семьи изъ Парижа 20-го іюня 1791 г. и арестованіе ея въ мѣстечкѣ Вареннѣ представляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ интереснѣйшихъ драматическихъ эпизодовъ бурной эпохи французской революціи. На описаніи этого бѣгства останавливались не только всѣ историки революціи, но и біографы членовъ королевской фамиліи: Людовика XVI, Маріи-Антуанеты и Людовика XVII.

Не смотря на обиліе описаній событія, сдѣлавшагося, казалось бы уже вполнѣ извѣстнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ, новые изслѣдователи продолжаютъ, однако, заниматься этимъ вопросомъ и стараются—по имѣющемуся нынѣ въ ихъ распоряженіи громадному матеріалу—выяснить съ возможнымъ безпристрастіемъ причины неудачи путешествія и степень отвѣтственности, падающей на лицъ, принимавшихъ въ этомъ дѣлѣ участіе. Фурнель, Варенскій уроженецъ, выросшій, какъ говоритъ онъ, почти среди очевидцевъ злополучнаго событія, собиралъ, съ своего ранняго возроста, всѣ мѣстныя устныя преданія о катастрофѣ 21-го іюня и посвятилъ разработкѣ этого вопроса все свое усердіе и умѣніе. Сочиненіе его подъ заглавіемъ «L'Evenement de Varennes» (Paris, 1890), представляетъ дѣйствительно зна-

литературы древнихъ нельзя не принимать въ соображеніе условій ихъ творчества, ихъ вкусовъ. Чтобы оцѣнить массу труда и изобрѣтательности, потраченныхъ на эту тонкую стилистическую работу, чтобы понять намѣренія, которыя ею управляли, необходимо точнѣйшее грамматическое знаніе: никакія эстетическія разглагольствованія и никакія „реаліи“ тутъ не помогутъ. Тѣ стилистическія средства Аристофановской пародіи, которыя сводятся къ выбору словъ и формъ, равно какъ и пользованіе, ради пародическихъ цѣлей, извѣстными особенностями стихосложенія, уже давно и много обращали на себя вниманіе. Нашъ эллинистъ неоднократно имѣлъ случай замѣтить, какъ въ качествѣ такого стилистическаго средства служатъ Аристофану и тѣ свойства языка, которыя обыкновенно причисляются къ синтаксису. Мы имѣемъ въ виду, напримѣръ, то, что у г. Соболевскаго на стр. 139 говорится о трагическомъ пошибѣ выраженій въ родѣ: ἐπὶ Σπάρτην ἄγειν вмѣсто εἰς Σπάρτην ἄγειν, на стр. 208 о случаяхъ постановки предлога ὑπό позади родительнаго падежа и на стр. 228 объ употребленіи, или—точнѣе сказать—о неупотребительности предлога ἀμφί у Аристофана.

П. П.

Сочиненія князя Д. П. Горчакова. VII + 180. Москва. 1890

Сочиненія извѣстнаго въ свое время литератора князя Дмитрія Петровича Горчакова, частію напечатанныя отдѣльными книгами, а частію помѣщавшіяся въ журналахъ, собраны теперь въ одинъ томъ его внукою, княжной Еленой Сергѣевной Горчаковой, которая предпослала изданію краткій очеркъ жизни своего дѣда (1758—1825).

Въ исторіи нашей литературы князь Горчаковъ извѣстенъ преимущественно какъ драматургъ и сатирикъ. Къ драматическимъ его произведеніямъ относятся три оперы: „Калифъ на часъ“ (изъ разказовъ о Гарунъ-аль-Рашидѣ), „Счастливая тоня“ и „Баба Яга“, и пятиактная комедія: „Безпечный“, отъ которой сохранился только одинъ небольшой отрывокъ. Сатиръ четыре: „Посланіе къ князю Долгорукову“, „Совѣтъ Пустону“, „Онъ и Я“ (отрывокъ) и „Русскій у подошвы Чатырдага“. Есть нѣсколько сочиненій и въ другихъ родахъ: „Письмо къ пріятелю“ (въ стихахъ), „Пламидъ и Раида“ (повѣсть), двѣ Бесѣды въ стихахъ: „О суетности“ и „Объ уединеніи“.

Театральныя піесы князя, по свидѣтельству историковъ нашего театра, имѣли большой успѣхъ въ девяностыхъ годахъ восемнадца-

Журн. Мин. Нар. Просв. 1891 Апрѣль

таго вѣка. Оперы его, особенно „Калифъ на часъ“, по наивному, простодушному комизму и благополучнымъ развязкамъ нравились публикѣ, почему и давались часто. Успѣху ихъ, конечно, содѣйствовали музыка и пѣніе; многіе куплеты заучивались наизусть и вошли въ такъ называемые Пѣсенники. Что касается до комедіи „Безпечный“, то она дана была позднѣе—въ 1801 году.

Наибольшій талантъ князя Горчакова обнаружился въ сатирѣ. Позволяю себѣ привести о нихъ мнѣніе, высказанное мною въ II-мъ томѣ моей „Исторіи русской словесности“:

„Негодованіе князя Горчакова — ювеналовское, по энергическому пылу родственное тирадамъ Чацкаго въ „Горѣ отъ ума“. Онъ дѣйствовалъ перомъ съ воинственной отвагой и противъ подлыхъ чувствъ и дѣлъ шелъ такъ же смѣло, какъ на приступъ Измаила, не щадя враговъ. Враги были не внѣшніе, какъ при Суворовѣ, а внутренніе и многочисленные, такъ называемыя авторомъ новыя неистовства вѣка. Какія же именно? Игроки въ банкъ, вѣжливо и хладнокровно пускающіе цѣлыя семейства по міру; Подлягины—не правители, а разорители ввѣренныхъ имъ губерній; казнокрады, вымещающіе на казнѣ убытокъ, понесенный ими при грабительствѣ согражданъ; подрядчики интендантскіе, болѣе чумы и картечи погубные для арміи; откупщики, настроившіе себѣ чертоговъ на разбавленное вино.... короче: злодѣйствъ мерзительный соборъ. Особенному гнѣву сатирика подвергаются тѣ личности, которыя совершенно забыли французское изреченіе: „la noblesse oblige“. Онъ выставляетъ на позоръ постыдную ничтожность Пустоновъ и Празднолюбовъ, утрату чести, долженствующей быть главнымъ отличіемъ благороднаго сословія, и пренебреженіе къ службѣ, составляющей главную его обязанность. Язвительно осмѣиваются русскіе французы, то-есть, петиметры, щеголи, называвшіеся въ то время невѣроятными (incroyables) „по особенному покрою платья“. Въ число новыхъ „неистовыхъ“ явленій времени Горчаковъ включилъ и новыя литературныя явленія: Карамзинскую реформу слога, сентиментализмъ, размноженіе періодическихъ изданій, мѣщанскія драмы“.

Нѣкоторые стихи его по этимъ предметамъ сдѣлались поговорками; напримѣръ:

Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И, наконецъ, я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной.

Сочувствуя классическимъ писателямъ временъ Людовика XIV и Людовика XV и видя въ Вольтерѣ образцоваго трагика, онъ не могъ помириться съ тѣмъ фактомъ, что мѣщанскія драмы Коцебу перебиваютъ дорогу у французской Мельпомены:

Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ.
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца;
Одинъ лишь „Сынъ любви“ здѣсь трогаетъ сердца!
„Гусситы“, „Попугай“ предпочтены Соренѣ
И коцебятина одна теперь на сценѣ.

Замѣчательно стихотвореніе: „Русскій у подошвы Чатырдага“, написанное передъ 1812 годомъ. Гора Чатырдагъ служитъ для Горчакова эмблемою апогея Наполеонова величія и славы. Онъ удивляется преклоненію этому исполину; онъ, воспаленный сыновнимъ чувствомъ къ родинѣ, негодуетъ на нашу слабость, благодаря которой дерзкій корсиканецъ осмѣлился предписывать намъ уставы. Не то было при Екатеринѣ. Да и всегда Россія была „пространною колыбелью героевъ“. Отчего-же теперь иначе?

Какой же чарою противъ своихъ враговъ
На ратномъ поприщѣ безсильствуешь ты нынѣ?
Какой враждебный духъ, устроя хитрый ковъ,
Къ постыдной могъ тебя довесть теперь судьбинѣ?

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ слѣдующіе стихи:

Нѣтъ нужды намъ искать героевъ чуждыхъ странъ;
Довольно есть своихъ искусныхъ сограждан,
Чрезъ воды насъ, чрезъ огнь могущихъ весть въ храмъ славы;
Монархъ, отечество—ихъ правила, уставы.
Но если зодчій, взявъ гдѣ глину за гранитъ,
Изъ нихъ соорудить огромный храмъ возмнитъ,
Обрушиться должно тотчасъ непрочно зданье;
Когда употребленъ въ дѣлахъ
Невѣжда или даже врагъ,
Худой успѣхъ всегда обманетъ ожиданье.

За симъ авторъ взываетъ сначала къ своимъ соотечественникамъ:

О вы, что честолюбья гласъ
Влечетъ за пышностью, за почестьми, чинами,—
Почестолюбствуйте хоть разъ
Прямыми быть отечества сынами!

а потомъ и къ земнымъ владыкамъ:

Владыки царствъ земныхъ!
Межъ милліонами подвластна вамъ народа
Великихъ душъ рождать не устаетъ природа:
Употребляйте только ихъ;
И мудростью водимы,
Ихъ отличать въ толпѣ стремите бдящій взоръ:
Такъ злато рудокопъ въ ущельяхъ видитъ горъ,
Гдѣ мыслятъ зрѣть одну дресву простолюдины.

Разказываютъ, что министръ полиціи [1]) Балашовъ, прочитавъ это стихотвореніе Императору Александру I, нашелъ невозможнымъ предать его печати.—Отчего же?—сказалъ Государь: „qui se sent morveux se mouche“ (на ворѣ шапка горитъ).

А. Галаховъ.

Отвѣтъ г. Александренку.

Отвѣты на отвѣты вещь очень скучная и большею частью безплодная, особенно когда споръ ведется съ такимъ раздраженіемъ, какое слышится въ отвѣтѣ г. Александренко. Да въ сущности и спорить мнѣ съ нимъ не о чемъ. Онъ старается изо всѣхъ силъ доказать, что если я не убѣдился его доводами и не нашелъ его изложенія яснымъ и обстоятельнымъ, то все это потому, что прежде, чѣмъ „изучать“ его книгу, я не ознакомился самъ съ источниками его работы: въ нихъ я бы нашелъ и объясненіе непонятнаго и доказательствъ недоказаннаго въ его изслѣдованіи. Можетъ быть; охотно готовъ вѣрить г. Александренку. Но признать это, едва ли не значитъ произнесть надъ его трудомъ гораздо болѣе суровый приговоръ, чѣмъ выраженный въ моей рецензіи, но въ сущности согласный съ нею,—что изслѣдованіе автора при всемъ обиліи находившагося въ его распоряженіи матеріала представляетъ собою безплодный и напрасный трудъ. Какое, въ самомъ дѣлѣ, значеніе можетъ имѣть книга, которую не возможно „изучать“ иначе, какъ ознакомившись предварительно съ ея источниками? Кто изучалъ источники, тому незачѣмъ изучать еще и книгу автора, а для всѣхъ другихъ, по собственному его признанію, она будетъ даже непонятна.

---

[1]) А не юстиціи, какъ напечатано въ книгѣ. Жаль, что въ изданіи есть не мало ошибокъ. Вѣроятно, оригиналомъ служили прежнія малограмотныя изданія или не выправленныя рукописи.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

XVI.

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ.

Князь Д. П. Горчаковъ родился 1 января 1758 года (Рос. родосл. книга, кн. П. Долг., ч. I, стр. 63, подъ № 43; считаю это указаніе болѣе вѣрнымъ, чѣмъ приведенное митр. Евгеніемъ и Гречемъ, будто временемъ его рожденія былъ 1762 годъ). Онъ получилъ домашнее воспитаніе, а въ службѣ не пошелъ далѣе чина коллежскаго совѣтника (Слов. митр. Евг., ч. I, стр. 153). Владѣя несомнѣннымъ даромъ стихотворца и одаренный литературными стремленіями, князь Д. П. Горчаковъ не былъ однако никогда записнымъ литераторомъ и писалъ какъ-бы урывками. Бо́льшая часть его произведеній осталась неизданною, отчасти потому, что у него было не мало неудобнаго къ печати, отчасти потому, что въ его стихахъ было много прямыхъ и косвенныхъ личностей, а еще болѣе по собственной его небрежности. Изъ стихотвореній его „неудобныхъ для печати“, особенно былъ извѣстенъ въ свое время одинъ его „Noël“, гдѣ выведенъ, между прочимъ, былъ фонъ-Визинъ. Стихи князя Д. П. Горчакова печатались нерѣдко уже послѣ его смерти (См., напр., альманахъ Б. М. Ѳедорова, „Памятн. Отечеств. Музъ“, 1827). Изъ нихъ многіе, въ свое время, обращались въ журналистикѣ и въ бесѣдахъ, въ видѣ пословицъ, какъ впослѣдствіи стихи Грибоѣдова. Въ началѣ текущаго столѣтія князь Д. П. Горчаковъ славился въ Москвѣ, какъ одинъ изъ главныхъ вольтеріанцевъ, вмѣстѣ съ Ѳ. Г. Каринымъ и Н. Ѳ. Карцовымъ (Дневн. студ., 1805—1806 годовъ., стр. 70 и 98). Но вскорѣ видимъ его уже въ Петербургѣ, въ обществѣ благочестивыхъ литераторовъ, которые группировались около Державина и Шишкова (Дневн. чиновн., соч. Кихар., въ „Отеч. Зап.“, 1855 г.). Какъ сторонникъ ихъ, попалъ онъ 30 августа 1807 года въ члены россійской академіи (Имян. спис. дѣйств. и поч. чл. имп. рос. акад., стр. 13, подъ № 112), а въ 1811 году въ члены Шишковской „Бесѣды Любителей Русскаго Слова“, при ея основаніи (Соврем., 1856, № 5, смѣсь, стр. 8). Замѣчательно, что всѣ отдѣльно вышедшія произведенія князя Д. П. Горчакова были напечатаны въ минувшемъ вѣкѣ, а въ эпоху, когда онъ пользовался наибольшимъ почетомъ, то-есть уже послѣ кончины Екатерины II, въ книжныхъ каталогахъ имя его уже не встрѣчается. Такъ и игранная въ 1801 году на сценѣ комедія его въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ,

„Безпечный“, не была напечатана (Слов. митр. Евг., ч. I, стр. 154, и опытъ кратк. ист. русск. лит., Греча, стр. 334). Князь Д. П. Горчаковъ скончался 29 ноября 1824 г. (Рос. род. книга кн. П. Долг., ч. I, стр. 63, подъ № 43). Онъ былъ женатъ на Натальѣ Ѳедоровнѣ Боборыкиной и оставилъ отъ брака съ нею двухъ дочерей и трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій—князь Петръ Дмитріевичъ (род. 1789, ум. въ мартѣ 1868) былъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, а второй—князь Михаилъ Дмитріевичъ (род. 1790, ум. 18 мая 1861) былъ намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ (Ibid., стр. 63 и 64).*

Отдѣльно изданы слѣдующія произведенія князя Д. П. Горчакова:

1) «Калифъ на часъ», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1786 (Соп. № 7,431; Плав., № 6,026, показ., что напеч. въ Спб., 1788 года; Смирд., № 7,677). Музыка Пашкевича (Историч. очеркъ русской оперы, Маркова, стр. 34).

2) «Щастливая тоня», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1786 (Соп., № 7,512; Плав., № 6,107; Смирд., № 7,749). Музыка Стабингера (Истор. очеркъ русск. оперы, стр. 35).

3) «Баба-яга», опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Калуга, 1788. (Соп., № 7,396; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 7,642). Музыка Стабингера. (Ист. очер. русск. оперы, стр. 35).

4) «Пламиръ и Ранда», россійская повѣсть. М., 1796 (Соп., № 8,263; Плав. № 4,605; Смирд., № 8,428).

М. Н. Лонгиновъ.

Оттиски изъ «Русской Старины» 1871 г.

Печатня В. Головина, Владимірская, д. № 15.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ КНЯЗЯ Д. П. ГОРЧАКОВА.

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ принадлежитъ къ числу забытыхъ и совсѣмъ не изученныхъ, но любопытнѣйшихъ писателей переходнаго времени отъ Ломоносова, Державина и Н. Львова—къ Пушкину и къ „Пушкинской Плеядѣ". Это, такъ сказать, связующее звѣно между „вѣкомъ нынѣшнимъ" и „вѣкомъ минувшимъ". Носитель и представитель лучшихъ литературныхъ и общественныхъ преданій XVIII вѣка, тонкій и острый наблюдатель, жестокій врагъ жеманства и приторной фальши нашего сантиментализма и (ранняго) романтизма, онъ пробовалъ обосновать свои неясныя стремленія къ реализму, поэтической простотѣ и жизненной правдѣ изображеній, къ сближенію поэзіи съ дѣйствительностью, обществомъ и народностью на своеобразно понятыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ литературнаго кодекса Французскаго классицизма. Во имя „правилъ" нападалъ онъ на слезливую дребедень слѣпыхъ и рабскихъ подражателей Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова; отрицательно относился онъ и къ поэзіи самихъ учителей, слишкомъ отрѣшенной отъ жизни и подчасъ искусственной. За отстаиваньемъ „правилъ" чувствовалось требованіе „Русскаго покроя"...

Несмотря на открыто выражаемую ненависть къ литературнымъ новшествамъ и принадлежность къ „Бесѣдѣ", князь Горчаковъ находилъ себѣ справедливую, довольно высокую оцѣнку у своихъ литературныхъ враговъ, „Арзамасцевъ" и близкихъ къ нимъ лицъ. Батюшковъ съ большимъ интересомъ прислушивается къ его сатирическимъ выходкамъ; князь Вяземскій выражается про него такъ: „извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ (А. С.), котораго превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя болѣе рукописною, нежели печатною славою". Очень сочувственно отзывались о немъ Жихаревъ, С. Т. Аксаковъ, Пушкинъ.

Литература о князѣ Горчаковѣ очень скудна и сводится къ нѣсколькимъ бѣглымъ и коротенькимъ замѣткамъ. Въ 1890 году его внучка издала въ Москвѣ „Сочиненія князя Д. П. Горчакова", но руководилась при ихъ подборѣ неполнымъ и неточнымъ библіографическимъ перечнемъ Галахова въ его „Исторической Хрестоматіи", благодаря чему допустила много про-

бѣловъ и промаховъ. Насколько мы знаемъ, это изученіе вызвало только одну замѣтку, очень безсодержательную, въ „Филологическихъ Запискахъ“.

Вѣроятно, князь Горчаковъ не скоро еще удостоится полнаго критическаго изданія своихъ сочиненій. Желая напомнить объ его несправедливо забытой литературной дѣятельности и дополнить изданіе княжны Е. С. Горчаковой, мы приводимъ нѣсколько матеріаловъ, которые намъ удалось разыскать въ старыхъ періодическихъ изданіяхъ и которые не вошли въ изданіе 1890 г.

Влад. Каллашъ.

I. Моя доля *)

Пусть парящъ надъ облаками
Пламенный Эраты другъ,
Вдохновенными стихами
Льстясь восхитить смертныхъ слухъ,
На своей гремящей лирѣ
Гимны небесамъ поетъ:
Гласъ его раздался въ мірѣ,
И ему внимаетъ свѣтъ.
Иль другова въ честь предмета
Истоща Пермесскій токъ,
Въ славу вѣнценосцевъ свѣта
Пусть тотъ роскоши поетъ;
Пусть изъ лавръ плететъ вѣнокъ.
Важны пѣсни, громки тоны,
Тронувши монарховъ слухъ,
Имъ подъ тягостью короны
Усладятъ на время духъ.
Пусть всѣ жители Парнаса
Посвятятъ свои часы
Разнымъ тонамъ лирна гласа
Пѣть вселенныя красы!
Пусть иной богатство славитъ;
Третій пусть свой бѣгъ направитъ
Къ возглашенію побѣдъ.
Не завидуя ихъ дару:
Я пою для той одной,
Кѣмъ, внимая сердца жару,
Страстной духъ наполненъ мой;
Кѣмъ душа моя вспаленна,
Ту на лирѣ славлю я.
Небеса, цари, вселенна

*) „Аониды“, 1796, М., I, 87—89.

Все мнѣ *Хлоюшка* моя.
Льстить не можетъ мнѣ награда
Всей подсолнечной царей,
Я пою... изъ нѣжна взгляда
Милой *Хлоюшки* моей.
Взоръ ея одинъ виновникъ,
Что мой голосъ слышитъ свѣтъ:
Лишь взглянула... я любовникъ;
Пожелала... я поэтъ.

II. Мадригалъ [1]).

Дивились, что любить я выучился вмигъ;
Но это, видно, позабыли,
Что у меня на тотъ разъ были
Учитель *Хлоюшка*, а сердце ученикъ.

III. Портретъ [2]).

Въ сердца мужчинъ вливать любовь,
А въ женщинъ—зависть и досаду;
Зажечь единымъ взглядомъ кровь
И тѣмъ же взглядомъ дать отраду;
Быть умницею не гордясь,
Красавицею не рядясь,
Имѣть и видъ и нравъ небесный:
Вотъ *Хлоюшки* моей портретъ нелестный!

IV. Къ розѣ [3]).

О роза, о цвѣтокъ прелестный!
Не вянь, не вянь, живъ въ вѣкъ пребудь!
У *Хлоюшки* моей небесной
Недавно украшалъ ты грудь.
Ахъ, нѣтъ! Ты ею украшался.
На сердцѣ бывши у нея,
Ея огнемъ ты оживлялся
И обновлялъ все бытіе.
Съ ея сошедши груди страстной,
О милой мой цвѣтокъ, прекрасной,
Ты для моихъ прельщенныхъ глазъ

---

[1]) „Аониды“, I, 90. (Жуковскій), Собраніе Русск. стихотв., V, М., 1811, стр. 36.

[2]) „Аониды“, I, 91. (Жуковскій), в. с., стр. 37. (Яковлевъ), Опытъ Русской анѳологіи, Спб., 1828, стр. 35; „Собраніе образц. Рус. соч. и перев. въ стихахъ, V, Спб. 1822, стр. 154—155.

[3]) „Аониды“, I, 138—140.

Алѣй явился во сто разъ.
Ты нѣжна сердца трепетанье
Ея о миломъ ощутилъ;
Ты страстнаго о мнѣ вдыханья
Свидѣтелемъ неложнымъ былъ,
И ей мнѣ въ знакъ любви врученной,
Ея всѣ чувства распаленны
Съ собой мнѣ въ сердце перенесъ.
Покойся, о посланникъ вѣрный!
На сердцѣ, въ коемъ жаръ чрезмѣрный,
Вліяніе самихъ небесъ,
По самый гробъ не истребится
Къ дражайшей *Хлоюшкѣ* моей;
Въ которомъ жизнь теперь хранится
Одной любовью только къ ней.
Будь также—будь равно свидѣтель
Въ движеньяхъ сердца моего,
Коликихъ благъ она содѣтель
Возлюбленнаго своего.
Исчисли тѣ движенья страстны,
Которыхъ лишь она виной;
Прими вздыханья повсечасны,
Къ ней посылаемыя мной;
Зри, что ей въ сердцѣ сорудился
Алтарь, какъ Богу самому;
Что ѳиміамъ на немъ вскурился
Ея лишь взору одному;
Что духъ мой *Хлоюшкиной* вѣчно
Прельщаться будетъ красотой
И это чувствіе сердечно
Ей передай опять съ собою.

V. Письмо къ Г. Д. И. Х(востову) *).

Писать къ тебѣ желаю,
Любезный мой Х(востовъ),
Но чѣмъ начать, не знаю:
Ни мыслей нѣтъ, ни словъ.
Живущаго въ пустынѣ
Прости ты въ томъ меня,
Сѣдлаю рѣдко нынѣ
Я Фебова коня.
Едва лишь свѣту міра

*) „Другъ Просвѣщенія“, 1804, ч. II, 116—118.

Заря откроетъ путь,
Дыханіе Зефира
Начнетъ пріятно дуть;
Природа, оживяся,
Воспримет новый видъ,
И солнце, пробудяся,
Направитъ бѣгъ въ зенитъ:
Различныхъ птичекъ пѣнья,
Ушамъ пріятный звонъ,
Тогда противъ хотѣнья
Прерветъ мой сладкой сонъ, —
Я тутъ освѣдомляюсь
Тотчасъ, хорошъ ли день;
Встаю и одѣваюсь;
Одолѣваю лѣнь.
Спѣшу насытить зрѣнье
Природы красотой,
И сладко восхищенье
Начнетъ владѣти мной.
Вездѣ встрѣчаютъ взоры
Покрытые луга
Дарами нѣжной Флоры
И злачные брега.
Тамъ гордый дубъ скрываетъ
Свой верхъ во облакахъ
И травку презираетъ,
Растущу на лугахъ.
А пряди мягки лозы
Сплетясь даютъ прохладъ,
Вкругъ ихъ цвѣтущи розы
Льютъ въ воздухъ ароматъ.
Я къ розѣ пробираюсь,
Ложуся на траву;
Я розой утѣшаюсь,
Однако не сорву.
Коснуться не дерзаю
Къ ней смѣлою рукой:
Въ ней образъ почитаю
Ирисы дорогой,
Ирисы, коей страстну
Я душу посвятилъ,
Съ тѣхъ поръ, когда прекрасну
Увидя полюбилъ.
Невинность съ красотою,

Всѣхъ прелестей соборъ
Пріятною мечтою
Освѣтили мой взоръ.
Вездѣ ее встрѣчаю,
Ей полны всѣ мѣста;
Я въ розѣ обрѣтаю
Ирисины уста;
Зефиръ ли устремится
Въ листки лилеи дуть—
Въ лилеѣ мнѣ явится
Ирисы нѣжна грудь.
Иль послѣ темной ночи
Увижу солнце я,
Я мыслю видѣть очи
Ирисы моея.
Все мнѣ напоминаетъ
Присутствіе драгой,
И мысли ужъ не знаетъ
Душа моя другой.
Съ тѣхъ поръ, какъ я въ разлукѣ
Съ возлюбленной моей,
Живу въ несносной скукѣ,
Не зрю веселыхъ дней.
Ирисою прельщаюсь
Среди блудящихъ думъ,
Ирисой восхищаюсь,
И стихъ нейдетъ на умъ.

№ 2193/5 Марта 1904 1½ л. 110

В. В. Каллашъ.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I—II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. О., 9 л., № 12).
1903.

В. В. Каллашъ.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ

ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I—II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. О., 9 л., № 12).
1903.

1904/1

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. VIII (1903 г.), кн. 3-ей, стран. 353—374.

Матеріалы и замѣтки по исторіи русской литературы.

I.

«Святки» (Noël) кн. Д. П. Горчакова.

Кн. Д. П. Горчаковъ принадлежитъ къ числу забытыхъ и совсѣмъ не изученныхъ, но любопытнѣйшихъ писателей переходнаго времени отъ Ломоносова, Державина и Н. Львова — къ Пушкину и «Пушкинской плеядѣ». Онъ, такъ сказать, связующее звено между «вѣкомъ нынѣшнимъ» и «вѣкомъ минувшимъ». Носитель и представитель лучшихъ литературныхъ и общественныхъ традицій XVIII вѣка, тонкій и острый наблюдатель, жестокій врагъ жеманства и приторной фальши нашего сантиментализма и (ранняго) романтизма, онъ пробовалъ обосновать свои неясныя стремленія къ реализму, поэтической простотѣ и жизненной правдѣ изображеній, свои робкія попытки сблизить поэзію съ дѣйствительностью, обществомъ и народностью — на своеобразно понятыхъ отдѣльныхъ мѣстахъ литературнаго кодекса французскаго классицизма. Во имя «правилъ» нападалъ онъ на слезливую и аффектированную дребедень слѣпыхъ и рабскихъ подражателей Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова; отрицательно относился онъ и къ поэзіи самихъ учителей, слишкомъ отрѣшенной отъ жизни и подчасъ искусственной. За отстаиваніемъ «правилъ» чувствовалось знаменательное требованіе «русскаго покроя»... Несмотря на открыто выражаемую ненависть

къ литературнымъ новшествамъ и принадлежность къ «Бесѣдѣ», кн. Горчаковъ находитъ себѣ справедливую, довольно высокую оцѣнку у своихъ литературныхъ враговъ — «Арзамасцевъ» и близкихъ къ нимъ лицъ. Батюшковъ съ большимъ интересомъ прислушивается къ его сатирическимъ выходкамъ; кн. Вяземскій выражается о немъ такъ: «извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ (А. С.), котораго превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя болѣе рукописною, нежели печатною славою»; очень сочувственно отзывались о немъ — Жихаревъ, С. Т. Аксаковъ, Пушкинъ.

Выше всего цѣнили его сатиры, «презрѣвшія печать». Въ нихъ обыкновенно много соли и перцу, прекрасная разговорная рѣчь, яркіе слѣды рѣзкаго насмѣшливаго ума.

Одна изъ лучшихъ сатиръ — «Noël», «Святки» — направлена противъ министровъ Александра I и, что очень интересно, противъ нѣкоторыхъ членовъ «Бесѣды». Если принять во вниманіе всѣ упоминаемыя лица, она могла быть написана около 1816—1817 гг.

Въ свое время она пользовалась большою популярностью и бойко расходилась въ рукописи, нѣсколько варіируемая, по всей вѣроятности, авторомъ. Одинъ изъ ея списковъ былъ напечатанъ въ «Искрѣ» 1870 (стр. 1539—1542; цитируется дальше *И*), другой, безъ фамиліи автора, въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 г. (VII, 403—407; цит. *А*). Кромѣ того, мы могли воспользоваться двумя рукописями изъ частныхъ собраній (*Р*).

Дальше мы даемъ сводный списокъ, полнѣе всѣхъ напечатанныхъ раньше, съ указаніемъ болѣе любопытныхъ варіантовъ. Въ своемъ осмѣяніи Александровскихъ министровъ кн. Горчаковъ не былъ одинокъ: такими «издѣвками» была полна литература того времени.

Напр., по словамъ кн. Вяземскаго (Соч., VIII, 502—503), въ началѣ царствованія Александра I ходила программа мини-

стерскаго концерта: каждый сановникъ пѣлъ какую-нибудь извѣстную пѣсню. Одинъ:

Винятъ меня въ народѣ...

Другой, угрожаемый отставкою:

Я въ пустыню удаляюсь
Изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Третій, который неоднократно мѣнялъ мѣсто служенія:

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду.

Военный министръ:

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ.
Лавры, васъ я не ищу!

Морской:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю.
Унеси ты, мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Министръ финансовъ:

Доволенъ я судьбою
И милою богатъ:
О, Лиза, кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Министръ просвѣщенія:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.

Въ сатирѣ кн. Горчакова больше силы и яду, при очень ори-

* Напечатано в "Русской Старине" "Записки о конкурсе, данном Высочайше саном" (т. 1871, т. IV, стр. 801–803)

гинальномъ размѣрѣ и прекрасномъ, за рѣдкими исключеніями, для своего времени языкѣ [1]).

Различные списки отличаются размѣрами. Въ нѣкоторыхъ вставки, которыя, по всей вѣроятности, не принадлежатъ кн. Горчакову (рѣзкія выходки противъ членовъ «Бесѣды»): строфа о Кикинѣ, напр., несомнѣнно принадлежитъ кн. Вяземскому; ему же можетъ принадлежать и строфа о Чичаговѣ.

Сатира кн. Горчакова такъ вообще нравилась, что вызывала разнообразныя подражанія, строфы которыхъ могли попадать въ ея отдѣльныя редакціи.

Амурчика рожденьемъ [1])
Встревожился [2]) народъ.
Къ Венерѣ [3]) съ поздравленьемъ [4])
Пустился всякій сбродъ:
Монахъ, рифмачъ, прелестники [5]), вельможи;
Иной [6]) пѣшкомъ, иной въ саняхъ.
Дитя [7]) глядитъ на нихъ [8]) въ слезахъ
И вóпитъ: «что за рожи!»

Совѣтъ нашъ именитый [9]),
И въ лентахъ, и въ звѣздахъ,
Приходитъ съ [10]) шумной свитой —
Малютку пронялъ [11]) страхъ.
— «Не бойся», говорятъ [12]), «сиди себѣ [13]) въ покоѣ:

---

1) Первыя двѣ строчки, въ искаженномъ видѣ, цитируетъ по рукописи Галаховъ въ своей «Истор. христ.» (II, 1880, 270):

Спасителя рожденье
Встревожилъ (sic) весь народъ.

Варіанты: 1) *И*: Вновь года нарожденье. *Р*: Спасителя рожденье. 2) *И, Р.*: встревожило. 3) *И*: къ нему. *Р*: къ Христу. 4) *И, Р*: на поздравленье. 5) *И*: Монахи, риѳмачи, красавицы. 6) *И*: одинъ. 7) *Р.*: Христосъ. 8) *И*: вздрогнувъ, кричитъ. 9) *И*: именитой. Дѣло идетъ о Государственномъ совѣтѣ. 10) *И*: нѣтъ. 11) *И*: обнялъ. 12) *И*: не страшись. 13) *И*: останься ты.

Не обижаемъ [14]) никого;
Мы, право, право, ничего,
Хоть насъ число большое»...

Нашъ Неккеръ, запыхаясь [15]),
Амурчику [16]) сквозь слезы,
У ногъ его валяясь,
Молитву произнесъ:
«Мой боже [17]), сотвори ты въ нашу пользу [18]) чудо!
Оно тебѣ, какъ плюнуть разъ;
А безъ него, боюсь, у насъ
Финансамъ будетъ худо!»

«Склонись на просьбу [19]) нашу [20]),
Рука твоя легка,
А для тебя я кашу
Начну варить пока [21]).
О мастерствѣ моемъ уже здѣсь всякой [22]) свѣдалъ,
Я кашу лучше всѣхъ варю,
И съ той поры, какъ взятъ къ царю,
Я [23]) только то и дѣлалъ».

Сподвижникъ [24]) знаменитый [25])
Его достойныхъ [26]) дѣлъ,
Румянами покрытый,
Къ Венерѣ [27]) вдругъ подсѣлъ.
Онъ говоритъ: «себѣ [28]) подобнаго не знаю:

---

14) *И*: мы не обидимъ. 15) Въ *И* и *Р* пятая строфа. Неккеръ — гр. Гурьевъ, министръ финансовъ (1810—1823). 16) Къ ребеночку (Спасителю). *Р*. 17) *Р*: о годъ! (о Боже!). 18) Содѣлай ты на пользу нашу.
19) *И*: пользу. 20) Въ *И* шестая строфа. 21) «Гурьевская каша».
22) *И*: Здѣсь каждый уже. 23) Лишь *И. Р.*
24) Директоръ департамента, сенаторъ и генералъ-майоръ М. А. Обрѣзковъ. Указаніе «Искры» на гр. Н. П. Румянцева не соотвѣтствуетъ содержанію строфы. 25) Въ *И. Р.* седьмая строфа. 26) Преславныхъ.
27) Маріи. 28) «Себѣ», онъ говоритъ.

Военнымъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Теперь, когда торговли нѣтъ,
Торговлей управляю».

[Малютка удивленный
Замѣтилъ, что взади
Стоялъ мужъ отличенный,
Ему бъ быть впереди!
Спросилъ: «но отчего жъ труслива такъ личина,
А онъ въ сіяньи почестей?»
— «Я изъ солдатскихъ вѣдь дѣтей —,
Вотъ вся тому причина...] [29]).

Пронырливый отъ вѣка [30])
Сибирскій лилипутъ,
Обращикъ человѣка,
Явился Пестель [31]) тутъ:
«Что правитъ Зевсъ [32]) съ небесъ землей, ни въ грошъ не ставлю—
Диви, пожалуй, онъ [33]) глупцовъ!
Сибирь и [34]) съ Невы береговъ
И правлю я, и граблю!»

Амуру [35]) въ новоселье
Несетъ [36]) министръ овецъ:
Россійское издѣлье [37]),
Суконный образецъ [38]).
«Я знаю», говоритъ: «сукно мое дрянное,
Но ты носи [39]), любя меня

---

29) Третья строфа въ *И, Р.* Въ версіи «Русскаго Архива» ея совсѣмъ нѣтъ. Ее толкуютъ, какъ намекъ на Аракчеева, но онъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. 30) Въ *И, Р* десятая строфа. 31) Сибирскій генералъ-губернаторъ, заглазно управлявшій краемъ. 32) Богъ *И, Р.* 33) Пускай онъ тѣмъ дивитъ. 34) *И, Р*: Сибирью. 35) Христу на. 36) Принесъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ (1810—1819). Въ *И* 4-я строфа. 37) *И. Р*: россійскаго издѣлья. 38) Вѣроятно, намекъ на суконныя фабрики Козодавлева. 39) *И, Р*: надѣнь.

И въ *Сѣверной* о другѣ я [40])
Скажу словцо — другое!»

Вдругъ слышенъ шумъ у входа [41]):
Березинскій герой [42])
Кричитъ толпѣ народа:
«Раздвиньтесь, я герой!» [43])
— «Пропустимте его», вдругъ [44]) каждый повторяетъ:
«Держать его грѣшно бы намъ:
Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
Охотно пропускаетъ!»

Украшенный вѣнками [45])
Приходитъ Витгенштейнъ.
Герою ревмачами
Давно приписанъ Рейнъ!
Онъ говоритъ: «Богъ вѣсть, какъ съ вами очутился;
Летѣлъ я къ славѣ налегкѣ —
Летѣлъ, летѣлъ съ мечомъ въ рукѣ,
Но съ Люцена [46]) я сбился!»

Съ поэмою холодной [47])

---

40) *И, Р*: А въ «Почтѣ Сѣверной» и я... Козодавлевъ основалъ «Сѣверную почту» и принималъ въ ея изданіи большое участіе.

41) Въ *И, Р* 8-я строфа. По свидѣтельству кн. Вяземскаго (Соч., VIII, 82 и XIX в., II, 296) ходила по рукамъ, какъ отдѣльное осьмистишіе. Можетъ быть, оно принадлежало ему, такъ какъ подобными фразами («вотъ осьмистишіе, ходившее по рукамъ») онъ часто прикрывалъ свое творчество, въ которомъ почему-либо не хотѣлъ признаваться. Срв. еще «Русск. Стар.» 1873, май, 718.

42) Адмиралъ Чичаговъ, пропустившій Наполеона при Березинѣ.

43) *И, Р*: «Раздайся предо мной». У кн. Вяземскаго: «Раздвиньтесь предо мной».

44) *И, Р*: Здѣсь. У кн. Вяземскаго «Тутъ».

45) Въ *И, Р* этой строфы совсѣмъ нѣтъ.

46) Витгенштейнъ, любимецъ Александра, послѣ несчастнаго для русскихъ Люценскаго сраженія былъ смѣненъ Барклаемъ-де-Толли.

47) Въ *И, Р* этой строфы нѣтъ.

Студеный Шаховской [48])
Приходитъ въ часъ свободный
Читать акаѳистъ свой.
При первыхъ двухъ стихахъ дитя прилегъ головкой.
«Спасибо!» няня говоритъ:
«Читай, читай! Смотри, какъ спитъ:
Баюкаешь ты ловко!»

Къ Амуру риторъ новый [49])
Подходитъ Филаретъ [50]),
Къ услугамъ всѣхъ готовый:
«Азъ — невскій Боссюэтъ!
Мнѣ, право, никогда быть умникомъ не снилось,
Но тотъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что я въ умники попалъ,
Нечаянно случилось!» [51])

Въ Венерѣ благодатной [52])
Растрепанный бѣжитъ
Кликуша князь Шахматной [53]),
Бьетъ о́бъ грудь и визжитъ:

---

48) Извѣстный комическій писатель кн. А. А. Шаховской. Его «холодная поэма» — вѣроятно, «Расхищенныя шубы, ироикомическая поэма» (1811 — 1815), печатавшаяся въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ Люб. Русск. слова».

49) Въ *И*, *Р* этой строфы нѣтъ.

50) Митрополитъ Московскій.

51) Кн. Вяземскій (Соч., VII, 410) говоритъ (1875 г.): «это напоминаетъ мнѣ мой же сатирическій куплетъ, давнымъ давно на кого-то написанный:

Одинъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что онъ въ умники попалъ,
Нечаянно случилось».

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло или съ lapsus memoriae у престарѣлаго кн. Вяземскаго, или со вставкой въ сатиру кн. Горчакова подходившаго по размѣру куплета кн. Вяземскаго.

52) Въ *И*, *Р* нѣтъ.

53) Кн. Ширинскій-Шихматовъ, членъ Шишковской «Бесѣды», позднѣе поступившій въ монахи.

«Венера, будь мнѣ щитъ, я вовсе погибаю;
Лукавый смыслъ мой помрачилъ,
Шишковымъ я испорченъ былъ:
Очисти, умоляю!»

Хвостовы [54]) предъ малюткой [55])
Другъ съ другомъ входятъ въ бой;
Одинъ съ старинной шуткой,
Съ мѣшкомъ стиховъ другой.
Одинъ кричитъ: «словцо!» Другой мяучитъ: «ода!»
Малютка, ихъ прослуша вздоръ,
Сказалъ, возвыся къ небу взоръ:
«Несчастная порода!»

За ними пара Львовыхъ [56])
Выходитъ изъ толпы,
«Бесѣды» стѣнъ Петровыхъ
Надежные столпы [57]).
Прослушавши Амуръ привѣтствіе ихъ длинно
И, смѣря съ ногъ до головы,
«Ужъ не Хвостовы ли и вы?»
Спросилъ онъ ихъ наивно.

Трактатъ о воспитаньи [58])
Приноситъ новый Локкъ [59]):

---

54) Въ *И*, *Р* нѣтъ.

55) А. С., извѣстный острякъ, и гр. Д. И., извѣстный метроманъ. Второй постоянно былъ мишенью острот для перваго.

56) Въ *И*, *Р* этой строфы нѣтъ.

57) П. Ю. и Ѳ. П. Львовы, послѣдователи Шишкова и видные члены «Бесѣды».

58) Въ *И*, *Р* 11-ая строфа.

59) И. М. Муравьевъ-Апостолъ, бывшій посломъ въ Испаніи и не пользовавшійся тамъ уваженіемъ. Пользовался значительнымъ авторитетомъ въ кружкѣ москвичей, бѣжавшихъ отъ французовъ въ 1812 году въ Нижній Новгородъ, гдѣ и написалъ надѣлавшія шуму «Письма о классическомъ образованіи». Былъ членомъ «Бесѣды» и въ ея изданіи («Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русск. слова») печаталъ свои переводы изъ Горація.

Слѣдующія строфы относятся къ нему же.

«Въ малюткѣ, при стараньи,
Повѣрьте, будетъ прокъ.
Отдайте мнѣ его. Могу на Нижній смѣло
Сослаться объ умѣ своемъ.
Въ Гишпаньи, не таюсь грѣхомъ,
Совсѣмъ другое дѣло»...

«Горація на шею [60])
Себѣ я навязалъ,
Я [61]) мало разумѣю,
Но много прочиталъ.
Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мірѣ,
Но математикѣ никакъ:
Боюсь, докажетъ [62]), я дуракъ,
Какъ дважды два четыре».

Къ Венерѣ съ извиненьемъ
Подкрался Горчаковъ [63]),
Удобривая чтеньемъ
Похвальныхъ ей стиховъ.
Она ему въ отвѣтъ: «Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругалъ меня [64])—
Ругай и впредь, позволю я,
Но только убирайся!» [65])

Словесникъ безсловесный,
Писатель безъ письма,

---

60) Въ *И*, *Р* 12-ая строфа. 61) *И*, *Р*: хоть. 62) *И*, *Р*: докажутъ.

63) Въ *И*, *Р* этой строфы нѣтъ. Въ ней, несомнѣнно, авторъ изображаетъ себя.

64) Намекъ на «Гавриліаду»? См. мои статьи въ «Русской Мысли» 1903, XI, и «Литер. Вѣст.» 1902, II.

65) Этой строфой кончается рукопись А. И. Тургенева, напечатанная «Русскимъ Архивомъ» «съ небольшими, по необходимости, измѣненіями и опущеніями» (съ ихъ характеромъ мы могли познакомиться выше, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ—сопоставленіяхъ съ рукописями). Дальше три строфы изъ *И* и *Р* (9-ая, 13-ая и 14-ая).

Герой, врагамъ безвѣстный,
И умникъ безъ ума,
Явился Кикинъ [66]) тутъ: онъ первый внукъ побѣдѣ,
Онъ мужъ всѣхъ царствъ и всѣхъ временъ,
Онъ въ арміи «Бесѣды» членъ,
А генералъ въ «Бесѣдѣ».

Вдругъ сыромъ завонялъ,
И кнастеромъ протухъ,
Отъ звѣздъ хоть заблистало,
Но всякій ропщетъ вслухъ.
«Министръ я водяной [67]), на мнѣ лежитъ довольство;
Когда одинъ, на всѣхъ ворчу,
Въ совѣтѣ жъ трушу и молчу,—
Мое такое свойство!»

Еще каррикатура [68])
За нимъ вблизи стоитъ —
Преподлая фигура —
И всѣмъ тутъ говоритъ:
«Не понимаю самъ, что сдѣлалось со мною!
Сперва съ бандурою въ рукахъ
Сидѣлъ въ трактирахъ, кабакахъ,—
Теперь и я съ звѣздою!»

---

66) П. А. Кикинъ, членъ «Бесѣды» и приверженецъ Шишкова, въ 1812 году былъ дежурнымъ генераломъ, въ 1814 оставилъ военную службу. Былъ статсъ-секретаремъ. Вѣроятно, къ этой строфѣ относятся слова Пушкина (1817):

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ . . .

Въ арзамасской рѣчи Блудова («Отчетъ Публ. Библ. 1888, прилож., 5) первыя четыре строчки строфы о Кикинѣ приписаны кн. Вяземскому.

67) Вѣроятно, морской министръ И. И. де-Траверсе (1809—1827).

68) Можетъ быть, Д. П. Трощинскій, министръ юстиціи (1814—1817), родомъ малороссъ.

На этомъ обрывается сатира кн. Горчакова въ извѣстныхъ намъ рукописныхъ и печатныхъ версіяхъ.

Очень свободная эластическая форма и чисто внѣшнее пріуроченіе содержанія сатиры къ «святкамъ» позволяли значительно измѣнять составъ стихотворенія, убавлять и прибавлять все новыя и новыя строфы. Въ эти дополненія могли, конечно, проникнуть и чужія вставки — подъ перомъ любителей рукописной литературы и сатирическихъ пикантностей.

Изъ-за слабо связанныхъ строфъ однако очень ярко проглядываетъ цѣльное и своеобразное настроеніе автора. Членъ «Бесѣды», онъ (подобно Крылову) относился съ нескрываемой ироніей къ ея столпамъ (если эти выходки можно отнести къ нему); служака, достигшій довольно крупнаго общественнаго положенія, онъ зло, а иногда очень мѣтко и ядовито высмѣиваетъ дѣльцовъ и «случайныхъ» людей Александровскаго царствованія: «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ»!

Большинство набросанныхъ имъ характеристикъ шло въ разрѣзъ съ установившимися общественными оцѣнками и доказываетъ въ авторѣ присутствіе очень самостоятельнаго ума.

Такое откровенное «подсвистываніе» баловнямъ счастья, людямъ по большей части очень вліятельныхъ, для тѣхъ временъ, когда еще свѣжи были преданія «прямого вѣка покорности и страха», было, конечно, крупнымъ подвигомъ гражданскаго мужества, облеченнымъ къ тому же въ блестящую для своего времени литературную форму [1]).

---

1) Въ біографическомъ очеркѣ при «Соч. кн. Д. П. Горчакова» (М., 1890) указывается другой, повидимому, «Noël» этого писателя: «особенно былъ извѣстенъ въ свое время одинъ его «Noël», гдѣ былъ выведенъ Фонвизинъ; онъ нигдѣ не былъ напечатанъ, но въ Москвѣ и Петербургѣ читался многими въ рукописи». Сравн. соч. Вяземскаго, V, 166—7: «Кажется, въ числѣ литературныхъ непріятелей его (Фонвизина) былъ и князь Горчаковъ, извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ, котораго превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя

II.

«Соловей».

По устойчивому литературному преданію, которое все-таки нуждалось бы въ документальномъ подтвержденіи, поэма «Соловей» принадлежитъ перу кн. Д. П. Горчакова.

Въ полномъ видѣ она невозможна для печати, но и отрывки изъ нея, думается намъ, имѣютъ большое историко-литературное значеніе. Въ произведеніяхъ конца XVIII и начала XIX вв., «презрѣвшихъ печать», при всей ихъ «вольности», очень часто бьется нервъ здороваго реализма, звучитъ задорный смѣхъ, проглядываетъ тонкая наблюдательность — не даромъ ихъ такъ высоко ставилъ Пушкинъ. Свободныя отъ стѣснительныхъ «піитическихъ» правилъ, предназначенныя обыкновенно для узкаго круга друзей, эти произведенія были предтечами нашей реальной поэзіи XIX в. Отдѣльныя строфы и стихи «Соловья», напр., довольно близко напоминаютъ шутливыя строфы, «болтовню» Пушкина въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и «Домикѣ въ Коломнѣ», даже внѣшнія особенности его стиха.

Поэма «Соловей» до сихъ поръ не была въ печати. Она при-

болѣе рукописною, нежели печатною славою. По крайней мѣрѣ, въ «Ноэлѣ» его есть куплетъ и на автора нашего:

Но только лишь ввалился
Фонвизинъ, вздернувъ носъ и пр.

Въ извѣстныхъ намъ спискахъ «Ноэля» этой строфы нѣтъ, да и по времени (до 1792 г.) она не подходитъ къ издаваемому тексту, содержаніе котораго пріурочивается къ 1814—1816 гг. Объ этомъ же «Noël'ѣ» упоминаетъ и Лонгиновъ («Русск. Старина», 1871, XII, 681—2): изъ стихотвореній его (кн. Горчакова), «неудобныхъ для печати», «особенно былъ извѣстенъ въ свое время *одинъ* его «Noël», гдѣ выведенъ, между прочимъ, былъ Фонвизинъ». П. И. Бартеневъ говорилъ намъ, что ему, еще при жизни кн. П. А. Вяземскаго, приходилось слышать о принадлежности «Святокъ» ему. Мы все-таки думаемъ, что кн. Вяземскому принадлежатъ только отдѣльныя строфы: авторство кн. Горчакова устанавливаютъ слишкомъ многочисленныя данныя.

водится нами въ редакціи рукописнаго сборника самаго начала XIX в., принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ (Q. XVII, № 183, 3) [1]).

Въ концѣ приписано: «изъ Москвы (такъ часто обозначалъ свои печатныя произведенія кн. Горчаковъ). Изъ Ланфонтеновыхъ (sic) сказокъ п: к: Соловей: переводъ съ французскаго» [2]).

Строфы и строки, неудобныя для печати, обозначены точками.

Соловей.

I.

Была дѣвица Катерина,
Катюша, по-просту сказать,
Собой она была картина,
Которой краше не сыскать
Отъ стѣнъ московскихъ до Пекина.
Родитель былъ ея Тарасъ,
А мать—не помню, какъ звалась,
Но что за нужда до названья?
Положимъ, мать звалась Маланья,
И станемъ продолжать разсказъ.

II.

Вошедши въ юны красны лѣта,
Какъ роза въ полномъ блескѣ цвѣта,
Была собой она мила.
Вокругъ ея прекрасной шеи
Любовь разсыпала лилеи,

---

1) У П. А. Ефремова есть рукопись этой поэмы 1770-ыхъ годовъ, но мы къ сожалѣнію, не могли ею воспользоваться.

2) Передѣлка сюжета Боккаччо. По указанію В. В. Сиповскаго, обработка той же темы въ книгѣ «Веселая Бесѣда», I. М. 1785: «Соловей, молодою птицеловкою пойманный».

А волосъ въ кудри ей свила!
Надъ черными ея глазами
Она тончайшими чертами
Дугою брови провела —
Ну, словомъ, щедрыми руками
Ей въ даръ всѣ прелести дала.

III.

Пролазъ, фурьеръ команды штатной,
Дѣтина ловкой, бойкой, статной,
Не помню гдѣ то, въ первый разъ
Увидѣлъ Катю и влюбился...
Шепнулъ ей, слова два добился —
Влюбились оба въ тотъ же часъ.
Сердца ихъ страстью запылали,
Они томились и желали —
Чего жъ?... Нельзя проговорить.
Я могъ бы въ слова два — четыре
Вамъ ихъ желаніе открыть,
Но госпожа, котору въ мірѣ
Благопристойностью зовутъ,
Мнѣ ставитъ запятую тутъ.

IV.

Какъ вихри вѣютъ въ непогоды,
Москвы рѣки волнуютъ воды,
Такъ точно пылкая любовь
Въ ихъ жилахъ волновала кровь,
Но пользы было въ томъ немного:
За Катей мать смотрѣла строго.
Старуха злая день и ночь
Отъ ней не отходила прочь.
Спала съ ней вмѣстѣ на лежанкѣ

Да, сверхъ того, своей служанкѣ
Стеречь приказывала дочь.

V.

Пролазъ, въ тоскѣ развѣся губы,
Не могъ разлуки съ милой снесть.
Онъ скалилъ на старуху зубы,
Хотѣлъ ее живую съѣсть;
Пеняя на свою судьбину,
Не вѣдалъ, чѣмъ разбить кручину
И какъ любезную увесть.
Онъ поцѣлуй, бывало, сладкой
Въ дорогѣ бралъ у ней украдкой,
Но поцѣлуй лишь губы третъ.
А кто о дѣвушкѣ хлопочетъ,
Тотъ больше поцѣлуя хочетъ.

VI.

Итакъ, горя безплодной страстью,
Хотѣлъ онъ Катю позабыть.
Однажды съ ней ему, по счастью,
Наединѣ случилось быть.
«Пришло», сказалъ онъ ей, вздыхая:
«Пришло на-вѣкъ мнѣ, дорогая,
Тебя изъ мыслей истребить.
Сказать тебѣ всю правду-матку,
Хочу съ тоски бѣжать въ Камчатку:
Нѣтъ пользы мнѣ тебя любить!
Нельзя ли сдѣлать, мой дружочекъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь я уголочекъ
Имѣлъ съ тобой наединѣ?»

VII.

«Нельзя ли сдѣлать, чтобъ Маланья,

Не зная нашего свиданья,
Отъ насъ ушла на сторонѣ?
Не можешь ты себѣ представить,
Какихъ любовь мнѣ стоитъ бѣдъ,
И если хочешь ты, мой свѣтъ,
Отъ смерти злой меня избавить,
То прикажи свою кровать,
Когда пойдутъ всѣ ночевать,—
На галлерею переставить:
Тамъ можно будетъ вечеркомъ
Съ тобой увидѣться тайкомъ —
Я жъ дѣльцо до тебя имѣю,
Которо здѣсь сказать не смѣю»;

VIII.

Лукавая красотка знала,
Какую онъ ей скажетъ вѣсть,
И, усмѣхнувшись, обѣщала
Постель къ ночи перенесть.
Трудненько у старухи въ лапѣ
Затѣять къ ночи переносъ,
Но гдѣ амуръ просунулъ носъ,
Тамъ точно будетъ дѣло въ шляпѣ.

IX.

Итакъ, пришла къ старухѣ дочь,
«Простите, матушка, что смѣю
Трудить васъ просьбою моею:
Позвольте нынѣшнюю ночь
Мнѣ лечь на эту галлерею.
Здѣсь въ домѣ, матушка, у насъ
Мнѣ тараканы надоѣли;
Здѣсь блохи всю меня изъѣли;
Здѣсь средства нѣтъ заснуть на часъ.

Ахъ, если любите вы дочку,
Пустите спать меня въ садочку,
Тамъ лягу въ чистой воздухъ я,
Притомъ услышу къ вечерочку
Пріятны пѣсни соловья»...

X.

Старуха, слыша то, склонилась
На просьбу дочери своей,
Но прежде мужу изъяснилась
О новой переборкѣ сей.
Пришедши къ своему сѣдому,
Сплела она такую рѣчь:
«Катюша просится изъ дому
На чистый воздухъ перелечь.
Ей хочется на галлереѣ
Послушать пѣсни соловья»...
«Какъ хочешь, воля въ томъ твоя!
Послушай, женушка моя»,
Сказалъ старикъ въ отвѣтъ Маланьѣ:
«Ни мало не противлюсь я
Исполнить дочери желанье.
Ты знаешь то давно сама,
Что дочь люблю я безъ ума,
И ей ни въ чемъ не прекословлю.
Хоть лягъ себѣ она на кровлѣ —
Я радъ для дочери своей
Все сдѣлать то, что любо ей».

XI.

Красотка наша въ восхищеньѣ,
Такое слыша позволенье,
Постелю вмигъ перенесла,
Потомъ Пролазу знать дала,

Чтобъ онъ одинъ во мракѣ ночи
Предстать изволилъ ей предъ очи.
Любовникъ не былъ Ѳалалей.
Лишь ночь желанна наступила
И черной епанчей своей
Московски стѣны всѣ покрыла,
Онъ, какъ стрѣла, пустился къ ней,
Гдѣ должно, лѣстницу при поставилъ
И къ милой путь по ней направилъ,
Полѣзъ проворнѣе, какъ могъ,
И прямо къ ней въ постелю легъ.

XII.

О, сколько нѣжныхъ цѣлованій
И сладострастныхъ восклицаній
И радостнѣйшихъ воздыханій
Ночная тьма со тайна скрыла тутъ!
Но мнѣ излишній будетъ трудъ
Вамъ все разсказывать подробно,
И врядъ ли чье перо способно
Любви утѣхи передать изъяснить!
Нѣтъ! Никакой піитъ, ни геній
Любовныхъ страстныхъ восхищеній
Не можетъ кистью описать...
Однакожъ, полно разсуждать,
А то конца не будетъ сказкѣ,
Приступимъ поскорѣй къ развязкѣ.

XIII.

У Кати соловей въ рукахъ —
Онъ очень милъ въ ея глазахъ:
Когда онъ тихо запоетъ,
Она въ восторгѣ утонетъ!
Гребетъ имъ мелкія соловьи
Для ней — воронны, воробьи.
Онъ тѣмъ плутишка до разсвету...
"Ахъ, какъ люблю я птичку эту, —
Катюша нѣжна говоритъ:
Отъ ней во мнѣ вся кровь кипитъ!"

Ахъ, если любите вы дочку,
Пустите спать меня въ садочку,
Тамъ лягу въ чистой воздухъ я,
Притомъ услышу къ вечерочку
Пріятны пѣсни соловья»...

X.

Старуха, слыша то, склонилась
На просьбу дочери своей,
Но прежде мужу изъяснилась
О новой переборкѣ сей.
Пришедши къ своему сѣдому,
Сплела она такую рѣчь:
«Катюша просится изъ дому
На чистый воздухъ перелечь.
Ей хочется на галлереѣ
Послушать пѣсни соловья»...
«Какъ хочешь, воля въ томъ твоя!
Послушай, женушка моя»,
Сказалъ старикъ въ отвѣтъ Маланьѣ:
«Ни мало не противлюсь я
Исполнить дочери желанье.
Ты знаешь то давно сама,
Что дочь люблю я безъ ума,
И ей ни въ чемъ не прекословлю.
Хоть лягъ себѣ она на кровлѣ —

Чтобъ онъ одинъ во мракѣ ночи
Предстать изволилъ ей предъ очи.
Любовникъ не былъ Ѳалалей.
Лишь ночь желанна наступила
И черной епанчей своей
Московски стѣны всѣ покрыла,
Онъ, какъ стрѣла, пустился къ ней,
Гдѣ должно, лѣстницу при поставилъ
И къ милой путь по ней направилъ,
Ползъ проворнѣе, какъ могъ,
И прямо къ ней въ постелю легъ.

XII.

О, сколько нѣжныхъ цѣлованій
И сладострастныхъ восклицаній
И радостнѣйшихъ воздыханій
Ночная тьма со скрыла тутъ!
Но мнѣ излишній будетъ трудъ
Вамъ все разсказывать подробно,
И врядъ ли чье перо способно
Любви утѣхи передать
Нѣтъ! Никакой піитъ, ни геній
Любовныхъ страстныхъ восхищеній
Не можетъ кистью описать...
Однакожъ, полно разсуждать,
А то конца не будетъ сказкѣ,
Приступимъ поскорѣй къ развязкѣ.

XIII.

. . . . . .
. . . . . .

XIV.

Межъ тѣмъ Аврора ос выходила
И тихо, тихо выводила за собой

Изъ моря солнце за собой.
«Пора тебѣ, мой другъ, домой»,
Пролазу Катя говорила:
«Пора разстаться мнѣ съ тобой»....
. . . . . .

XV.

. . . . . .

XVI.

Отецъ глазами дочку мѣрилъ
И самъ глазамъ своимъ не вѣрилъ,
Но, наконецъ, преодолѣвъ
Жестокій свой отцовскій гнѣвъ,
Въ свою онъ спальну возвратился
И тутъ къ Маланьѣ обратился:
«Вставай, жена! Ну, ну, вставай!
Скорѣй», сказалъ, «за мной ступай!..
Я не дивлюсь, что дочь моя
Хотѣла спать на галлереѣ
И слушать пѣсни соловья!
Она его подстерегла,
И, къ счастью, наконецъ, поймала»...
. . . . . .

XVII.

. . . . . .

XVIII.

Мать съ радостью благословенье
Любезной дочкѣ принесла,
И вотъ ужъ къ ней она пришла.
Какое для нея явленье!

Но онъ, любовью утомленный,
Ослабѣвъ, сонный, истощенный,
Гермія любовницу на грудь —
И такъ случилось имъ заснуть

XV.

Отецъ, съ восходомъ солнца встающій,
Гонитель, ни слова не сказавши,
Прогонитъ, какъ любезна дочь
Спала подъ небомъ первую ночь.
На галерею онъ приходитъ
И дочь въ глубокомъ снѣ находитъ...
Ахъ, лучше бы рукою онъ прочь!
Она съ любовникомъ лежала
Въ простынѣ и обнята,
За тѣмъ, друзья, что въ тотъ часъ
Великій жаръ былъ на дворѣ.
Въ рукѣ своей она держала
Ту вещь, которая у мужчинъ
Для важныхъ спрятана причинъ;
Ту вещь.... Ахъ, какъ бы передъ вами
Назвать пристойными словами?
Ту вещь.... Я право затрудненъ!
Вѣдь эта есть отнынѣ самый членъ,
Который посмѣшилъ Адаму
Или Евѣ дѣлы сдѣлать даму.

XVI.

.....
Онъ блаженъкій въ рукахъ у ней...

XVII.

— Ахти! что слышу? Мать вскричала.
Умѣлъ она его поймать?
Посмотримъ, что за новой!
Ну, что? Хорошъ ли онъ собою,
И гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ онъ?

Каков он — мать или вельможа? —
"Изрядный!" отвечал старик.

XVIII.

Мать с радостным благословеньем
Любимой дочери несла;
Но что за странное явленье,
Когда она к ней подошла!
На лбу явилися у ней
Досада, злоба, удивленье,
И амбразуры всех рожней —
Когда на соловья взглянула,
Которого держала дочь.
Глядя, во всю завыла мочь,
Вскипятилась, вспыхнула, вздурилась
И как чертовка разъярилась!
Не знала, что тогда начать!
Она дочь стала величать
Распутницей, сукой, непотребной;
Мнила, чтобы она волшебной
Со любовником бы их пожрать,
Чтоб дьявол их тартарь бы их взял!

XIX.

Накрутив на жилет бранитьбя,
Хотела в жаркий вдаться спор,
Но муженек ей фигу показал.
Он спокойненьким духом ей сказал:
"Теперь тебе уже совершенно
И девства дочь уже лишилась.
Хоть ты сейчас ее прочь, браниль,
Хоть дочери в глаза плюнь, —
Уже этим ты стала не поправить,
А только курьезу составить!

Нам нужно в сугроб такому
Тихонько все от добра накидать:
Пошли скорее за помощь,
Я с ними хочу быду закидать,
которая сравнит нашу долю!...»

Ж.

Между тем Громкая фурвер проснулся
И, ведя солнца, улыбнулся.
"Ах, милая!" воскликнул он:
"Больше, чтобы не было наш тревог:
Нам день настал от тобой в гостях....
Не знаю, как уйти отсюда!"
Дождь не обидит всех никто....

и т.д. с стр. 21-й.

На лбу явилися у ней
Досады, злоба, удивленье
И сморщили всю рожу ей.
. . . . . .

XIX.

. . . . . .

XX.

«Здѣсь не обидитъ васъ никто»,
Отецъ въ отвѣтъ ему на то:
«Напрасно, господинъ Пролазъ,
Я сталъ бы гнѣваться на васъ
И мстить вамъ бранными словами:
Все то, по мнѣнью моему,
Служить не будетъ ни къ чему.
Вы въ томъ должны признаться сами,
Что крайне я обиженъ вами,
И такъ, чтобъ чортъ не ссорилъ насъ,
Чтобы на вѣки помириться,
Извольте вы при мнѣ сейчасъ
На дочери моей жениться,
Не то вы, господинъ Нарцисъ,
Отсюда головою внизъ
На дворъ въ минуту полетите.
Ну, выбирайте, что хотите.
Когда вамъ жизнь еще мила
И не постыла совершенно,
То должно грѣшныя дѣла
Вамъ бракомъ кончить непремѣнно.
Неужель захотите вы
Сегодня быть безъ головы?
Нѣтъ, это непріятно слишкомъ».
Пролазъ дѣтина былъ съ умишкомъ,

Не захотѣлъ онъ промѣнять
На смерть любезную дѣвицу,
Не согласился онъ принять
На мѣсто сахару горчицу —
А вотъ что онъ сказалъ отцу:
«Я радъ идти сейчасъ къ вѣнцу.
Дочь ваша молода, прекрасна,
Ей вся душа моя подвластна.
Итакъ, чего же медлить намъ?
Инъ хлопнемъ, батька, по рукамъ»,
Глядишь — и свадебку сыграли.
Всякъ сталъ доволенъ, наконецъ.
«Пришло все въ ладъ», сказалъ отецъ:
«Теперь не унывайте, дѣти:
Ужъ соловей попался въ сѣти!»

Вл. Каллашъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Историко-литературные очерки.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ.
(1758—1824 г.г.)

«Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить,--пусти на сцену дураковъ!
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ дѣтямъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца;
Одинъ лишь «Сынъ любви» здѣсь трогаетъ сердца!
«Гусисты», „Попугай“ предпочтены Соренѣ
«И Коцебятина одна теперь на сценѣ».

«Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукому» Горчакова.

«Князь Д. П. Горчаковъ дѣйствительный поэтъ;
экзекуторъ при наказаніи сатирическимъ
бичемъ разврата, ябеды и грабительства;
имѣлъ въ петличкѣ лавровый листъ съ надписью: «За сатиры».

«Парнасскій адресъ-календарь» Воейкова.

Литературная дѣятельность кн. Д. П. Горчакова не выводитъ насъ изъ предѣловъ той эпохи, о которой мы говорили въ первомъ очеркѣ, разсматривая произведенія А. Е. Измайлова. По времени своей литературной дѣятельности князь Горчаковъ является лишь старшимъ современникомъ Измайлова (1779—1831), а по литературнымъ воззрѣніямъ онъ во многомъ сходится съ этимъ послѣднимъ. Въ силу этого, а также и въ силу того, что свои наблюденія они производили надъ

жизнью одного и того же общества, въ сочиненіяхъ того и другого можно встрѣтить одни и тѣ же мотивы. Впрочемъ, какъ сходство, такъ и различіе между названными писателями лучше всего обнаружится при ближайшемъ знакомствѣ съ сочиненіями кн. Горчакова. Потому и обратимся къ разсмотрѣнію ихъ *).

Хотя въ разсматриваемомъ изданіи сочиненія кн. Горчакова расположены по времени ихъ написанія и появленія въ печати; но мы, при обозрѣніи ихъ, сперва остановимся на драматическихъ сочиненіяхъ, а затѣмъ перейдемъ къ посланіямъ и сатирамъ.

I.
Драматическія произведенія кн. Горчакова.

Князь Д. П. Горчаковъ, какъ драматургъ, извѣстенъ своими комическими операми. Этого рода произведенія составляли переходъ отъ подражаній и пере-

*) Сочиненія князя Д. П. Горчакова. Москва. 1890 г., изд. княгини Елены Горчаковой. Сочиненіямъ своего дѣда издательница предпослала краткій очеркъ его жизни, причемъ указываетъ источники, изъ которыхъ она почерпнула свои свѣдѣнія. Ею указаны почти всѣ важнѣйшія сочиненія, гдѣ можно найти свѣдѣнія о кн. Д. П. Горчаковѣ. Къ названному ею можно прибавить довольно обстоятельную замѣтку объ этомъ писателѣ, помѣщенную г. Саитовымъ въ III т. Сочиненій К. Н. Батюшкова. Спб 1886 г., стр. 648—650. Изъ рецензій на изданіе княжны Елены Горчаковой укажу на статейку г. Галахова въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1891 г., апрѣль. Къ сказанному здѣсь прибавимъ, что издательница ничего не говоритъ о полнотѣ своего изданія, такъ что читатель остается въ неизвѣстности, все ли напечатанное при жизни кн. Горчакова и послѣ его смерти помѣстила она въ своемъ изданіи или же не все. Равно она ни слова ни говоритъ о томъ, что ея дѣдъ, кромѣ сатиръ, писалъ пѣсни, имѣвшія большой успѣхъ между современниками, о чемъ упоминаетъ и Державинъ въ своемъ «Разсужденіи о лирической поэзіи».

дѣлокъ ложноклассическихъ французскихъ комедій къ чисто русскимъ пьесамъ. Въ этомъ видѣ драматической поэзіи кн. Горчаковъ имѣлъ предшественниковъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ слѣдуетъ помѣстить Аблесимова (1742—1783) съ его комическою оперою «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» (1779 г.). Изъ пьесъ этого рода перу кн. Горчакова принадлежатъ три «Калифъ на часъ» (1786 г.). «Счастливая тоня» (1786) и «Баба Яга» (1788 г.).

Сюжетъ первой оперы, состоящей изъ 4-хъ дѣйствій, взятъ изъ многочисленныхъ арабскихъ сказокъ про знаменитаго Калифа Гарунъ-Аль Рашида (786—809 гг.). Содержаніе пьесы таково. Повелитель правовѣрныхъ Гарунъ-Аль-Рашидъ, обходя съ верховнымъ визеремъ Гіафаромъ улицы города, подходитъ къ дому чеботаря Абдаллы, который «обыкновенно большую часть выработанныхъ имъ денегъ пропиваетъ». Подслушавъ жалобу Абдаллы на Кади за взятки, Калифъ рѣшился доставить себѣ веселое зрѣлище, заставивъ самого обиженнаго отомстить взяточнику Кади. Для этого онъ посылаетъ къ Абдаллѣ подъ видомъ купца Гіафара, который его усыпляетъ сонным порошкомъ. Когда Абдалла заснулъ, Калифъ велитъ отнести его къ себѣ во дворецъ, одѣть его въ богатое платье, окружить чиновниками и увѣрить, что онъ Гарунъ-Аль Рашидъ. Второе дѣйствіе начинается комическою сценою увѣренія Абдаллы, что онъ—Калифъ. Желая увѣриться въ справедливости словъ Гіафара, Абдалла-Калифъ предписываетъ плута Кади наказать пятью стами ударовъ по пятамъ и удаленіемъ его отъ должности Затѣмъ слѣдуетъ двусмысленная сцена между Абдаллою и женами Калифа (Дѣйств. II, явл. 6), которая оканчивается тѣмъ, что главная султанша усыпляетъ снова Абдаллу и велитъ отнести его домой. Дѣйствіе третье — самое смѣшное мѣсто во всей оперѣ—изображаетъ пробужденіе Абдаллы въ прежней обстановкѣ и столкновеніе между нимъ и его женою Фатьмою и дочерью Роксаною. Комедія переходитъ въ трагедію, такъ какъ

Абдаллу, бредящаго, что онъ Калифъ, считаютъ сумасшедшимъ, связываютъ и призываютъ къ нему доктора. Въ заключеніе всю семью Абдаллы ведутъ къ Калифу во дворецъ. Однако все кончается благополучно. Калифъ объясняетъ свою шутку Абдаллѣ (4-е дѣйствіе) и въ вознагражденіе даетъ ему пять тысячъ цѣкиновъ, соединяетъ дочь его Роксану съ женихомъ ея Гассаномъ и даетъ имъ на свадьбу также пять тысячъ цѣкиновъ. Заканчивается опера пѣніемъ въ похвалу Калифу:

«Да здравствуетъ Калифъ на вѣки:
Умножи дни его Творецъ.
Щедротъ онъ проливаетъ рѣки:
Онъ подданныхъ отецъ».

Какъ видимъ, вся эта опера основана на анекдотическомъ разсказѣ о Гарунъ-Аль-Рашидѣ, но авторъ съумѣлъ вставить въ свою пьесу много близкаго русскому читателю и зрителю того времени.

Прежде всего довольно смѣшонъ Абдалла—сапожникъ—типъ большинства ремесленниковъ не только XVIII, но и текущаго столѣтія. Не могла не нравиться современникамъ полная ѣдкихъ намековъ пѣсенка Абдаллы:

«О судьи, судьи-плутяги,
Раззоряете вы насъ.
Васъ просители-бѣдняги
Тщетно молятъ всякой разъ.
Ваши души будто крюки,
Попадися къ вамъ лишь въ руки,
Рады кожу вы содрать.
Васъ не тронутъ токи слезны,
И у васъ сердца желѣзны
Любятъ только взятки брать». (I д., яв. 4).

Стоитъ сравнить подобныя нападки на взяточничество судей въ сочиненіяхъ А. Е. Измайлова, стоитъ припомнить рядъ басенъ Крылова, направленныхъ про-

тивъ того же недостатка, чтобы понять, сколько горькой правды говорилъ этотъ якобы персидскій чеботарь современной русской публикѣ.

Нужно думать, что многіе современники видѣли ясный намекъ на государыню Екатерину II, когда Калифъ въ концѣ перваго дѣйствія произносилъ: «Министры безсовѣстные! сколь часто вы употребляете во зло данную вамъ власть! и отъ вашихъ злодѣйствъ нерѣдко и самый добродѣтельный государь почитается мучителемъ» (I д. яв. 9). Поэтому не безъ удовольствія слушала современная публика изъ устъ Абдаллы-Калифа слѣдующую угрозу судьямъ:

Давно ужъ мнѣ добраться
Хотѣлось до судей.
Имъ полно наживаться
И грабити людей.
Какъ Кади я за взятки
Севодня проучу;
Такъ тѣмъ отъ сей повадки
И прочихъ излѣчу.
Грабительства ихъ явны
Щечить они исправны:
А истины въ судѣ
Найти нельзя нигдѣ (II дѣйств., яв. III.).

Рядомъ съ отмѣченными серіозными указаніями на дѣйствительность авторъ внесъ въ свою оперу и такую сцену, которая должна была привлекать столь падкаго на нескромныя сценки зрителя Екатерининскаго времени. Таково явленіе 6 ое II дѣйств. Здѣсь Абдалла, желая сдѣлать Зобѣиду главной султаншей, говоритъ ей (на замѣчаніе ея: «но вамъ развѣ не извѣстно, что обрядъ требуетъ?): А что такое? Я, кажется, все знаю, что мнѣ надобно дѣлать»? Вѣроятно, для большаго удовольствія зрителя авторъ заставилъ того же Абдаллу пѣть такое комичное изліяніе своихъ чувствъ Зобѣидѣ, которое ясно обнаруживаетъ его профессію:

Твой взоръ, какъ будто ш и л о м ъ,
Мнѣ сердце уязвилъ:
Въ лицѣ твоемъ я миломъ
Тьму прелестей открылъ.
Какъ звѣзды среди ночи,
Твои сверкаютъ очи:
Какъ р о з о в ы й с а ф ь я н ъ,
Цвѣтъ губъ твоихъ румянъ.

Такими и подобными пріемами авторъ съумѣлъ незатѣйливый и несложный разсказъ растянуть на 4 дѣйствія, заставилъ смѣяться публику, которая въ увлеченіи не могла, конечно, замѣтить несоотвѣтствія нѣкоторыхъ рѣчей и пѣсенъ развитію сапожника, обстановки пьесы условіямъ персидкой жизни временъ Гарунъ-Аль-Рашида *).

Не будучи основательно знакома съ жизнью Персовъ временъ Гаруна-Аль-Рашида, она въ веселомъ настроеніи духа расходилась изъ театра, напѣвая заключительные стихи пьесы, содержащіе столь обычную въ дни Екатерины II мысль о государѣ:

«Щедротъ онъ проливаетъ рѣки:
Онъ подданныхъ отецъ».

Въ томъ же 1786 году появилась и другая комическая опера кн. Горчакова «Счастливая Тоня». Сюжетъ этой 4 хъ-актной пьесы сбивается на русскую сказку и состоитъ въ томъ, что Миловзоръ любитъ Плѣниру, дочь Скопидома, и любимъ ею взаимно. Скопидомъ, когда Миловзоръ былъ богатъ, соглашался отдать свою дочь за него замужъ. Но когда вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ онъ обѣднѣлъ и когда Плѣнирѣ нашелся другой женихъ, богатый старикъ Старолѣтъ, Скопидомъ наотрѣзъ отказалъ Миловзору въ рукѣ своей дочери. Но Миловзора выручаетъ

*) Во 2-мъ явл. II д. появляется на сцену Гіафаръ, за нимъ нѣсколько человѣкъ невольниковъ, секретарь и четыре человѣка, несущихъ б у н ч у к и?!

изъ бѣды духъ Незрадъ. Послѣдній былъ заключенъ въ чашу Соломономъ, попалъ въ сѣть Миловзора и былъ имъ освобожденъ изъ заключенія. Въ благодарность за освобожденіе Незрадъ даетъ Миловзору жезлъ, который стоитъ согнуть, какъ является бѣсъ, могущій превратить его во что угодно. (д. I).

Пользуясь этимъ, Миловзоръ желаетъ превратиться въ колдуна, а Плѣнира обѣщаетъ направить къ нему Старолѣта, чтобы онъ своими пресказаніями отбилъ у послѣдняго охоту къ женитьбѣ (д. II). Дѣйствительно, въ числѣ другихъ лицъ (Судьи, Петиметра, Чертополоха, старухи) является къ Миловзору, превращенному въ колдуна, и Старолѣтъ. Увидѣвъ въ волшебномъ зеркалѣ оленьи рога, онъ оставляетъ мысль о женитьбѣ (д. III).

Съ этою мыслью онъ приходитъ къ Скопидому, который воюетъ съ Плѣнирою и вновь принявшимъ свой видъ Миловзоромъ, просящими соединить ихъ на вѣки. Старолѣтъ объявляетъ Скопидому, что отказывается отъ Плѣниры и проситъ его соединить ее съ Миловзоромъ. Вдругъ является Незрадъ и объявляетъ, что Миловзоръ нашелъ въ Плѣнирѣ свое богатство: свой кладъ, потому что у него съ женою будетъ ладъ. Въ заключеніе пьесы Незрадъ обращаясь къ партеру поетъ:

Партеру авторъ угодить
Всегда стараніе имѣетъ,
И есть ли въ ономъ онъ успѣетъ;
То смѣло можетъ говорить:
Что тотъ сыскалъ писатель кладъ,
У коего съ партеромъ ладъ.

И кн. Горчаковъ достигъ своей цѣли: его пьеса очень нравилась современной публикѣ. Въ «Драматическомъ словарѣ» объ успѣхѣ ея сказано: «Публикою принята съ отмѣнною благосклонностію. Едвали изъ русскихъ оперъ подобно была похваляема другая».

Спрашивается, за что же такъ высоко ставила современная публика пьесу «Счастливая тоня»? чѣмъ авторъ угодилъ современному партеру? — Хотя имена

дѣйствующихъ лицъ пьесы, согласно предписаніямъ ложноклассической теоріи, сочинены авторомъ и указываютъ на отличительную черту характера того лица, которому усвояются, тѣмъ не менѣе среди другихъ комическихъ оперъ XVIII в., коими русскіе драматурги постепенно переходили отъ подражаній и передѣлокъ иностранныхъ пьесъ къ созданію чисто русскихъ драматическихъ произведеній, «Счастливая тоня» должна занять не послѣднее мѣсто.

Прежде всего авторъ съумѣлъ удачно выбрать столь интересный для современной ему публики сюжетъ —устройство свадьбы при посредствѣ колдуна. Если въ наши дни въ жизни простонародья всякая «чертовщина» имѣетъ не маловажное значеніе, то что сказать о простонародьи XVIII стотѣтія? Мало того, онъ затронулъ въ своей пьесѣ не рѣдко встрѣчавшееся бытовое явленіе: желаніе отца — скупца выдать свою дочь насильно за богача—старика. Публика, вѣроятно, искренно сочувствовала поступку Старолѣта, который не въ примѣръ прочимъ старикамъ, увлекавшимся розовыми губками и свѣтлыми глазками молодыхъ дѣвушекъ, во-время созналъ свою ошибку и откровенно признался въ ней Скопидому, говоря: «признаюсь тебѣ, что дочь твоя мнѣ полюбилась; я хотѣлъ на ней жениться, для того, что думалъ богатствомъ прельстить ее: однако видя свою ошибку, теперь тебѣ отказываю, и беру свое слово назадъ (д. IV, яв. 2-ое).

Придуманный авторомъ выходъ изъ затруднительнаго и безпомощнаго положенія Миловзора также въ духѣ понятій русскаго народа, у котораго существуетъ безчисленное количество разсказовъ про вмѣшательство бѣсовъ въ дѣла людскія. Нельзя не признать также, что духъ Незрадъ и исторія его заключенія должны были особенно нравиться публикѣ, потому что послѣдняя напоминаетъ знакомое по множеству апокрифовъ лицо царя Соломона.

Помимо указанныхъ чертъ оперы, напоминавшихъ современному партеру свое, русское, въ содержаніе ко-

медіи авторъ съумѣлъ вставить нѣсколько интересныхъ куплетовъ, вывести нѣсколько второстепенныхъ лицъ, надъ которыми отъ всей души хохотали зрители.

Вотъ передъ нами Судья, пришедшій къ Миловзору—колдуну узнать свою судьбу. Онъ поетъ:

Я многихъ облупилъ,
И денегъ накопилъ,
Судьею бывши кралъ,
Съ живыхъ и съ мертвыхъ дралъ,
И всячиною бралъ.
Ко мнѣ съ приносомъ плутъ
Безъ страха входитъ въ судъ:
А тѣ въ передней ждутъ,
Которые придутъ
Лишь съ истинной одной.
Я смѣлою рукой
Фемидины вѣсы
Кривилъ во всѣ часы—
Теперь, ворожея,
Скажи мнѣ, будуль я,
Доставъ высокій чинъ,
Великой господинъ? (яв. 3-ье, д. III).

А вотъ Петиметръ, поющій о себѣ:

Мое стараніе по модѣ завиваться:
Со вкусомъ одѣваться,
Влюбленнымъ всѣмъ казаться;
На женщинъ страстно я гляжу:
Жену по модѣ презираю,
О сочиненіяхъ сужу,
Хоть вовсе ихъ не понимаю,
И въ лутчемъ свѣтѣ я имѣнье проживаю (ibid).

Типъ столь излюбленный всѣми сатириками времени Екатерины II !.

Наконецъ передъ нами Чертополохъ, рекомендующій себя возстановителемъ россійскаго стихотворства:

Я есмь Чертополохъ,
Всему извѣстный міру,
Парнасскій мудрый богъ
Вручилъ свою мнѣ лиру,
И славнѣйшій Пиндаръ
Оставилъ мнѣ свой даръ
Ко утѣшенью россовъ
Я новый Ломоносовъ... (ibid).

Далѣе приводится отрывокъ изъ оды этого «новаго Ломоносова», въ награду за который онъ получаетъ свистки. Въ данномъ случаѣ кн. Горчаковъ на нѣсколько лѣтъ предупредилъ мысль И. И. Дмитріева—осмѣять бездарныхъ одописцевъ.

Есть намекъ здѣсь и на шарлатановъ, которые пользовались легковѣріемъ публики и обирали ее.

Миловзоръ, увидя Незрада, спрашиваетъ его: «Да скажйтка мнѣ, что ты за духъ? что ты такое?»

— Незрадъ: Этово я право и самъ не вѣдаю, а есть люди, которые говорятъ, будто объ этомъ знаютъ, но я сомнѣваюсь. Естли хочешь, спроси у нихъ: только на это надобны деньги.—Миловзоръ: Пропадай они! Скажутъ ли, нѣтъ ли, Богъ знаетъ: да можетъ и впрямь они и сами не знаютъ: намелютъ пустоши, а деньги то, я чаю, дай впередъ». (Дѣйств. I, явл. 2-ое).

Нелишними представляются для зрителя XVШ столѣтія, когда семейная жизнь въ высшемъ кругу приходила въ разстройство, и такія рѣчи:

Любя другъ друга всей душой
Нещастными намъ быть не можно,
И мы признаемся не ложно,
Извѣдавъ нынѣ то собой:
Что та семья сыскала кладъ,
Гдѣ у мужа съ женою ладъ (Дѣйств. IV, явл. 3).

Въ сферу русскихъ сказокъ переноситъ читателя и третья опера нашего писателя «Баба Яга», написанная въ 1788 году. Въ этой трехактной комической оперѣ,

по содержанію и по развитію дѣйствія значительно уступающей двумъ предъидущимъ, въ особенности же оперѣ «Счастливая тоня», автору удалось рѣзко очертить одно лицо—подьячаго Взяткина.

Несложное содержаніе оперы, растянутое однако авторомъ на три акта, можно передать въ нѣсколькихъ словахъ. Братья Власъ и Митрофанъ задумали, при помощи подьячаго Взяткина, завладѣть находящимися у нихъ на храненіи деньгами племянника ихъ Любима. Лишенный средствъ и прогнанный дядьями изъ дому, Любимъ не горюетъ о матеріальной потерѣ; его угнетаетъ другое горе: онъ влюбился въ Прелесту, внучку «Бабы-Яги», случайно встрѣченную имъ въ лѣсу. Онъ уходитъ въ лѣсъ искать Прелесту, спасаетъ ея жизнь отъ нападенія медвѣдя, объясняется ей въ любви и узнаетъ, что взаимно любимъ. Баба-Яга сперва хочетъ лишить жизни Любима; но потомъ, когда узнала, что онъ спасъ жизнь ея внучки, а равно когда испытала благородство его души и его честность, отдаетъ ему руку Прелесты и рѣшается наказать дядьевъ за ихъ проступокъ. Дядья искреннимъ раскаяніемъ получаютъ прощеніе, а нераскаявшійся Взяткинъ проваливается сквозь землю. Пьеса заканчивается остроумными предсказаніями Бабы-Яги насчетъ будущаго состоянія рода человѣческаго («россійскаго»).

Вся она написана на тему, что «закоренѣлое бездѣльничество рано или поздно получаетъ наказаніе» (Дѣйств. Ш, явл. 3-ье), и не лишена нѣкотораго внѣшняго эфекта. Хотя основная мысль оперы часто провозглашалась писателями Екатерининскаго времени, но повторяя ее, авторъ съумѣлъ придать интересъ своей пьесѣ и заставилъ публику посѣщать неоднократное представленіе ея нѣкоторыми изъ русской простонародной дѣйствительности выхваченными чертами. Къ послѣднимъ мы относимъ сцену между Власомъ Митрофаномъ и ихъ женами—Улитою и Меланьей—[имена все русскія простонародныя — Дѣйств. I, явл. 2 ое]. Характеры женщинъ, очерченные весьма бѣгло, особен-

но забавны: онѣ сначала хвалятъ Любима за его трудолюбіе и трезвость въ противовѣсъ своимъ мужьямъ — бездѣльникамъ и пьяницамъ; а потомъ, когда узнаютъ о замыслѣ мужей, сразу перемѣняютъ фронтъ: Любимъ выходитъ у нихъ дармоѣдомъ и «на руку нечистымъ». Но особенно мѣтко очертилъ авторъ лицо Взяткина, не потерявшее интереса и до сихъ поръ. Его арія:

«Ибо указъ мы туда пригибаемъ.
Гдѣ бъ изъ него намъ покормка была;
Точно то мы одно наблюдаемъ,
Чтобы по формѣ текли всѣ дѣла.
Выписки, справки, екстракты по дѣлу.
Мы сочиняемъ, собравшись съ умомъ.
Должно въ приказныхъ обрядахъ быть смѣлу,
Дондеже хлѣбецъ до будешь перомъ». (Дѣйств. III, явл. 1-ое) — можетъ считаться первымъ проявленіемъ той оргіи ябедниковъ — крючкотворцевъ, которая такъ прекрасно изображена Капнистомъ въ комедіи «Ябеда» (1796 г.). Но выставивъ одно изъ золъ судебнаго міра XVIII вѣка, авторъ не забылъ указать на заботы Императрицы Екатерины II объ уничтоженіи этого зла. Тотъ же Взяткинъ признается: «Правду матку молвить, худо становится нашей братіи; смотрятъ больно за нами». Но особенно много ѣдкихъ намековъ на современные нравы заключается въ предсказаніяхъ Бабы-Яги». Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ предсказаній:

Всѣ супруги будутъ вѣрность сохранять по самый гробъ,
И опасности подверженъ вѣкъ не будетъ мужней лобъ.
Вертопрашство истребится...
Щеголь къ празднику имѣнье не свезетъ въ каретный рядъ,
Чтобъ въ нарядномъ экипажѣ послѣ ѣхать въ мэгистратъ.
Глупа роскошь истребится...

Старые ханжи уймутся попусту языкъ чесать
И смиренье выхваляя, всѣхъ безъ милости ругать.
Лицемѣрство изтребится:
Умъ возьметъ надъ страстью верхъ»
(Дѣйств. Ш, явл. 3 ье).

Можно пожалѣть лишь о томъ, что авторъ скептически смотритъ на прекращеніе когда-либо этихъ пороковъ. Онъ устами той же Баби-Яги на вопросъ—«а когда жъ оно (т. е то, что умъ возьметъ надъ страстью верхъ) случится?—отвѣчаетъ (неизмѣннымъ припѣвомъ):

Послѣ дождичка въ четвергъ».

Этотъ припѣвъ повергаетъ читателя или зрителя въ отчаяніе при мысли, что указанные пороки будутъ существовать безконечно долго и царство разума появится на землѣ русской нескоро. Подобнаго рода отношеніемъ къ изображаемымъ порокамъ кн. Горчаковъ лишаетъ свою оперу того идеализма, который присущъ всякому поэтическому произведенію и возвышаетъ душу зрителей, объясняя причину того или другого порока и указывая средства къ его уничтоженію. Въ этомъ отношеніи его драматическія сочиненія значительно уступаютъ не только классическимъ комедіямъ Фонъ-Визина, но и комедіямъ Екатерины II. Въ комедіяхъ Императрицы и Ф.-Визина изображаются тѣ же пороки и недостатки,—но какая огромная разница въ отношеніяхъ писателей къ этимъ порокамъ и недостаткамъ! И Ф.-Визинъ, и Екатерина II указываютъ причину изображаемыхъ ими пороковъ и несовершенствъ современной жизни по большей части въ недостаткѣ просвѣщенія, съ распространеніемъ котораго, по ихъ горячему вѣрованію, тьма пороковъ и всякаго рода нравственныхъ уродствъ исчезнетъ съ лица русской земли. Такъ умѣли они успокаивать взволнованнаго грустною дѣйствительностью зрителя или читателя, открывая передъ его мысленнымъ взоромъ прекрасныя

перспективы! Ничего подобнаго нѣтъ въ сцектическомъ отвѣтѣ Баби Яги—«Послѣ дождика въ четвергъ»!

Чтобы окончить рѣчь о драматическихъ произведеніяхъ нашего писателя необходимо назвать еще «Отрывокъ изъ комедіи Безпечный», напечатанный въ 1828 году, послѣ смерти автора. Празднолюбъ, благодаря своей безпечности, лишается чина, мѣста и невѣсты (Прелесты); все это достается Здравомыслу. Въ довершеніе бѣдъ онъ проигрываетъ, благодаря просрочкѣ, все свое имѣніе и остается нищимъ. Кто же виноватъ въ томъ, что въ Россіи появлялись люди, подобные Празднолюбу? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Легкосердъ, отецъ Прелесты:

Да кто же виноватъ—когда не сами мы?
Куда своихъ дѣтей свернули мы умы?
Дворянства должности въ ихъ сердцѣ истребили.
И чужестранною лишь пустошью набили.
А что причиною прямою этихъ бѣдъ?
Обычай общій нашъ — брести боярамъ въ слѣдъ.
Они дѣтей своихъ пошлютъ въ заморски школы,
И мы, не осмотрясь, богаты, или голы,
Своихъ туда же шлемъ; какъ будто бы у насъ
Наукъ и разума совсѣмъ исчезнулъ гласъ;
Да ужъ добро-бъ они тамъ стали мудрецами,
А то противное: еще бѣднѣй умами»! (166 стр.).

Отсюда видимъ, что авторъ ополчается въ этой комедіи противъ вреднаго обычая бояръ и дворянъ русскихъ съ малыхъ лѣтъ посылать своихъ дѣтей во Францію, гдѣ они забывали долгъ къ отечеству, теряли нравственность и вмѣсто полезныхъ слугъ отечеству являлись иногда вредными членами его. Хорошо хоть то, что Празднолюбъ, пораженный горемъ, хватается за умъ и говоритъ своему рабу:

«Нѣтъ, нѣтъ, Лука, ты правъ.
Такъ, смѣйся надо мной, брани мой глупый нравъ;
Пусть, видѣвши мой стыдъ, у всѣхъ въ умѣ твердится,
Какой намъ горькой плодъ безпечностью родится...
Я гибну.—Но спастись есть способъ мнѣ почтенной...

Лука.

Какой сударь?

Праздполюбъ

Какой? Отечеству служить. .
Взять чинъ, какой дадутъ. И есть ли есть возможность,
Загладить прежнихъ дней постыдную ничтожность».

Но много ли въ жизни того времени было такихъ разумныхъ Праздполюбовъ!

Въ этой неоконченной, но серіозной по содержанію и тону комедіи авторъ затронулъ еще одинъ порокъ своего времени, который до него затрогивали Ф.-Визинъ («Бригадиръ») и другіе писатели. Въ отвѣтѣ Легкосерда на замѣчаніе Прелесты, что полезно видѣть и чужестранный свѣтъ, робко слышатся тѣ рѣчи, которыя такъ громко произносилъ потомъ Чацкій, въ безсмертной комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума».

Бросая бѣглый взглядъ на всѣ разсмотрѣнныя драматическія произведенія кн. Горчакова, мы должны сказать, что, слѣдуя духу времени, онъ, при всей своей приверженности къ ложноклассической трагедіи и комедіи, не рѣшался писать ни трагедій, ни комедій; а избралъ именно тотъ видъ драматической поэзіи, который въ XVIII столѣтіи былъ единственнымъ, хотя и скромнымъ представителемъ національной русской драмы При всемъ несовершенствѣ въ развитіи дѣйствія, въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, его комиче-

скія оперы удовлетворяли пробудившемуся въ концѣ XVIII в. интересу къ русской народности; вотъ почему у него, говоря его же словами, былъ большой ладъ съ партеромъ, и пьесы его, благодаря этому ладу, долго держались на сценѣ.

II

Лирическія произведенія кн. Горчакова.

Хотя XVIII вѣкъ былъ цвѣтущимъ періодомъ развитія одного вида лирики—оды торжественной, однако за нею по слѣдамъ шла сатира, подмѣчавшая и казнившая бичемъ насмѣшки увлеченія «россійскихъ пиндаровъ». Кн. Горчаковъ, не желая стать въ разрядъ бездарныхъ одописцевъ и не чувствуя, быть можетъ, никакого влеченія къ созданію громкихъ, торжественныхъ одъ, избралъ для себя другой видъ лирики—сатиру. Хотя нѣкоторыя его лирическія произведенія носятъ названіе «Посланій», «Бесѣдъ»; но по существу своему они суть тѣже сатиры. Посмотримъ же, какіе современные пороки вызывали негодованіе въ авторѣ, пользовавшемся въ свое время славою выдающагося сатирика.

Первою по времени написанія сатирою его является «Письмо къ пріятелю или безпристрастный зритель» (1794 г.). Содержаніе ея указывается начальными стихами:

Куда ни погляжу, вездѣ я вздоръ встрѣчаю?
Хоть я не много примѣчаю;
Но вздоръ повсюду такъ великъ,
Что самъ является собою» ...

Ясно, что авторъ рѣшился казнить сатирическимъ бичемъ возмущавшія его душу дурачества своего времени. Эти дурачества безчисленны. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что—

Козла садятъ судьей въ приказъ,
Козелъ бодается рогами,

И этому судьѣ-козлу—святаго нѣтъ....
А къ пущей намъ бѣдѣ—
Умножился у насъ судейскій родъ толико,
Какъ рыбъ въ водѣ».

Мнимое просвѣщеніе, которымъ такъ гордились современники, ни къ чему хорошему не приводитъ—

«Какая польза намъ,
Что съ помощью паровъ гулять въ эфирѣ можемъ?
Мы собственнымъ бѣдамъ чрезъ это не поможемъ»...

Вообще состояніе современнаго общества въ сатирѣ представляется хаотическимъ. Въ немъ всѣ понятія перепутаны, все совершается «разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ»: здѣсь плута называютъ игрокомъ, враля—забавнымъ, болтуна—веселонравнымъ, лесть—правдой, лѣнивца—примѣромъ трудолюбія и пр. и пр. Во второй части сатиры авторъ иллюстрируетъ свои мысли о дурачествахъ, царящихъ въ современномъ обществѣ, живыми примѣрами. Вотъ дочь-дѣвушка убѣжала съ кавалеромъ безъ позволенія отца; вотъ

Теревтій задурилъ:
«На экипажъ и фраки
Три тысячи крестьянъ иль больше разорилъ»;

вотъ 16-ти-лѣтній герой, получившій чинъ маіора у тетки подъ крыломъ. Трусъ во время сраженія, по окончаніи его онъ—

На завоеванной явился батареѣ,
Устроилъ караулъ, разставилъ часовыхъ,
И первый ждалъ наградъ въ честь подвиговъ такихъ!»

А вотъ Сидоръ, котораго недавно возила одноколка, который недавно носилъ кафтанъ съ подборами и купакомъ, у котораго «на рожѣ борода висѣла, какъ метелка»;

А нынѣ Сидоръ нашъ—въ мундирѣ съ галуномъ!

Какъ бы изнемогая отъ перечисленія всевозможныхъ дурачествъ современной жизни, авторъ заключаетъ сатиру такими стихами:

«Умолкну, нехочу съ дурачествомъ возиться,
А лучше пріучиться
Спокойно то сносить,
Чего нельзя перемѣнить».

Но трудно было писателю, имѣвшему высокое понятіе о человѣкѣ, какъ образѣ и подобіи Божіемъ, удержаться отъ новаго взрыва негодованія среди того «мерзительнаго собора злодѣйствъ», который царилъ въ жизни XVIII столѣтія, когда понятія объ общемъ благѣ, о долгѣ, о пользѣ очечества—еще мало были привиты обществу. Вотъ почему въ «Посланіи къ князю С. Н. Долгорукому» (1827 г.) авторъ, русскій Ювеналъ и правды другъ, обращается къ тѣни знаменитаго римскаго сатирика съ такою просьбою:

«Вручи свою мнѣ кисть, впери въ меня свой духъ,
Чтобъ смѣлою рукою, презря эхидно жало,
Съ злодѣйства, съ глупости сорвалъ я покрывало;
Чтобъ въ сихъ моихъ стихахъ твой ѣдкій, рѣзкій слогъ
Постыдныя дѣла карать достойно могъ!»

Въ этой одной изъ лучшихъ сатиръ авторъ не ограничивается общимъ указаніемъ пороковъ, но подъ вымышленными фамиліями выставляетъ на всеобщій позоръ лица, хорошо извѣстныя его современникамъ. Сатирическій гнѣвъ его вызываютъ: Щечинъ, который «выдумалъ изъ картъ на ближнихъ сдѣлать ножъ; Подлягинъ, обкрадывающій казну и вмѣсто веревки получающій на шею ленту; Заграбинъ и Хапковъ, «въ подрядъ вступя съ казной»

«Одинъ невыставкой припасовъ и доспѣховъ,
Ко славѣ препиналъ пути войскамъ среди успѣховъ;
Другой на раненыхъ свершалъ въ госпиталяхъ
Смерть недокончену на Марсовыхъ поляхъ»;
Наконецъ, откупщикъ, который,
Неудовольствуясь, что пьянствомъ портилъ нравы;
....пакостилъ вино, клагъ вредныя приправы.
И часто, превратя народну радость въ плачъ,
На откупъ имъ взятыхъ губерній былъ палачъ».

Что авторъ изображаетъ здѣсь живую дѣйствительность, легко убѣдиться, припомнивъ, что въ вѣкъ Екатерины II настолько было развито грабительство, что въ государственную казну не боялись запускать руку и выдающіеся вельможи того времени, участвуя, напримѣръ, въ откупахъ. Печальные факты, столь извѣстные изъ исторіи Екатерининскаго царствованія!

Перенося усталый взоръ отъ омерзительнаго собора изображенныхъ имъ въ первой части сатиры злодѣйствъ къ глупости и пороку, онъ находитъ, что просвѣщеніе нисколько не содѣйствовало уничтоженію ихъ. Рѣшаясь бросить взглядъ на успѣхи просвѣщенія въ свое время, онъ исходитъ отъ такого высокаго взгляда на воспитаніе дѣтей:

«Первѣйшимъ долгомъ всѣ считаютъ межъ людей
О воспитаніи пещись своихъ дѣтей,
Къ ихъ свѣдѣнью довесть науки и искусства,
Любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать ихъ духъ,
Чтобъ сынъ отечества былъ вмѣстѣ людямъ другъ;
Вотъ сладкіе плоды трудовъ отцамъ пріятныхъ»!

Обращаясь къ дѣйствительности, сатирикъ не находитъ въ ней и тѣни своего идеала:

«Я тщетно Русскаго найти межъ ними *)
льщусь:
Всякъ Англичанинъ въ нихъ, иль Нѣмецъ,
иль Французъ;
Презрѣнье къ своему, къ чужому почитанье
Имъ иностранное внушило воспитанье.
Тамъ Вральманъ, тутъ Годдемъ, а здѣсь училъ
Аббе,—
И всякъ образовалъ питомца по себѣ!
Дивиться должно-ль, что сихъ людей уроки
Къ природнымъ привили и ихъ земель пороки!»

Иныхъ плодовъ отъ такого не-русскаго воспитанія и ожидать было нельзя. То же не-русское направленіе усматриваетъ онъ и въ словесности:

«Въ ней модныхъ авторовъ французско русскій
ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Гордится, выпустя сентиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ;
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ;
А сей, вообразивъ, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье.
Всѣмъ хочется писать...
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной».

Такъ осмѣиваетъ сатирикъ направленіе Карамзина, къ которому онъ относился вообще враждебно. Онъ

*) Межь ними, т. е. между сынами отечества, о которыхъ шла рѣчь выше.

примкнулъ къ врагамъ сантиментальнаго направленія, и былъ избранъ въ члены Бесѣды любителей русскаго слова по первому разряду.

Въ приведенныхъ стихахъ сатиры онъ осмѣиваетъ слогъ и сантиментализмъ Карамзина и его послѣдователей и вооружается на размноженіе періодическихъ изданій.

Не менѣе ѣдко смѣется авторъ надъ лирикой, говоря, что, читая оды подражателей Ломоносова, онъ хохочетъ. Драма была не лучше эпоса и лирики:

«Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ;
Чтобы смѣшить,—пусти на сцену дураковъ *).
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца;
Одинъ лишь «Сынъ любви» здѣсь трогаетъ сердца!
«Гусситы», «Попугай» предпочтены Соренѣ
И Коцебятина одна теперь на сценѣ».

Здѣсь ясно виденъ приверженецъ ложно-классической трагедіи, который не могъ быть доволенъ ни такъ называемою «мѣщанскою драмою (comédie larmoyante), ни произведеніями нѣмецкихъ и англійскихъ трагиковъ. Заключается сатира возвышеннымъ и трогательнымъ признаніемъ сатирика: сердце его рветъ сознаніе, что нравственность въ его отечествѣ развращается; что вредная страсть свободы приводитъ юношество къ презрѣнію священной власти; что учители, возникшіе изъ гря-

*) Сюда необходимо отнести ѣдкое замѣчаніе сатирика: «Англичане, а болѣе нѣмцы, обыкновенно смѣшатъ въ комедіяхъ глупостями выведенныхъ на сцену пошлыхъ дураковъ или съумасшедшихъ. Изобрѣтеніе сего способа, избавляющаго автора отъ трудной обязанности быть умнымъ, должно заслуживать отъ многихъ нынѣшнихъ писателей общую благодарность»

зи, софизмами разрываютъ родственныя связи; что никто не считаетъ себя частью цѣлаго отечества и, удаляясь эгоизма («совлекся самости»), не рвется съ гордостію заявить передъ вселенною, что онъ—русскій!

Въ томъ же году написана и другая сатира «Совѣтъ Пустону», подходящая скорѣе къ отдѣлу дидактическихъ сочиненій и по нѣкоторымъ мыслямъ сильно напоминающая вторую сатиру А. Д. Кантемира «На зависть и гордость дворянъ злоправныхъ» (1729 г.). Основная мысль этой сатиры выражена двумя первыми стихами—

«Отдавши жизнь свою на жертву пустякамъ,
Дивимся, что они скоро наскучаютъ намъ»...

Пустонъ и представляетъ собою человѣка, отдавшаго свою жизнь пустякамъ и почувствовавшаго въ концѣ-концовъ утомленіе и скуку. Желая найти занятіе такому человѣку, который къ пулямъ не привыкъ, въ законахъ не знатокъ, не силенъ въ алгебрѣ, авторъ совѣтуетъ ему:

«Послушай... у тебя прекрасное село;
Ступай въ него, оставь жокеевъ и катанье,
И къ земледѣлію направь свое вниманье;
Учись и замѣчай, въ какія времена
Тамъ выгоднѣй землѣ повѣрить сѣмена,
Какъ утучнять ее, какъ съ малыми трудами
Покрыть свои поля обильными плодами...
Смотри, чтобъ у тебя крестьяне не лѣнились
И прибыльно себѣ и обществу трудились»...

Но Пустонъ, будучи ослѣпленъ «общимъ предразсужденьемъ», считаетъ хозяйство мелочнымъ упражненіемъ и тѣмъ побуждаетъ сатирика внушить ему правильный взглядъ на службу отечеству:

«Внемли же: должности въ одинъ сцѣплены кругъ;
Не меньше прочаго, Россіи нуженъ плугъ;
Герой ее хранитъ, философъ просвѣщаетъ,

А добрый селянинъ трудомъ обогащаетъ
И, хлѣбомъ житницы стараяся снабдить,
Двумъ первымъ подаетъ онъ способъ ей
служить»...

Та же мысль проводилась русскими писателями до кн. Горчакова, ее же пришлось позднѣе повторять и безсмертному автору «Горя отъ ума».

Также не совсѣмъ новую мысль развиваетъ нашъ сатирикъ и въ «Отрывкѣ изъ сатиры Онъ и Я», относящемся къ тому же 1827 году. Въ этомъ отрывкѣ, подходящемъ по своему характеру къ дидактическимъ произведеніямъ, авторъ выясняетъ, что не тщеславіе и мелкое самолюбіе должны служить побудительными причинами нашей службы отечеству. Лучшая награда за труды заключается, по мысли сатирика, въ спокойствіи совѣсти, происходящемъ отъ сознанія, что мы исполнили честно свой долгъ. Вѣря, что истинное блаженство заключается «внутрь сердца» нашего, авторъ даетъ своему собесѣднику такой совѣтъ:

«Тщеславье истребя,
Будь добръ для ближняго, а счастливъ для
себя».

Противъ тщеславія, часто разрушающаго счастье людей, направлена «Бесѣда о суетности», появленіе которой относится къ 1812 году. Къ тому же году относится и одно изъ лучшихъ лирическихъ произведеній кн. Горчакова «Русскій у подошвы Чатырдага», которое дышитъ неподдѣльною горячею любовью къ отечеству и является грознымъ укоромъ для тѣхъ, кого «честолюбье влечетъ за пышностью, за почестьми, чинами».

Въ великій историческій моментъ жизни русскаго народа, когда «дерзкій Корсъ» посмѣлъ предписывать Россіи уставы, авторъ, «сына чувствіемъ къ странѣ своей вспаленъ», со вздохомъ и горестью восклицаетъ:

Отечество мое, страна мужей почтенныхъ,...
Встань, прахъ стряси отъ вѣждъ и на себя
взгляни,

На славу, коея предѣлы міра полны,
На способы твои несчетны кинь твой взоръ;
Здѣсь духъ твоихъ сыновъ, тамъ злато въ
нѣдрахъ горъ,
А вкругъ седьми морей тебѣ послушны волны».

Глубоко вѣря, что въ годину бѣдъ народныхъ Россія всегда можетъ породить изъ нѣдръ своихъ героевъ, онъ боится, что не всегда владыки царствъ земныхъ замѣчаютъ истинныхъ героевъ:

«Владыки царствъ земныхъ!
Межъ милліонами подвластна вамъ народа
Великихъ душъ раждать не устаетъ природа;
Употребляйте только ихъ;
И мудростью водимы
Ихъ отличать въ толпѣ стремите бдящій взоръ:
Такъ злато рудокопъ въ ущельяхъ видитъ
горъ,
Гдѣ мыслятъ зрѣть одну дресву простолюдины».

Въ послѣднемъ изъ напечатаннымъ въ разсматриваемомъ собраніи сочиненій кн. Горчакова лирическихъ произведеній, появившемся въ 1813 году и озаглавленномъ «Бесѣда о уединеніи», выставляется польза уединенія, которое сатирикъ называетъ «діетою для разума». По словамъ его, лучшій наставникъ для человѣка—чувство внутреннее, наше сердце—

«О еслибъ мы себя почаще посѣщали
И умственный свой взоръ на сердце обращали,
Открылся-бъ, кажется, такой намъ ясный
свѣтъ,
Съ которымъ человѣкъ во вѣки не падетъ,
Которымъ добрые водились безопасно,
А міра мудрецы гордилися напрасно».

Здѣсь высказывается столь распространенное въ XVIII столѣтіи мнѣніе о преимуществѣ сердца предъ

разумомъ, мнѣніе, съ которымъ знакомятъ насъ педагогическія сочиненія Екатерины II и разсужденія Стародума въ комедіи Ф.-Визина «Недоросль». «Бесѣда о уединеніи» по содержанію представляетъ собою не сатирическое произведеніе, а дидактическое.

Знакомство съ сатирами кн. Горчакова показываетъ, что ему по справедливости данъ въ петлицу лавровый листъ «за сатиры.» По своимъ убѣжденіямъ, рѣзко расходившимся съ окружающею дѣйствительностью, по своей воспріимчивой и увлекающейся натурѣ, по прямотѣ и даже рѣзкости своего характера, онъ созданъ былъ именно для подобнаго рода произведеній. Давая обширный матеріалъ для характеристики своего времени, сатиры кн. Горчакова, по силѣ негодующаго тона и по рѣзкости обличенія, справедливо причислены литературною критикою къ лучшимъ произведеніямъ нашей сатирической поэзіи, а ихъ авторъ, обладавшій несомнѣннымъ талантомъ, не менѣе справедливо прозванъ «русскимъ Ювеналомъ».

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о единственно-извѣстномъ эпическомъ произведеніи нашего писателя, о повѣсти его: Пламиръ и Раида» (176 г.). Эта «россійская повѣсть» посвящена авторомъ другу Николаю Петровичу Николеву (1758—1815 гг.) *). Изъ посвященія узнаемъ, что повѣсть нравилась не только Николеву, но и другимъ любителямъ и знатокамъ словесности. Содержаніе ея весьма несложно. Двадцатипятилѣтній вдовецъ Пламиръ влюбился въ дочь Златима Раиду и взаимно ею любимъ. Но любовь ихъ не можетъ увѣнчаться бракомъ, потому что Златимъ раньше обѣщалъ руку Раиды Блескару, блестящему, по пустому молодому человѣку, пріѣзда котораго ждали со дня на день. Когда насталъ роковой день, Раида объявила отцу о своей любви къ Пламиру и отказа-

*) См. о Николевѣ ст. г. Чебышева въ «Филолог. Зап.» 1890 г., вып. III, IV—V.

лась отъ брака съ Блескаромъ. Упрямый отецъ проклялъ дочь, увезъ ее въ деревню и тамъ насильно обвѣнчалъ съ Блескаромъ. Узнавъ объ этомъ изъ письма Раиды и потерявъ сына отъ первой жены, Пламиръ уѣзжаетъ въ австрійскую армію и тамъ геройски умираетъ при взятіи непріятельской крѣпости. Раида узнала о судьбѣ его и скончалась отъ чахотки.

Чтобъ имѣть понятіе, что такое повѣсть кн. Горчакова, стоитъ выписать нѣсколько характерныхъ мѣстъ изъ нея. Прежде всего въ «Приношеніи» самъ авторъ заявляетъ, что его Раида нигдѣ не существуетъ, кромѣ воображенія сочинителя. То же самое онъ могъ бы заявить и о всей повѣсти, которая не заключаетъ въ себѣ ничего характернаго въ смыслѣ русской обстановки и русской дѣйствительности. Цѣль автора видна изъ слѣд. словъ: «О вы, которые, получа отъ Небесъ чувствительную душу, будете читать повѣсть сію! вы конечно почтите слезою своею жребій несчастныхъ, достойныхъ лучшей участи»... Согласно своей цѣли онъ такъ изображаетъ героиню: «Большіе томные глаза, въ коихъ чувствительность души изображалась какъ въ зеркалѣ... Раида, одаренная проницательнымъ разумомъ, не менѣе какъ и чувствительнымъ сердцемъ,... отгадала Пламира и возлюбила его; нашла въ немъ душу, своей соотвѣтствующую. А вотъ что онъ говоритъ о первомъ зарожденіи чувства между Раидою и Пламиромъ: «Видъ Пламира, на коемъ томная меланхолія... дѣлала его болѣе привлекательнымъ, произвелъ въ душѣ Раиды сіе симпатическое чувствіе, кое, встрѣтясь, ощущаютъ души, рожденныя другъ для друга»...

Подчеркнутыя слова ясно указываютъ, что повѣсть «Пламиръ и Раида» относится къ разряду «чувствительныхъ повѣстей», которыхъ съ легкой руки Карамзина такъ много появилось въ XVIII столѣтіи. Тутъ соединяются и сантиментализмъ Карамзина, и романтизмъ Жуковскаго.

Обнимая мысленнымъ взоромъ все принадлежащее перу кн. Д. П. Горчакова, мы должны сдѣлать такой выводъ о значеніи его литературной дѣятельности: Повѣсть его «Пламиръ и Раида», если нравилась въ свое время многимъ, то, по всей вѣроятности, не долго и скоро была забыта и исчезла безслѣдно въ массѣ подобнаго рода чувствительныхъ повѣстей.

Дольше помнились и имѣли успѣхъ между современниками его комическія оперы, имѣющія теперь лишь историческое значеніе, какъ срединное звено, связующее драму подражательную, ложноклассическую и самобытную, русскую. Зато сатиры составляютъ главное основаніе его литературной извѣстности. Многія изъ нихъ остались не напечатанными вслѣдствіе того, что заключали рѣзкое порицаніе современнаго общества и отдѣльныхъ личностей. Тѣ же, которыя напечатаны, не потеряли значенія и понынѣ, не смотря на то, что болѣе полвѣка отдѣляетъ ихъ отъ нашего времени. Нѣкоторые стихи его сатиръ стали классическими общими мѣстами, и если бы онъ сосредоточилъ свои силы на писаніи этого рода произведеній, то литературная слава его основывалась бы, несомнѣнно, на бо́льшемъ количествѣ такихъ образцовыхъ сатиръ, какъ «Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукому». Впрочемъ, и на основаніи извѣстныхъ сатиръ кн. Горчаковъ справедливо долженъ быть поставленъ на ряду съ выдающимися сатирическими писателями XVIII столѣтія. Помимо всего сказаннаго, изученіе его сатиръ въ настоящее время можетъ доставить прекрасный случай для сравненія прошлаго съ настоящимъ и вызоветъ цѣлый рой веселыхъ и грустныхъ мыслей. Но особенно пріятно изучать ихъ потому, что изъ-за рѣзкости обличенія и негодованія всюду виднѣется умная, серьёзно вдумывающаяся въ явленія окружающей дѣйствительности, образованная и высоконравственная личность автора; а въ каждомъ крикѣ негодованія слышится вопль истерзаннаго, горячо любя-

щаго свое отечество сердца. Не даромъ же сатирикъ признается въ одномъ мѣстѣ:

«Прочетши все сіе, еще ли скажутъ мнѣ:
Всегда бывало такъ на нашей сторонѣ!
Отъ вопля моего еще ли не проснутся!
Отъ слѣдствій пагубныхъ еще-ль не содрогнутся!
Вотъ что мнѣ сердце рветъ въ отечествѣ моемъ».

С. Брайловскій.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека Академии Наук СССР

Кн. "Невы"

Карт. Гонтъ
№ 11 плотной

Святки.

~~Виновникъ годовщины~~ Спасителя рожденье
Встревожило народъ;
К ~~Нему~~ Христу на поздравленье
Пустился всякій сбродъ:
Монахи, ряженые, красавицы, вельможи,
Один съ тузиком, другой въ санях...
~~Богатый~~ Христос, вздрогнув, кричит въ слезах,
И вопитъ: "что за рожи!"

—

Святокъ нашъ именитой
И въ лентахъ, и звездахъ
Приходитъ шумной свитой;
Малютку обнялъ страхъ.
"Не бойся, не страшись, останься ты въ покоѣ
"Мы не обидимъ никого,
"Мы право, право ничего,
"Хоть насъ число большое."

—

Малютка удивленный
Замѣтилъ, что сзади
Стоялъ мужъ отличенный,
Ему бъ быть впереди!
Спросилъ: "но отчего трусливъ такъ мужикъ,
"А онъ въ сіянии почестей!"
— Я изъ солдатскихъ вдовъ дѣтей,
Вотъ вся тому причина. —

—

~~Христу~~ Богу на новоселье
Принесъ министръ овецъ
Россійскаго издѣлья
Суконный образецъ.
"Я знаю, говоритъ, сукно мое дурное,
"Но ты надѣнь, любя меня;
"А въ Почтъ Съверной и я
"Скажу словцо-другое."

—

Нашъ Неккеръ запыхаясь,
К ~~Спасителю~~ ребеночку сквозь слезъ,
И ноги его валяясь,
Молитву произнесъ:
"О Боже! ~~Боже!~~ ~~Боже!~~ Подымай ты на поддержку нашу чудо.
"Оно тебѣ какъ плюнетъ газъ,
"А безъ того, боюсь, у насъ
"Финансамъ будетъ худо.

—

Гоф. Сов. 1818–19
Имя неизвѣстно

Кравченко – кор. сов. при двор. имп. гоф.

О. Р. Козодавлевъ, Кавалеръ Чин. при Деп. Сем. Дѣлъ съ 1810 по 1819 г.

? Авр. Ив. Гурьевъ Кавал. мин. фин. с 1809 по 1825.

Изд. "Недра"

Изд. Гоман
№ II плотной

Святки.

~~Вновь года на рождение~~ Спасителя
Встревожило народы;
К ~~Нему~~ Христу на поздравленье
Пустился в святки сброд:
Монахи, рифмачи, красавицы, вельможи,
Один тайком, другой в санях...
~~Витязь~~ Христос, вздрогнув, кричит в слезах,
И вопит: "что за рожи!"

—

Святок наших именитой
И в лентах, и звездах
Приходит шумной свитой;
Малютку обнял страх.
"Не бойся, не стращись, останься ты в покое
"Мы не обидим никого,
"Мы право, право ничего,
"Хоть нас число большое."

—

Малютка удивленный
Заметил, что сзади
Стоял лишь отличенный,
Я-ну б быть впереди!
Спросил: "но отчего ж трусливо так мужчина,
"А он в сиянии почестей!"
— Я из солдатских вдов детей,
Вот вся тому причина. —

—

~~Христу~~ ~~Витязь~~ на новоселье
Принес министр овец
Российского изделья
Суконный образец.
"Я знаю, говорит, сукно мое дурное,
"Но ты надень, любя меня;
"А в Почтовой Северной и я
"Скажу словцо-другое."

—

Наш Неккер, задыхаясь,
К ~~Спасителю~~ ~~младенцу~~ сквозь слез,
И ноги его валяясь,
Молитву произнес:
"О, Боже! ~~Господь~~ ~~Бог~~ Родимый ты на нашу нашу чудо!
"Оно тебя как плюнуть газ,
"А без того, боюсь, у нас
"Финансам будет худо!

—

Гоф. сов. 1818–19
или немного раньше

Архангельск. — хорошо он изд
двухлет. курс

О. П. Козодавлев, Министр
Внутр. Дел (сменил Лаферно с 1810
по 1819 г.

Дм. Гурьев Мин. фин
с 1803 по 1823.

" Склонись на пользу нашу,
" Рука твоя легка;
" А для тебя я кашу
" Начну варить пока.
" О мастерстве моем здесь каждый уже сведом:
" Я кашу лучше всех варю,
" И с той поры, как взят в царю,
" Лишь только то и делал!"

—

Сподвижниц знаменитый
Его преславных дел,
Румянами покрытый
К Марии вдруг подсел:
" Себя, она говорит, подобного не знаю!
" Воинским был среди мирных лет,
" Теперь, когда торговли нить,
" Торговлей управляю!"

—

Вдруг слышен шум у входа,
Березинский герой
Кричит толпе народа:
" Раздайся предо мной!"
— Пропустите его, здесь каждый повторяет,
Держать его грубиянов нам!
Мы знаем, он других и сам
Охотно пропускает.

—

Словесник бессловесный,
Писатель без письма,
Герой врагам безвестный
И гуннам без ума
Явился Кикин тут: он первый внук победы,
Он муж всех царств и всех времен,
Он в армии бездельник славен,
А генералам в бездну.

—

Пронырливый от века
Сибирский лилипут,
Образчик человека,
Явился Пестель тут:
" Кто правит Богом с небес землей, я в грош не ставлю,
" Пускай он тьмам дивит глупцов,
" Сибирью сам с Невы грехов
" И правлю я и граблю."

—

Трактатъ объ воспитаньи
Приноситъ новый Локкъ:
"Въ Малютки при стараньи
"Повторьте будетъ прокъ,
"Отдайте мнѣ его. Лечу на Нижній самъ
"Сосватався объ умѣ своемъ;
"Въ Дмитріевъ, не тамъ, грѣхомъ
"Совсѣмъ другое дѣло"...

—

"Горація на шею
"Себѣ я навязалъ,
"Хоть мало разумѣю,
"Но много прочиталъ.
"Малютку радъ учить всѣмъ лекикономъ въ мірѣ;
"Но математикъ никакъ,
"Боюсь, докажутъ, я дуракъ
"Какъ дважды два четыре.

—

Вдругъ сыромъ завоняло
И кнастеромъ протухъ,
Отъ звѣздъ хоть забористало,
Но всякой рощетъ всухъ.
"Министръ я водяной, на мнѣ лежитъ довольство;
"Когда одинъ, на всѣхъ ворчу,
"Въ совѣтъ не трушу и молчу,
"Мое такое свойство!"

—

Еще каррикатура
За нимъ вблизи стоитъ
Преподлая фигура:
И всѣмъ тутъ говоритъ:
"Не понимаю самъ, что сдѣлалось со мною!
"Сперва съ баландрою въ рукахъ
"Сидѣлъ въ трактирахъ, кабакахъ,
"Теперь и я съ звѣздою".

Кн. Д. П. Горчаковъ.

Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
Ф. 1 оп. 1 № 693
л. 1-5 об. 22

Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
БИБЛИОТЕКА